

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ АГРАРНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2077-5598
№ 4, 2020

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по
надзору в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)

*Свидетельство о
регистрации средства
массовой информации:
Эл № ФС-77-34226
от 26.11.2008 г.*

Журнал входит в
перечень рецензируемых
научных журналов,
зарегистрированных в
системе «Российский
индекс научного
цитирования».

№ договора E-Library:
№20-05/09-2

Учредитель:
Федеральное
государственное
бюджетное учреждение
науки Институт аграрных
проблем Российской
академии наук

*Адрес учредителя,
редакции:*
410012, г. Саратов,
ул. Московская, 94

Сайт:
[http://www.iagpran.ru/
journal.php](http://www.iagpran.ru/journal.php)
[http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras](http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras)

e-mail: iagpran@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АГРОСИСТЕМЫ: экономика и социология

электронный научный журнал

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ АПК

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА

Ермолова О.В., д.э.н., ИАЭП РАН

TENDENCIES OF CHANGES IN FINANCIAL STABILITY OF ENTERPRISES OF THE AGRI-FOOD COMPLEX

Ermolova O.V., doctor of economic sciences, IAgP RAS

-4-

НАПРАВЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Решетникова Е.Г., д.э.н., ИАЭП РАН

DIRECTIONS OF INSTITUTIONAL DESIGN IN THE SPHERE OF FOOD CONSUMPTION IN THE CONTEXT OF NEW GLOBAL CHALLENGES

Reshetnikova E.G., doctor of economic sciences, IAgP RAS

-9-

АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРОДУКТОВЫХ ЦЕПЧКАХ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

Яковенко Н.А., д.э.н., Иваненко И.С., к.э.н., ИАЭП РАН

ANALYSIS OF STRUCTURAL CHANGES IN THE PRODUCT CHAINS OF THE AGRICULTURAL FOOD COMPLEX OF RUSSIA

Yakovenko N.A., doctor of economic sciences,

Ivanenko I.S., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-15-

ТЕНДЕНЦИИ И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Курсанов В.В., к.э.н., ИАЭП РАН

TRENDS AND PRIORITY AREAS OF STRUCTURAL CHANGES IN THE AGRICULTURAL FOOD COMPLEX IN RUSSIA IN THE CONDITIONS OF NEW GLOBAL CHALLENGES

Kirsanov V.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-24-

ИНДИКАТОРЫ ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА

Дерунова Е.А., к.э.н., Андриященко С.А., д.э.н., ИАЭП РАН

INDICATORS FOR EVALUATING TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND INTELLECTUAL POTENTIAL OF AGRICULTURAL FOOD COMPLEX

Derunova E.A., candidate of economic sciences,

Andryuschenko S.A., doctor of economic sciences, IAgP RAS

-33-

НОВЫЕ ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ ЦЕН НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ

Остапенко Т.В., к.э.н., ИАЭП РАН

NEW FACTORS OF FOOD PRICE DYNAMICS

Ostapenko T.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-41-

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

*Коновалова Т.Л., ст. преподаватель, Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г.Чернышевского*

DEVELOPMENT OF INNOVATIVE PRODUCTION IN RUSSIA

*Konovalova T.L., senior teacher, Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevskiy*

-47-

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ
АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА**

**АНАЛИЗ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ ДИНАМИКИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ
ТРУДА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СУБЪЕКТОВ РФ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ФУНКЦИЙ
КОББА–ДУГЛАСА**

Кутенков Р.П., д.э.н., ИАгП РАН

**ANALYSIS AND PREDICTION OF TRENDS IN THE DYNAMICS OF LABOR
PRODUCTIVITY IN AGRICULTURE OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN
FEDERATION USING THE COBB-DOUGLAS FUNCTIONS**

Kutenkov R.P., doctor of economic sciences, IAgP RAS

-52-

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
ИНВЕСТИЦИОННЫМИ РЕСУРСАМИ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННЫХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ**

Ржевская М.Я., лаборант-исследователь, ИАгП РАН

**REGIONAL FEATURES OF INVESTMENT RESOURCE ENDOWMENT
IN AGRICULTURE IN THE CONTEXT OF INNOVATIVE TRANSFORMATIONS**

Rzhevskaya M. Ya., laboratory researcher, IAgP RAS

-59-

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

**ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЖИЗНЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕЛА:
ГЕНЕЗИС, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

Великий П.П., д.филос.н., ИАгП РАН

**CONTRADICTIONS IN THE LIVING SPACE OF THE VILLAGE:
GENESIS, PRESENT, FUTURE**

Velikiy P.P., doctor of philosophical sciences, IAgP RAS

-67-

**РЕЗЕРВЫ И ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО РАЗВИТИЯ
СОЦИО-ПРИРОДНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА АПК И СЕЛЬСКИХ
ТЕРРИТОРИЙ**

Семенов С.Н., д.э.н., Рубцова В.Н., д.э.н., Алиева Д.М., лаборант-исследователь, ИАгП РАН

**RESERVES AND FACTORS OF SUSTAINABLE AND COMPETITIVE
DEVELOPMENT OF SOCIO-NATURAL-ECONOMIC SPACE
OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX AND RURAL TERRITORIES**

*Semenov S.N., doctor of economic sciences, Rubtsova V.N., doctor of economic sciences,
Alieva D.M., laboratory researcher, IAgP RAS*

-72-

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕЛЬСКОЙ БЕДНОСТИ И СПОСОБЫ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Шабанов В.Л., д.социол.н., ИАгП РАН

STRUCTURAL FEATURES OF RURAL POVERTY AND WAYS TO OVERCOME IT

Shabanov V.L., doctor of sociological sciences, IAgP RAS

-83-

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СЕМЬИ С ДЕТЬМИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И
ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ**

Вяльшина А.А., к.социол.н., ИАгП РАН

GLOBALIZATION AND FAMILIES WITH CHILDREN: BASIC TRENDS AND INFLUENCES

Vyalshina A.A., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

-90-

**СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ АПК КАК ФАКТОР
СТАБИЛЬНОСТИ ЖИЗНИ СЕЛА**

Заикин А.В., к.социол.н., Поволжский институт управления – филиал РАНХиГС

**SOCIAL RESPONSIBILITY OF ECONOMIC SUBJECTS AS A FACTOR
OF VILLAGE LIFE STABILITY**

*Zaikin A.V., candidate of sociological sciences, Povolzhsky institute of management
named after P.A. Stolypin – branch of The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

-96-

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА

Ермолова О.В., д.э.н., ИАГП РАН

Проведен анализ уровня и динамики финансовой устойчивости крупных, средних и малых предприятий агропродовольственного комплекса в условиях неопределенности и глобальных рисков. Показаны факторы, сдерживающие ее рост. Обоснованы тенденции изменения системы показателей рентабельности, характеризующих различные стороны финансовой деятельности предприятий.

Ключевые слова: финансовая устойчивость, рентабельность, отрасль, предприятие, конкуренция, регулирование, инвестиции.

TENDENCIES OF CHANGES IN FINANCIAL STABILITY OF ENTERPRISES OF THE AGRI-FOOD COMPLEX

Ermolova O.V., doctor of economic sciences, IAgP RAS

The analysis of the level and dynamics of financial stability of large, medium and small enterprises of the agri-food complex in conditions of uncertainty and global risks is carried out. The factors restraining its growth are shown. The tendencies of changes in the system of profitability indicators characterizing various aspects of the financial activities of enterprises have been substantiated.

Key words: financial stability, profitability, industry, enterprise, competition, regulation, investment.

Введение.

Поддержание финансовой устойчивости является одним из важных условий стабильности предприятий и отраслей агропродовольственного комплекса. Эффективный механизм управления финансовой устойчивостью позволяет иметь конкурентные преимущества за счет привлечения инвестиций, получения кредитов, выбора выгодных поставщиков, квалифицированных кадров и др. Финансово устойчивые предприятия играют и важную социальную роль, поскольку такие предприятия создают рабочие места и являются условием развития территорий. Поэтому обоснование методов и инструментов поддержания финансовой устойчивости на основе исследования ее параметров, а также доходности предприятий и отраслей комплекса имеет значение на всех этапах развития комплекса.

Цель исследования состояла в выявлении тенденций доходности и финансовой устойчивости крупных, средних и малых предприятий пищевой промышленности РФ с целью оценки их инвестиционной привлекательности.

Методика исследования.

В ходе исследования использовались абстрактно-логический, экономико-статистический и монографический методы, метод исследования цепочек создания добавленной стоимости. Привлекались основные положения ситуационного анализа.

Результаты исследования.

Финансовая устойчивость характеризует такое состояние финансовых ресурсов отрасли, предприятия, которое дает возможность развиваться в основном за счет собственных средств, обеспечивая платежеспособность, минимальный уровень предпринимательского риска и инвестиционную привлекательность. В условиях стагнации ряда отраслей, что усугубилось последствиями коронокризиса 2020 г., низкий уровень экономической активности, инвестиционное поведение компаний, прежде всего, крупных не смогли повысить уровень инвестиционной активности бизнеса. Дефицит доходов предприятий не стимулируют инвестиции и обновление производства.

Основными факторами, повлиявшими на финансовую устойчивость предприятий в период коронокризиса и предшествующий период, являлись такие макроэкономические фак-

торы, как наличие инфляционных процессов и их динамика, налоговая политика и условия для ведения бизнеса, доступность заемных источников. Большое значение имеет состояние региональной экономики, а также отраслевая принадлежность предприятия.

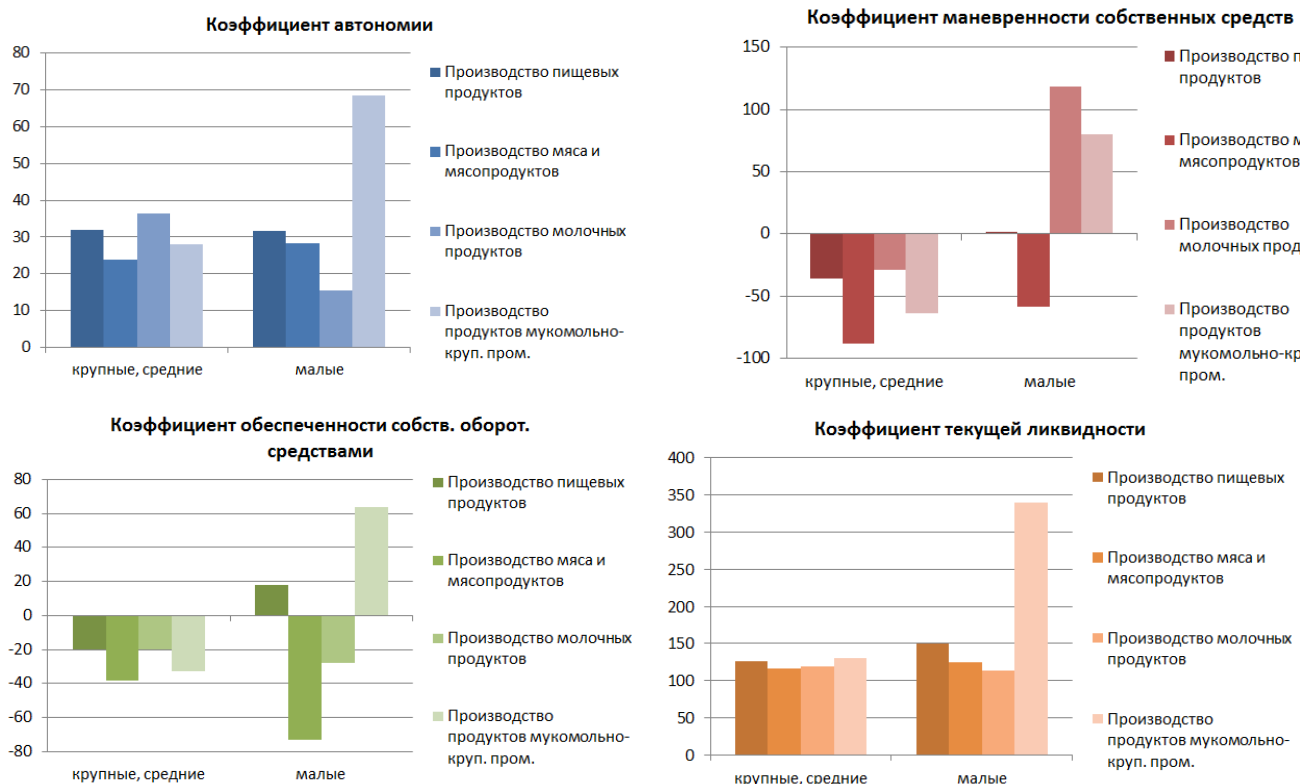

Рисунок – Показатели финансовой устойчивости крупных и малых предприятий пищевой промышленности РФ в 2019 г. [1]

Нами проведен анализ показателей финансовой устойчивости по ряду основных видов деятельности пищевой промышленности, который выявил существенные финансовые риски (рисунок, таблица 1). Некоторые показатели для малых предприятий оказались выше, чем для крупных и средних. За период 2016–2019 гг. и по крупным, средним, и по малым предприятиям обнаружены значения, показывающие рост финансовой устойчивости, но сохранение критических значений финансовых рисков.

Так, значения коэффициента автономии, показывающего долю собственных средств в валюте баланса, улучшили свое значение, но они намного ниже нормального ограничения как по крупным, так и по малым субъектам предпринимательства (за исключением значений в производстве продуктов мукомольно-крупяной промышленности).

Коэффициент маневренности, зависящий от специфики отрасли и структуры капитала, также показал рост финансовой устойчивости. Но его отрицательные значения свидетельствуют о шатком финансовом положении, о том, что средства вложены в медленно реализуемые активы, а оборотный капитал сформирован во многом за счет заемных средств.

Судя по ряду этих коэффициентов (коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами, например), в худшем положении из анализируемых видов деятельности находится производство мяса и мясопродуктов и производство молочных продуктов.

Несмотря на то, что коэффициент текущей ликвидности в целом по виду деятельности «Производство пищевых продуктов» близок к норме (200%), наблюдается большой разброс его значений по отдельным отраслям. Так, в производстве мяса и мясопродуктов, молочных продуктов и продуктов мукомольно-крупяной промышленности его значения говорят о высоком финансовом риске, о неспособности предприятий стабильно оплачивать текущие

счета. Высокое значение этого коэффициента по крупным, средним предприятиям по виду деятельности «производство продуктов мукомольно-крупяной промышленности» свидетельствует о нерациональной структуре капитала.

Нормализация этого и других коэффициентов связана, прежде всего, с обеспечением доходности деятельности предприятий и отраслей, ее динамикой, а также с соблюдением принципа финансирования за счет получаемого дохода и долгосрочных инвестиций [2, 3].

Таблица 1 – Показатели финансовой устойчивости малых предприятий РФ по видам экономической деятельности в 2016, 2019 гг., % [1]

Показатель	Коэффициент обеспеченности собственными оборот. средствами		Коэффициент автономии		Коэффициент маневренности собственных средств		Коэффициент текущей ликвидности	
	2016	2019	2016	2019	2016	2019	2016	2019
Производство пищевых продуктов	-19,4	17,8	24,3	31,7	50,8	1,7	106,8	149,7
Производство мяса и мясопродуктов	-134,2	-73,1	-2,2	28,3	2653,9	-53,3	49,9	124,7
Производство молочных продуктов	-43,0	-27,7	10,4	15,5	-257,8	-118,0	99,7	114,4
Производство продукции мукомольно-крупяной промышленности	-30,4	63,5	10,4	68,4	-107,8	80,2	103,7	339,7

Рост доходности предприятий, отраслей особенно важен для финансового инвестора. Этим он отличается от стратегического инвестора, которого интересуют расширение присутствия предприятий на рынке, развитие их научно-технологического потенциала, производственные мощности. Рост прибыли, повышение эффективности управления затратами – основные пути роста доходности.

В условиях типа внешнего окружения, которое можно охарактеризовать как «изменяющаяся среда» управление процессом роста доходности представляется особенно сложным и значимым. Неблагоприятная конъюнктура рынков, высокая неопределенность, принудительное ограничение деловой активности, сужение спроса приводят зачастую к нестабильности доходов предприятий. Очень низкие значения уровней рентабельности наблюдаются и по крупным, средним, и по малым предприятиям. Однако крупные предприятия имеют преимущества (таблица 2). Наблюдаемые уровни и колебания рентабельности предприятий объясняются не только изменениями рыночной конъюнктуры, но и невозможностью их адаптироваться к новым вызовам и угрозам.

Таблица 2 – Рентабельность крупных и малых предприятий отраслей пищевой промышленности в 2019 г., % [1]

Показатель	Уровень рентабельности к затратам на производство		Уровень рентабельности к выручке		Уровень рентабельности активов (чистая прибыль в % ко всем активам)	
	крупные, средние	малые	крупные, средние	малые	крупные, средние	малые
Производство пищевых продуктов	7,3	4,8	6,8	4,5	6,2	3,2
Производство мяса и мясопродуктов	4,8	3,6	4,6	3,4	2,7	2,8
Производство молочных продуктов	7,0	2,6	6,5	2,5	7,2	2,5
Производство продукции мукомольно-крупяной промышленности	4,3	4,5	4,1	4,3	4,9	1,0

Как показывают данные таблицы, недостаточным является уровень интегральной оценки эффективности деятельности, характеризуемый уровнем рентабельности к затратам на

производство. Рентабельность продаж как индикатор ценовой политики компании, ее способности контролировать затраты и товарный ассортимент также показывают невысокие значения, что говорит о несформированности конкурентных стратегий отраслей и предприятий. Судя по значениям коэффициента рентабельности активов, низкой является эффективность управления денежными средствами, и уровень менеджмента предприятий отрасли.

Выделенные нами для анализа виды деятельности отличаются тем, что имеют достаточно развитые межотраслевые связи, структурные преобразования в них направлены на развитие контрактных отношений между субъектами, кооперационных связей, формирование интеграционных объединений.

Доля прибыльных организаций среди крупных и средних предприятий в сельском хозяйстве, по данным бухгалтерских балансов, составляла в 2019 г. 73,6% (в 2016 г. – 79,9%), по малым – 77,6%. Число предприятий, получивших прибыль в производстве пищевых продуктов, в 2019 г. составило 73,7 % (крупные, средние предприятия) и 76,3% (в малые). Среди анализируемых нами видов деятельности наибольшее число крупных и средних предприятий, получивших прибыль, отмечено в производстве молока и молочной продукции (79,6%), по малым предприятиям – в производстве мяса и мясопродуктов (78,1%). Следует отметить, что внутри выделенных видов деятельности предприятия сильно дифференцированы по финансовому состоянию, а доходы их нестабильны.

Конкурентоспособность производства во многом определяется инвестиционной и инновационной активностью предприятий и отраслей, возможностями привлечения инвестиций. Отрасли агропродовольственного комплекса в условиях рецессии экономики России сохраняют положительную динамику производственных, финансовых результатов и цен [4]. Это способствовало росту инвестиционной привлекательности сельского хозяйства. Важной особенностью последних лет является рост объемов сельскохозяйственного производства при снижении объемов инвестиций в основной капитал. Доля инвестиций в основной капитал в отраслях комплекса обнаруживает тенденцию к уменьшению. Имеющиеся средства недоиспользуются в качестве источника внутренних капитальных инвестиций, не создаются условия и стимулы для притока инвестиций в реальный сектор экономики. В производстве пищевых продуктов наблюдается наибольшее падение инвестиций, а их рост в основной капитал отмечен только по некоторым видам деятельности.

Важнейшим фактором роста финансовой устойчивости является налаживание взаимодействия малых, средних и крупных предприятий. Оно должно строиться на основе долгосрочных систем делового партнерства и быть направлено на рост конкурентоспособности предприятий за счет инноваций, повышения их технической, организационной и социально-экономической адаптивности. В настоящее время имеется опыт эффективных взаимодействий крупных предприятий с поставщиком сырья, материалов, полуфабрикатов, а также взаимодействия их с малыми предприятиями. В тех отраслях, где относительно высока концентрация малых предприятий, возникает новый тип взаимодействия малых предприятий друг с другом. Возможно формирование дочерних структур и союзов, предприятий по переработке, хранению, торговле.

Для оценки инвестиционной привлекательности в регионе большее значение имеет не только финансовая устойчивость предприятий и отраслей, но природные и макроэкономические параметры, определяющие уровень инвестиционных рисков. Важными характеристиками являются согласованность ветвей власти, уровень и динамика развития реального сектора, а также особенности регулирования малого бизнеса и др.

Заключение.

Проведенный сравнительный анализ крупных и малых предприятий выявил в основном низкий и сильно дифференцированный ее уровень по отдельным видам экономической деятельности и существенные различия в доходности крупных, средних и малых предприятий. Анализ финансовой устойчивости имеет значение для определения потенциально привлекательных объектов для инвестирования в агропродовольственном комплексе.

Тип рыночной структуры, уровень развития конкурентной среды на продуктовых рынках, их насыщенность, параметры внутреннего спроса и система его стимулирования, взаимодействие реального и финансового секторов экономики комплекса являются ключевыми факторами, определяющими уровень финансовой устойчивости.

Существенные различия в уровне спроса на технику и технологии у предприятий разного типа, недостаточный потенциал внедрения современных технологий в малых и средних предприятиях являются барьерами на пути роста конкурентоспособности агропродовольственного комплекса.

Повышение склонности к инвестированию, устойчивость инвестиций в основные отрасли комплекса, создание условий и стимулов для притока инвестиций в реальный сектор экономики должны стать важными факторами роста его конкурентоспособности.

Список литературы:

1. Бухгалтерская отчетность организаций (БД БОО): база данных Росстата на основе сводных итогов по организациям. Федеральная служба государственной статистики. ФГУП ГМЦ Росстата, 2020. – URL: gmcgks.ru
2. Батьковский М.А., Булава И.В., Мингалиев К.Н. Совершенствование управления финансовой устойчивостью предприятия в современных условиях с целью снижения рисков его деятельности // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. – 2019. – № 3. – С. 50–52.
3. Усачёв Г.Г. Финансовая устойчивость организации и критерии структуры пассивов // Экономический анализ: теория и практика. – 2019. – №17. – С. 62–70.
4. Цены в России. 2020: Стат. сб. / Росстат. – М., 2020 – 147 с.

НАПРАВЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Решетникова Е.Г., д.э.н., ИАГП РАН

Показана актуальность трансформации институтов сферы потребления продовольствия в условиях новых глобальных вызовов. Рассмотрены структурные изменения спроса и организации торговой деятельности продовольственными товарами в условиях пандемии. Систематизированы трактовки сущности понятия «институциональный механизм», осуществлен анализ динамики структуры располагаемых ресурсов домохозяйств с использованием дифференцированного подхода. Прослежена тенденция снижения доли расходов на покупку продуктов для домашнего питания в расходах на конечное потребление домохозяйств. Обоснована необходимость институционального проектирования в сфере реальных доходов населения, определяющая вектор долгосрочных тенденций платежеспособного спроса и личного потребления продовольствия.

Ключевые слова: институциональное проектирование, сфера потребления продовольствия, институциональный механизм, платежеспособный спрос на продукты питания, располагаемые ресурсы домохозяйств.

DIRECTIONS OF INSTITUTIONAL DESIGN IN THE SPHERE OF FOOD CONSUMPTION IN THE CONTEXT OF NEW GLOBAL CHALLENGES

Reshetnikova E.G., doctor of economic sciences, IAgP RAS

The urgency of the transformation of institutions in the sphere of food consumption in the context of new global challenges is shown. Structural changes in the demand and organization of trade in food products in a pandemic are considered. The interpretation of the essence of the concept of “institutional mechanism” is systematized; the analysis of the dynamics of the structure of disposable resources of households using a differentiated approach is carried out. The trend of a decrease in the share of expenses for the purchase of food products for home meals in the final consumption expenditures of households has been analyzed. The necessity of institutional design in the sphere of real incomes of the population is substantiated. This necessity determines the vector of long-term trends in effective demand and personal consumption of food.

Key words: institutional design, food consumption, institutional mechanism, effective demand for food, available resources of households.

Введение.

Конкурентоспособное экспортноориентированное развитие национального агропродовольственного комплекса, успешно реализующего стратегию импортозамещения, предполагает стабильное удовлетворение внутреннего спроса на продовольствие, обеспечение экономической доступности продуктов питания для всего населения. Сдерживающим фактором формирования платежеспособного спроса на основные продукты питания, соответствующего потребности в продовольствии на уровне рациональных норм, является отрицательная динамика реальных располагаемых доходов населения в последние годы, их значительная дифференциация по децильным доходным группам населения [1]. Исследование влияния фактора денежных доходов на формирование уровня и структуры платежеспособного спроса и потребления основных продуктов питания различными доходными группами населения показывает его первостепенное значение в данном процессе [2]. Важной стратегической задачей в связи с этим является проведение сбалансированной социальной и региональной политики, направленной на выравнивание уровней жизни населения, в частности, потребления продовольствия в территориальных составляющих страны [3]. Осуществление политики такой стратегической направленности предполагает решение назревших институциональных проблем в сфере реальных доходов населения.

Цель исследования – на основе уточнения теоретико-методологических аспектов формирования институционального механизма экономической доступности продовольствия рассмотреть основные направления институционального проектирования в сфере потребления продовольствия, определяющих вектор долгосрочных тенденций платежеспособного спроса основных продуктов питания в условиях новых глобальных вызовов и рисков.

Методика исследования.

Осуществленное исследование особенностей институционального механизма экономической доступности продовольствия базируется на использовании таких общенаучных методов познания, как системный анализ, метод сравнения, монографический метод, метод группировок, применение которых позволило обосновать направления институционального проектирования в сфере реальных доходов населения, обеспечивающие совершенствование сферы потребления продовольствия и достижение экономической доступности продовольствия для всех социально-семейных групп населения.

Результаты исследования.

В условиях нарастания глобальных вызовов и связанной с ними объективной необходимостью крупномасштабных институциональных изменений появляется настоятельная потребность в трансформации и создании новых институтов, направленных на решение возникающих задач. Такой новый глобальный вызов как пандемия Covid – 19 вызвал значительные изменения в институциональной среде многих сфер жизни. Произошла и определенная трансформация институтов, связанных со сферой потребления продуктов питания, обусловленная как сжатием спроса населения, так и вынужденными изменениями в организации торговой деятельности. Можно констатировать возрастание роли онлайн – покупок продуктов питания и других товаров первой необходимости и их доставки курьерами, переориентацию ресторанов и кафе на реализацию блюд на вынос и т.д. Ассоциация компаний розничной торговли (АКОРТ), объединяющая крупнейших ретейлеров, отмечала в начале апреля 2020 г. резкое увеличение покупателей в онлайн – сервисах доставки продуктов, при этом произошло снижение числа покупателей в магазинах шаговой доступности на 20–30% и супермаркетов на 40–60%. Первоначально в этих новых условиях онлайн – сервисы некоторых торговых систем не справлялись с резко увеличившимся числом заказов, возросло время доставки заказов. Наибольший объем продаж через онлайн – сервисы имел место в середине и конце марта 2020 г. [4].

Для адекватного реагирования на вызовы времени по трансформации действующих и созданию новых институтов необходимо осуществление институционального проектирования, представляющего собой деятельность, аккумулирующую разработку экономических и других институтов, последовательно внедряемых в хозяйственную систему с целью получения конечного искомого результата. Инструментом реализации институционального проектирования выступает институциональный механизм как система методов и приемов разработки и развития норм и правил, совершенствования взаимодействия между институтами, направленная на достижение определенной цели. Непоследовательность институциональных преобразований в агропродовольственной сфере может привести, как показано в экономической литературе, к значительным проблемам в сфере потребления продовольствия [5]. Достижение в долгосрочной перспективе параметров платежеспособного спроса на продовольствие, удовлетворяющего требованиям устойчивого развития национальной и региональных агропродовольственных систем и повышению уровня жизни населения, предполагает трансформацию институционального механизма экономической доступности основных продуктов питания в направлении учета действия комплекса новых эндогенных и экзогенных факторов.

В современной экономической литературе существует достаточно много исследований, посвященных сущности институционального механизма и его взаимосвязи с экономическим механизмом. В экономической литературе выделяется узкая и широкая трактовка концепции институционального механизма [6]. Большинство исследователей рассматривают институциональный механизм как составную часть экономического или хозяйственного механизма. В то же время каждый исследователь дополняет общую картину институционального механизма как составляющей экономического механизма определенными аспектами. Некоторые

аналитики обращают внимание на то, что институциональный механизм объединяет большое количество частичных институциональных механизмов, что отражает его многоаспектность [7]. Также существует мнение, что институциональный механизм объединяет организационные элементы и институциональные условия, особенности взаимодействия которых обеспечивают достижение поставленных целей [8]. Следует согласиться с трактовкой институционального механизма как составляющей хозяйственного механизма, создающей нормы и правила для эффективного взаимодействия хозяйствующих субъектов, при этом институциональный механизм рассматривается как механизм институционального проектирования [9]. Институциональный механизм в узком смысле трактуется также как составная часть экономического механизма, которая отражает взаимосвязь институтов. Данная трактовка институционального механизма близка к подходу Нобелевского лауреата по экономике Л. Гурвица, рассматривающего институты как группу норм, которая влияет на стратегию игроков [10]. При втором подходе институциональный механизм рассматривается как более широкая категория по сравнению с экономическим механизмом, в этом случае он может использоваться для объяснения и прогнозирования развития существующих экономических отношений, определяющих конечный результат функционирования экономической системы.

В экономической литературе предлагается рассматривать институциональный механизм как алгоритм действий экономических агентов, создающий условия для их эффективного взаимодействия с помощью формальных и неформальных норм с целью получения высокого конечного результата. Данный подход предполагает анализ влияния институтов на поведение индивидов, подробное изучение неформальных институтов как части институционального механизма. Неформальные институты крайне важны, так как могут оказывать существенное влияние как на индивидуальные, так и коллективные действия [11]. При таком подходе имеется возможность проследить взаимосвязь институтов и транзакционных издержек, которые играют важную роль в процессе их функционирования. Задачей институционального механизма продовольствия как составной части социально-экономического механизма экономической доступности продовольствия является разработка новых и совершенствование уже существующих норм и правил, обеспечение их эффективного взаимодействия, направленного на формирование у всех доходных групп населения спроса на продовольствие на уровне рациональных норм потребления.

Раскрывая сущность институционального механизма, важно выявить его отличия от таких близких категорий, как институциональная среда, институциональный контур и институциональная матрица. При трактовке сущности институциональной среды, на наш взгляд, следует придерживаться классического определения, то есть понимания ее как совокупности важнейших социальных, политических и юридических правил, которые создают основу для функционирования всех фаз воспроизводственного цикла [12]. Таким образом, институциональная среда является совокупностью основополагающих институтов, а институциональный механизм включает в себя арсенал средств разработки институтов, воздействия на институты и на их взаимодействие, направленный на получение заданного результата. Институциональный контур принято рассматривать как замкнутую систему традиционных давно используемых институтов, которые регулируют взаимодействия экономических агентов и определяют вектор развития экономической системы. В экономической литературе институциональная матрица рассматривается как устойчивая система основных институтов, осуществляющая регулирование экономической, политической и идеологической подсистем общества [13]. Наиболее широким понятием из рассмотренных выше является институциональная среда, которая вбирает в себя в качестве составляющих все другие перечисленные определения. Для обоснования предложений по изменению сложившихся не всегда эффективных тенденций в сфере потребления продовольствия посредством активизации институционального механизма экономической доступности продовольствия необходим всесторонний анализ спроса и потребления основных продуктов питания в социальном и территориальном разрезах, опирающийся на соответствующее информационное обеспечение.

Анализ статистических данных таблиц 1–3 позволяет сделать вывод о том, что в течение прошедших тринадцати лет доля расходов на питание в общей структуре расходов на

конечное потребление уменьшалась у всех доходных групп, однако она остается достаточно высокой. У подавляющего числа доходных групп данный параметр значительно выше уровня европейских стран.

Таблица 1 – Структура располагаемых ресурсов домохозяйств РФ по децильным доходным группам населения в 2005 г., %*

Показатели	1	2	5	9	10
Располагаемые ресурсы – всего	100	100	100	100	100
Из них: денежный доход	89,1	89,5	90,9	92,8	84,7
стоимость натуральных поступлений	9,4	8,8	6,8	3,3	2,2
сумма привлечённых средств и израсходованных сбережений	1,1	1,2	1,7	3,1	12,2
Расходы на конечное потребление – всего	100	100	100	100	100
Из них: расходы на питание	58,3	56,3	48,5	33,5	28,4
В том числе: на покупку продуктов для домашнего питания	47,3	45,7	39,1	26,7	20,1
стоимость натуральных поступлений продуктов питания	10,4	9,9	7,9	4,1	3,3
из них поступлений из личного подсобного хозяйства	8,5	8,2	1,4	0,8	0,6

* таблицы 1–3 составлены автором на основе статистических данных [14].

Как видно из анализируемых статистических данных Росстата, на протяжении рассматриваемого периода структура располагаемых ресурсов имела следующие тенденции: по мере роста дохода децильной группы происходило уменьшение доли денежного дохода в структуре располагаемых ресурсов. В 2005 г. доля денежного дохода в структуре располагаемых ресурсов менялась в зависимости от принадлежности к доходной группы следующим образом: 89,1% в первой группе с минимальными доходами и 84,7% в десятой группе с максимальными доходами, в 2015 г. – 92,9 и 79,6%, в 2018 г. – 91,9 и 75,9% соответственно. Таким образом, на исследуемом временном промежутке доля денежного дохода в структуре располагаемых ресурсов у малообеспеченных слоев населения возрастала, а у наиболее обеспеченных имела тенденцию к сокращению. Также можно констатировать нарастание количественных различий данного параметра у полярных доходных групп.

Доля стоимости натуральных поступлений в структуре располагаемых ресурсов по мере роста дохода имела тенденцию к уменьшению. В 2005 г. доля стоимости натуральных поступлений в структуре располагаемых ресурсов составила 9,4% в первой доходной группе и 2,2% в десятой доходной группе, в 2015 г. – 6,5 и 2,2%, в 2018 г. – 7,6 и 1,1% соответственно. У данного параметра количественные различия в течение тринадцати лет имели тенденцию к сглаживанию. Доля такой составляющей располагаемых ресурсов как сумма привлечённых средств и израсходованных сбережений имела тенденцию к росту. В 2005 г. ее доля у первой доходной группы с минимальными доходами составила 1,1%, у десятой доходной группы – 12,2%, в 2015 г. – 0,7 и 18,2%, в 2018 г. – 0,5 и 23,0% соответственно. Можно отметить сокращение доли данного параметра у малообеспеченных слоев общества и быстрое нарастание у высокодоходных групп населения.

Таблица 2 – Структура располагаемых ресурсов домохозяйств РФ по децильным доходным группам населения в 2015 г., %

Показатели	1	2	5	9	10
Располагаемые ресурсы – всего	100	100	100	100	100
Из них: денежный доход	92,9	93,5	94,3	92,0	79,6
стоимость натуральных поступлений	6,5	5,6	4,3	3,0	2,2
сумма привлечённых средств и израсходованных сбережений	0,7	0,9	1,5	5,0	18,2
Расходы на конечное потребление – всего	100	100	100	100	100
Из них: на домашнее питание	49,2	47,3	41,9	29,7	21,7
В том числе: денежные расходы	42,3	41,3	37,3	26,8	19,4
стоимость натуральных поступлений продуктов питания	6,9	6,0	4,6	2,9	2,3
из них: поступлений из личного подсобного хозяйства	5,2	4,5	3,4	2,1	1,5

Как видно из приведенных статистических данных доля расходов на покупку продуктов для домашнего питания сокращалась. В 2005 г. она составила 47,3% у первой доходной группы и 20,1% у десятой доходной группы, в 2015 г. – 42,3 и 19,4%, в 2018 г. – 43,3 и 16,8% соответственно. Если в десятой доходной группе данная доля плавно уменьшалась на протяжении всего анализируемого времени, то в первой доходной группе имело место небольшое увеличение рассматриваемого параметра в силу наличия определенных проблем в социальной сфере, связанных с динамикой реальных доходов, начиная с 2014 г.

Таблица 3 – Структура располагаемых ресурсов домохозяйств РФ по децильным доходным группам населения в 2018 г., %

Показатели	1	2	5	9	10
Располагаемые ресурсы – всего	100	100	100	100	100
Из них: денежный доход	91,9	93,3	94,0	93,5	75,9
стоимость натуральных поступлений	7,6	6,2	4,4	2,6	1,1
сумма привлечённых средств и израсходованных сбережений	0,5	0,6	1,6	3,9	23,0
Расходы на конечное потребление – всего	100	100	100	100	100
Из них: на домашнее питание	51,5	47,2	41,4	29,2	17,9
В том числе: денежные расходы	43,3	40,5	36,7	26,8	16,8
стоимость натуральных поступлений продуктов питания:	8,2	6,7	4,7	2,4	1,0
из них поступлений из личного подсобного хозяйства	1,8	1,5	1,2	0,8	0,4

В расходах на питание доля стоимости натуральных поступлений имела тенденцию к сокращению. В 2005 г. доля стоимости натуральных поступлений составила 10,4% у группы с минимальными доходами и 3,3% у группы с максимальными доходами, в 2015 г. – 6,9 и 2,3%, в 2018 году – 8,2 и 1,0% соответственно. Доля поступлений из личного подсобного хозяйства в 2005 г. в первой доходной группе составила – 8,5% в десятой – 0,6%, в 2015 г. – 5,2 и 1,5%, в 2018 г. – 1,8 и 0,4% соответственно. Роль личного подсобного хозяйства в питании всех доходных групп на исследуемом промежутке времени сокращалась.

Можно прогнозировать усиление негативных аспектов сложившихся тенденций динамики структуры располагаемых ресурсов в разрезе доходных групп в условиях современных вызовов, таких как пандемия и ее последствия. Высокие значения доли расходов на приобретение продуктов питания в потребительских расходах свидетельствуют о недостаточности средств, которыми располагают малообеспеченные слои населения. Поэтому особенно в условиях новых глобальных вызовов стоит задача увеличения реальных доходов населения. Для формирования тенденций в сфере потребления продовольствия в русле прогрессивных мировых тенденций необходимо развитие институтов повышения реальных доходов населения: индексации доходов и сбережений; смягчения региональной, внутриотраслевой, межотраслевой дифференциации оплаты труда; увеличения прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда. Для повышения уровня жизни малообеспеченных групп населения необходима активизация института социального контракта и формирование института внутренней продовольственной помощи.

Заключение.

Для интенсификации процесса приближения доли расходов на питание в потребительских расходах к европейскому уровню необходимо активизировать применение институционального механизма экономической доступности продовольствия. Можно констатировать, что современная структура использования располагаемых ресурсов является нерациональной и отражает недостаток средств у ряда доходных групп для организации здорового и полноценного питания. Для осуществления прогрессивных изменений в структуре питания населения необходимо проведение институционального проектирования в сфере потребления продовольствия как деятельности по совершенствованию, разработке и внедрению экономических и других институтов в хозяйственную практику с целью достижения важнейших критериев продовольственной безопасности, в частности, экономической доступности продовольствия для всех групп населения независимо от уровня располагаемых ресурсов. Инструментом осуществления институционального проектирования в сфере потребления продо-

вольствия является институциональный механизм, представляющий собой систему методов разработки и развития норм и правил, совершенствования взаимодействия между институтами с целью их оптимального функционирования. Институциональный механизм экономической доступности продовольствия должен быть направлен на разработку алгоритма гибкого использования индексации заработной платы и применение инструмента увеличения прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда. Это создаст необходимые условия для роста потребительского спроса на продовольствие и рационализации его структуры, улучшения модели потребления продовольствия для всего населения, достижения экономической доступности основных продуктов питания для всех доходных групп.

Список литературы:

1. Среднедушевые денежные доходы населения. – URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#
2. Решетникова Е.Г. Институциональная составляющая обеспечения продовольственной безопасности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. – 2015. – № 1(198). – С. 61–67.
3. Решетникова Е.Г. Стратегический анализ сферы потребления продовольствия: региональный аспект // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2015. – № 1. – С. 5.
4. Торговля в онлайн-режиме: как изменились покупательские предпочтения в период пандемии. – URL: <https://kriminal77.ru/torgovlya-v-onlayn-rejime-kak-izmenilis-pokupatelskie-predpochteniya-v-period-pandemii-235942>
5. Решетников Г.В. Голод в Поволжье начала прошлого века как результат социально-экономических потрясений и природных катаклизмов // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. – 2019. – № 1. – С. 90–92.
6. Веретенникова А.Ю., Омонов Ж.К. Концепция институционального механизма в экономической теории // Журнал экономической теории. – 2017. – № 2. – С. 156–162.
7. Салыев В.Р. К вопросу о типологии и классификации институциональных механизмов // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. – 2006. – № 4. – С. 122–126.
8. Ященко С.О., Никифорова М.Е. Сущность институционального механизма как составляющей экономической системы // Известия ДФВУ. Экономика и управление. – 2014. – № 1. – С. 11–19.
9. Истомин С.В. Сравнительный анализ институционального и хозяйственного механизмов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – Т. 208. – № 27. – С. 47–51.
10. Hurwicz L. Economic design, adjustment processes, mechanisms, and institutions // Econ. Des. – 1994. – Vol. 1. – No. 1. – P. 1–14.
11. Ostrom E. Collective action and the evolution of social norms // J. Econ. Perspect. – 2000. – Vol. 14. – No. 3. – P. 137–158.
12. Davis L., North D. Institutional change and american economic growth: a first step towards a theory of institutional innovation // J. Econ. Hist. – 1970. – Vol. 30. – No. 1. – P. 131–149.
13. Myerson R.B., Satterthwaite M.A. Efficient mechanisms for bilateral trading // J. Econ. Theory. – 1983. – Vol. 29. – No. 2. – P. 265–281.
14. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств. – URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b18_102/Main.htm

АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРОДУКТОВЫХ ЦЕПОЧКАХ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

Яковенко Н.А., д.э.н., Иваненко И.С., к.э.н., ИАГП РАН

На основе балансов ресурсов и использования мясопродуктов и молокопродуктов выявлены особенности структуры производства и потребления мяса, молока и продуктов их переработки, сбалансированность структур исследуемых продовольственных групп, уровень зависимости национального продовольственного рынка от влияния внешних факторов. Анализ динамических и структурных показателей позволил сделать вывод о стагнации в развитии российской молочнопродуктовой цепочки. Сохраняется высокий уровень зависимости рынка молочной продукции от импортных поставок. Основным фактором, сдерживающим развитие молочнопродуктовой цепочки, являются падение доходов и покупательной способности населения. Развитие мясопродуктовой цепочки характеризуется существенным ростом внутреннего производства и потребления, усилением их зависимости. На современном этапе стратегической задачей развития мясопродуктовой цепочки страны является насыщение внутреннего рынка высококачественными и безопасными продуктами питания, улучшение структуры потребления различных видов мяса, углубление интеграции в мировой рынок.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, продуктовая цепочка, мясопродукты, молокопродукты, продуктовые балансы, производство, потребление, экспорт, импорт

ANALYSIS OF STRUCTURAL CHANGES IN THE PRODUCT CHAINS OF THE AGRICULTURAL FOOD COMPLEX OF RUSSIA

Yakovenko N.A., doctor of economic sciences,
Ivanenko I.S., candidate of economic sciences, IAaP RAS

Based on the balances of resources and the use of meat and dairy products, the features of the structure of production and consumption of meat, milk and their processed products, the balance of the structures of the studied food groups, the level of dependence of the national food market on the influence of external factors are revealed. The analysis of dynamic and structural indicators made it possible to draw a conclusion about stagnation in the development of the Russian dairy product chain. The high level of dependence of the dairy market on imports remains. The main factor holding back the development of the dairy product chain is the fall in income and purchasing power of the population. The development of the meat product chain is characterized by a significant increase in domestic production and consumption, and an increase in their dependence. At the present stage, the strategic task of developing the country's meat product chain is to saturate the domestic market with high-quality and safe food products, improve the structure of consumption of various types of meat, and deepen integration into the world market.

Key words: agri-food complex, food chain, meat products, dairy products, food balances, production, consumption, export, import.

Введение.

Стратегической целью развития агропродовольственного комплекса России является обеспечение продовольственной безопасности страны, что предполагает оптимальную структуру формирования ресурсов продуктов питания и их использования. Влияние внешних и внутренних факторов обуславливает структурную трансформацию агропродовольственного комплекса, изменение взаимосвязей между его основными элементами. Эффективное развитие агропродовольственного комплекса связано с качественными изменениями его структуры, направленными на пропорциональное и оптимальное сочетание взаимосвязанных отраслей, нацеленность всех участников производственного процесса на конечные результаты функционирования комплекса, внедрение инновационных технологий.

На фоне общей стагнации российской экономики в последние годы агропродовольственный комплекс демонстрирует положительную динамику развития. В 2019 году стоимость продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий в фактически действовавших ценах составила 5801,4 млрд. руб., что выше показателя уровня 2018 г. на 8,4 %. Аграрный сектор России в меньшей степени пострадал от влияния негативных факторов, связанных с пандемией коронавируса. Объем ВВП России за 1 полугодие 2020 года снизился до 96,6 % его физического объема относительно 1 полугодия 2019 года. За тот же период рост ВВП сельского хозяйства составил 1,2 %, рост производства пищевых продуктов - 4,7 %. Однако, как отмечают многие специалисты, экономический рост агропродовольственного комплекса на современном этапе развития сталкивается с ограничениями структурного характера, которые выражаются в существенной дифференциации уровня эффективности производства, доходов, цен и других показателей между отраслями и подотраслями агропродовольственного комплекса [1, 2, 3]. Устранение подобных ограничений требует существенной трансформации отраслевой структуры комплекса и структурно ориентированной экономической политики. При разработке приоритетов развития агропродовольственного комплекса необходимо учитывать особенности функционирования и адаптационный потенциал входящих в него отраслей, который характеризуется существенной дифференциацией уровня эффективности производства, доходов, цен и других показателей функционирования отраслей комплекса.

В условиях трансформации российской экономики с 1990 по 2019 гг. структура продукции сельского хозяйства претерпела определенные изменения. В 1990 году в хозяйствах всех категорий удельный вес продукции животноводства составил 63,2 %, в 2019 году ее доля снизилась до 47,3 %. Мясопродуктовая и молочнопродуктовая цепочки имеют стратегическое значение для агропродовольственного комплекса, оказывают существенное влияние на продовольственную безопасность страны и являются приоритетными направлениями государственной поддержки агропродовольственного комплекса [4].

Целью исследования является оценка влияния структурной сбалансированности мясопродуктовой и молочнопродуктовой цепочек агропродовольственного комплекса на рост конечного продукта, выявление отраслевой специфики их развития, обоснование тенденций и перспектив их модернизации.

Методика исследования.

В процессе исследования использовались монографический, абстрактно-логический методы, метод сравнительного анализа, что позволило оценить уровень структурной сбалансированности продуктовых цепочек, выявить особенности развития, обосновать тенденции и перспективы модернизации.

На основе балансов продовольственных ресурсов дана оценка уровня и структуры продовольственного обеспечения населения, проанализированы источники формирования продовольственных ресурсов и их движение в процессе формирования конечного продукта продуктовой цепочки. Использование балансовой модели позволяет учитывать не только разноразрядные производственно-экономические связи, но и влияние внешних факторов (экспорт, импорт) на процесс производства и потребления молочно- и мясопродуктовой продукции.

Для определения краткосрочных перспектив развития продуктовых цепочек использовался метод линейного моделирования.

Результаты исследования.

Молочнопродуктовая и мясопродуктовая цепочки являются одними из наиболее значимых с точки зрения продовольственной безопасности России. Стратегия их развития предполагает устойчивое самообеспечение страны продукцией животноводства, рациональное формирование и использование основных продовольственных ресурсов.

В соответствии с Доктриной продовольственной безопасности коэффициент самообеспеченности молочной продукцией должен составлять 90 %, а потребление молока и молокопродуктов находиться на уровне не ниже рациональных норм потребления [5]. Согласно данным Росстата, полученным из балансов продовольственных ресурсов, фактические показатели производства и потребления молока и молочной продукции значительно ниже уста-

новленных нормативных уровней. В 2019 году потребление молочной продукции в России по сравнению с 2018 годом увеличилось на 2,1 % и составило 234 кг на душу населения. Это составляет всего 72 % рациональной нормы потребления молока и молокопродуктов [6]. Удельный вес отечественной продукции в общем объеме товарных ресурсов молокопродуктов в 2019 году составил 78,9 %.

Анализ динамических и структурных показателей позволил сделать вывод о стагнации в развитии российской молочнопродуктовой цепочки. За период с 1990 по 2019 годы ресурсы молока и молокопродуктов в России сократились в 1,7 раза или на 27,4 млн. тонн. За исследуемый период произошли негативные изменения в структуре формирования ресурсов молока и молокопродуктов (рис.1). Анализ структуры ресурсов и использования молока и молокопродуктов в России позволил выявить высокую зависимость от импорта. Если в структуре ресурсов молока и молочной продукции удельный вес производства в 1990 годы составлял 82,9 %, то в 2019 году он снизился до 78,9 %. Произошло снижение собственного производства молока и молокопродуктов в абсолютном объеме. В 1990 году производство молока и молочной продукции составляло 55,7 млн. тонн, что на 24,3 млн. тонн выше аналогичного показателя в 2019 году. Удельный вес доли импорта в ресурсах молока увеличился на 4,9 п.п. и в 2019 году составил 16,9 % ресурсов. В абсолютном выражении импорт молочной продукции за исследуемый период снизился на 1316 тыс. тонн и достиг уровня в 6727,8 тыс. тонн в 2019 году. Запасы ресурсов на начало года в абсолютном выражении также уменьшились в 2 раза или на 1770 тыс. тонн.

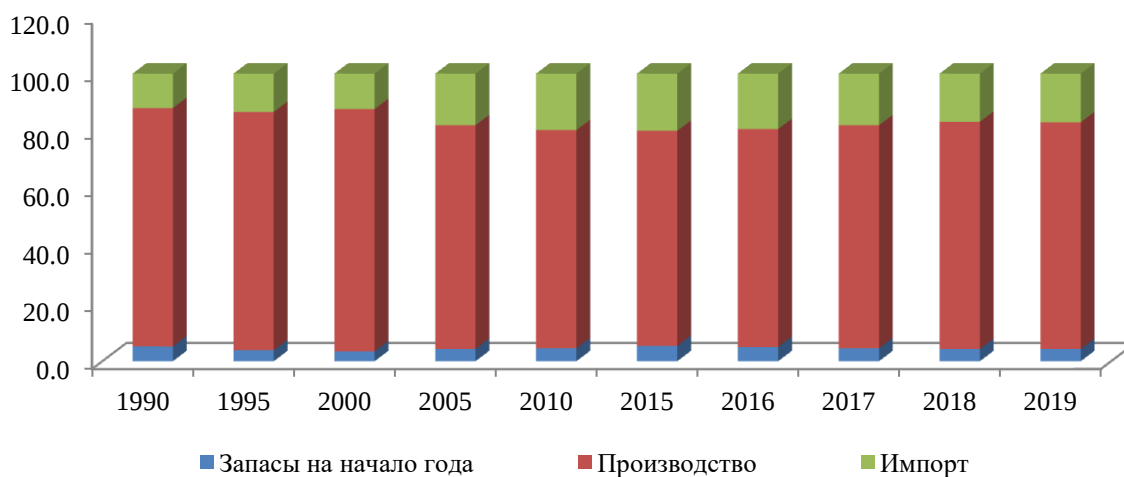

Рисунок 1 - Изменение структуры ресурсов молока и молочных продуктов по Российской Федерации с 1990 по 2019 гг., в % [7]

В настоящее время наблюдается небольшое увеличение ресурсов молока и молокопродуктов. В 2019 году в хозяйствах всех категорий производства молока и молокопродуктов составило 31,3 млн. тонн, что на 2% выше показателя уровня 2018 года. Незначительный рост в цепочке производства связан с увеличением товарности молока, улучшением экономических и производственных показателей, благодаря росту государственной поддержки модернизации отрасли, внедрению современных технологий содержания высокопродуктивных пород скота и воспроизводства стада.

Введение контрсанкций и реализация политики импортозамещения в России дала возможность отечественным производителям занять освободившиеся ниши в отдельных секторах пищевой и перерабатывающей промышленности. Исследование динамики производства молочных продуктов с высокой добавленной стоимостью позволило выявить существенный рост производства отдельных продуктов питания. Например, по сравнению с 2015 годом производство сыра и сырных продуктов в России в 2019 году увеличилось на 17,7 % и в натуральном выражении составило 694,1 тыс. тонн, производство сливочного масла выросло на 3,7 %. По данным Росстата в структуре ресурсов доля импорта всех видов сыра и сырных

продуктов до 2015 года составляла около 48,0 %, масла животного – более 35,0 %. В 2019 году эти показатели составили 30,2 % и 28,8 %, соответственно.

Выявлены незначительные изменения в структуре использования молока и молочной продукции (рис.2). За исследуемый период доля использования молока и молочной продукции на личное потребление выросла на 1,1 п.п. и ее удельный вес в 2019 году составил 86,3%, в абсолютном выражении этот показатель снизился на 22,4 млн. тонн. Удельный вес производственного потребления снизился на 3,4 п.п., в абсолютном объеме производственное потребление сократилось в 2,4 раза. Удельный вес доли экспорта вырос на 1,1 п.п. или на 276 тыс. тонн в натуральном выражении.

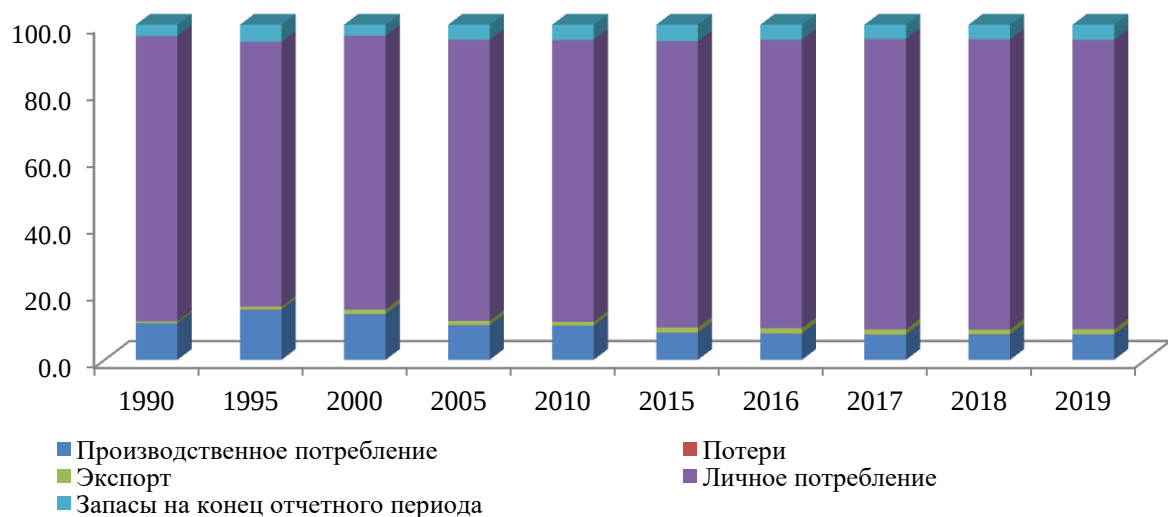

Рисунок 2 - Изменение структуры использования ресурсов молока и молочной продукции по Российской Федерации с 1990 по 2019 гг., в % [7]

Основным фактором, сдерживающим развитие молочнопродуктовой цепочки, являются спросовые ограничения [8]. Дальнейшее сокращение внутреннего спроса из-за падения доходов населения России, связанного с пандемией коронавируса, может привести к усилению дисбаланса спроса и предложения на внутреннем рынке (около 0,9-1 млн. т молока), что будет оказывать давление на закупочные цены и снижать доходность сельскохозяйственных товаропроизводителей. Стимулом развития отрасли в этих условиях может стать активизация поддержки экспорта со стороны государства, что уже в ближайшие годы позволит увеличить инвестиции в производство биржевых товаров (сыров, масла, сухого молока и пр.), которые на фоне девальвации рубля усиливают свою конкурентоспособность на мировом рынке.

В настоящее время усиливаются государственные меры по контролю рынка молока и молочной продукции в целях борьбы с фальсификатом. В частности, внедрена система отслеживания товарных потоков «Меркурий», изменены правила маркировки молочносодержащих продуктов и введены правила раздельных полок для продуктов с заменителями молочного жира.

Выявлен рост инвестиций в переработку молока по следующим направлениям: наращивание производства сыров крупнейшими товаропроизводителями, развитие глубокой переработки сыворотки, новые товаропроизводители цельномолочной продукции. С ростом производства увеличиваются и запасы молочных продуктов. По состоянию на начало июля 2020 года основной объем запасов молочных продуктов сформировался за счет сливочного масла, сухого молока и сыворотки, сырных продуктов.

Построенная полиномиальная линия тренда (с учетом аппроксимации) показывает рост производства молока и молочной продукции в последующие два-три года при сохранении сложившихся условий (рис. 3). Уровень достоверности модели достаточно высок. Выявлена

высокая зависимость потребления молока и молокопродуктов от внутреннего производства. В краткосрочной перспективе прогнозируется стабилизация или незначительный рост импорта молочных продуктов.

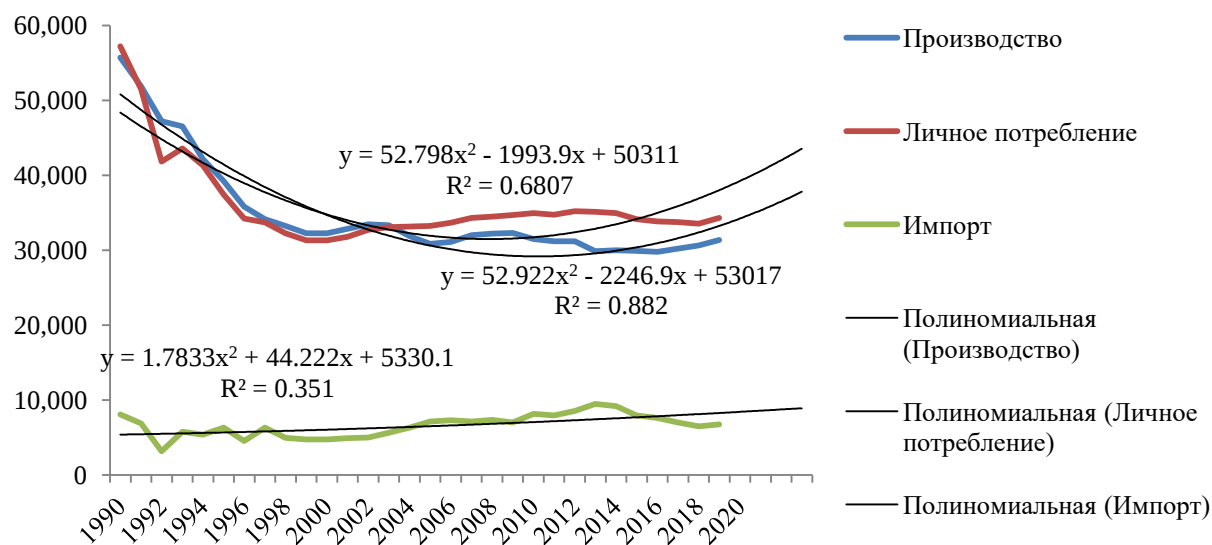

Рисунок 3 - Краткосрочный прогноз производства, потребления и импорта молока и молочных продуктов в России, тыс. тонн

За исследуемый период мясопродуктовая цепочка показывала разнонаправленную динамику развития. Трансформационные издержки перехода к рынку привели к сокращению производства всех видов мяса и мясопродуктов в хозяйствах всех категорий. С 1990 по 2000 годы производство мяса всех видов сократилось на 5646 тыс. тонн и в 2000 году составило 4466 тыс. тонн, в том числе производство говядины снизилось на 56,4 %, свинины – на 55,6%, мяса птицы – на 58,5 %.

Согласно данным Росстата, полученным из балансов продовольственных ресурсов, с 1990 по 2000 гг. наблюдалось существенное снижение внутреннего производства мяса и мясопродуктов в ресурсах (рис. 4). Если в 1990 году в структуре ресурсов мяса и мясопродуктов удельный вес внутреннего производства составлял 80,4 %, то к 2000 г. этот показатель снизился до 62,6 %. Падение отечественного производства в абсолютном объеме составило 2,1 раза или 5666 тыс. тонн. Доля импорта в структуре ресурсов мясопродуктов за тот же период увеличилась на 17,3 п.п. и к 2000 году составляла 29,5 % или 560 тыс. тонн в абсолютном объеме. Потребление мясной продукции в России за исследуемый период снизилось на 40 % и в 2000 г. составляло 45 кг на душу населения или 60 % рациональной нормы потребления [6].

С 2005 года наблюдается рост объемов производства в мясопродуктовой цепочке при значительном сокращении импорта. Этому способствовал ряд причин. С одной стороны, меры, принятые государством по поддержке агропромышленного комплекса, с другой стороны, девальвация рубля, а также ввод эмбарго на импорт сельскохозяйственного сырья и продовольствия из стран ЕС и некоторых других стран. В настоящее время ресурсы мяса и мясопродуктов в большей степени формируются за счет отечественного производства. Так, в 2019 году был превышен критерий продовольственной безопасности по мясу и мясопродуктам, доля импорта в личном потреблении сократилась с 39,3 % в 2005 году до 6,9 % в 2019 году. В последние годы во всех звеньях цепочки производства мяса на глобальном уровне было отмечено значительное повышение продуктивности. Происходит улучшение поголовья скота, благодаря селекционной работе, внедрению инновационных технологий в управление и производство мясопродуктовой цепочки, особенно в области кормления сельскохозяйственных животных. Эти улучшения позволили сделать производство мяса более эффективным и конкурентоспособным.

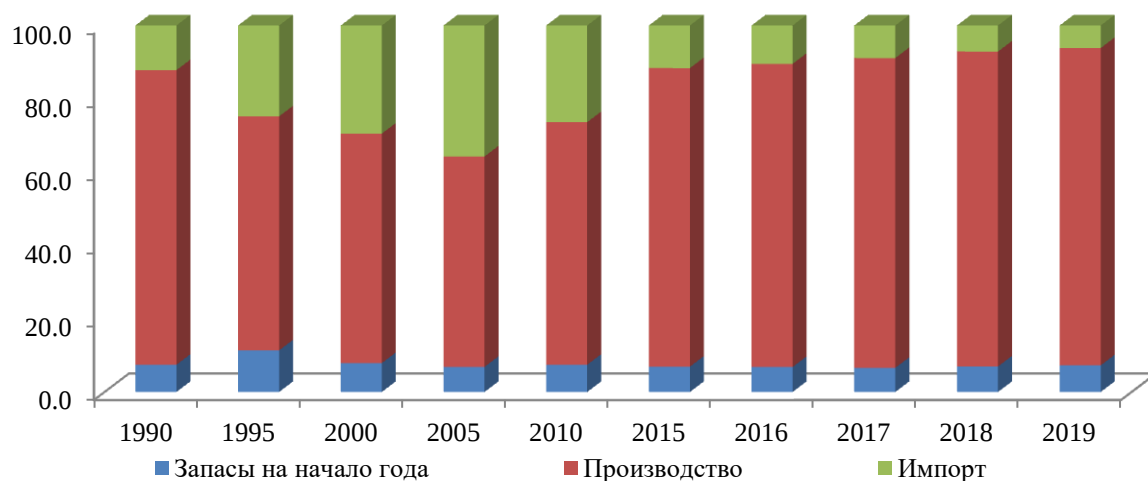

Рисунок 4 - Изменение структуры ресурсов мяса и мясопродуктов по Российской Федерации с 1990 по 2019 гг., в % [7]

За последние пять лет совокупное производство всех видов мяса и мясопродуктов в хозяйствах всех категорий выросло на 14,1 %, тогда как личное потребление - только на 4,1 %. В структуре производства мяса в 2019 году на долю мяса птицы приходилось 46 %, свинины – 36 %, мяса говядины – 15 % объема производства в убойном весе. В период с 2005-2010 годы за счет перехода на более совершенную структуру кормления, повышения питательной ценности кормов и вложения средств в модернизацию технологических процессов заметно повысилась эффективность производства мяса птицы. В последние годы темпы роста производства мяса птицы замедлились и составляют около 1 %. Объем производства говядины не изменился. Темпы роста объемов производства свинины увеличились на 6 %. В структуре ресурсов мяса и мясопродуктов удельный вес импорта в 2019 году составил 6,1 % или 771,8 тыс. тонн, что на 56,7 % ниже показателя 2015 года.

С 2020 г. в России действует пошлина на импортную свинину в размере 25 %, что способствует улучшению ценового предложения российских производителей по сравнению с зарубежными конкурентами. Это создает предпосылки для увеличения потребления свинины отечественного производства даже на фоне снижения реальных располагаемых доходов населения. Однако потенциал роста ограничен. Россия находится на четвертом месте по потреблению свинины на душу населения в мире, уступая только Южной Корее, Вьетнаму и Китаю. При этом доля свинины в потреблении мяса практически соответствует среднемировому показателю. Это свидетельствует о том, что рынок свинины в России близок к насыщению.

Рост потребления мяса и мясопродуктов в России реализуется за счет скороспелых отраслей, к которым относятся производство свинины и мяса птицы. В 2019 году потребление свинины составило 26,2 кг, мяса птицы - 32,7 кг на душу населения. Потребление говядины населением России составляет 11 кг или 44 % от рациональной нормы потребления. В структуре потребления по-прежнему снижается удельный вес говядины, доля которой в 2019 году составила - 15,6 % в общей структуре потребления всех видов мяса и мясопродуктов [9].

Анализ структуры использования ресурсов мяса и мясопродуктов показал, что основной объем ресурсов идет на личное потребление (рис. 5). Развитие животноводства в России сдерживается объемом внутреннего рынка, а в условиях падения доходов населения эта тенденция будет только усиливаться. Сохранить положительную динамику производства мяса и мясопродуктов возможно лишь при существенном увеличении поставок в другие страны. В 2019 году доля экспорта в структуре ресурсов мяса и мясопродуктов составила 3,3 % или 415,3 тыс. тонн в натуральном выражении.

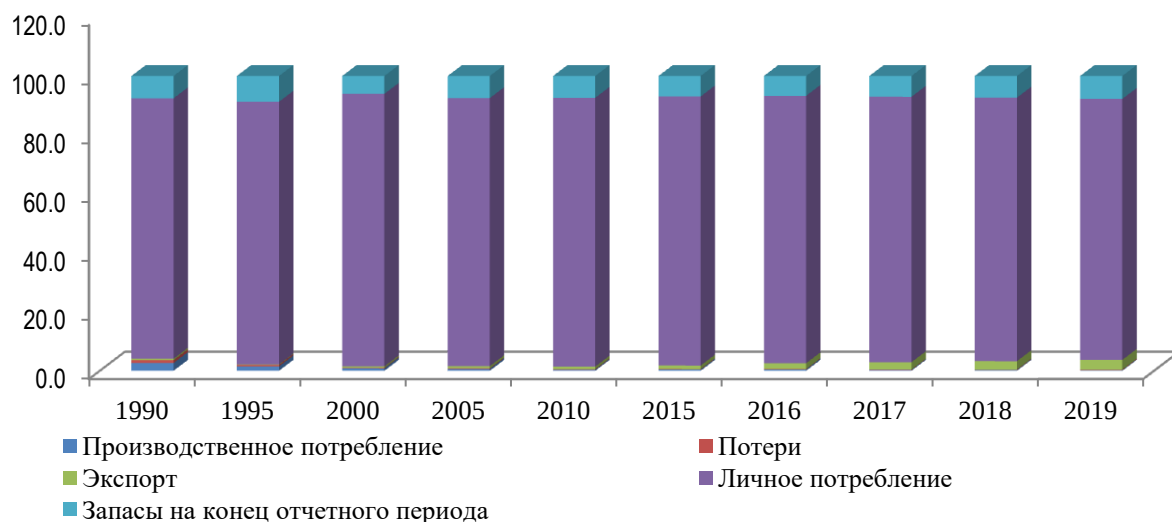

Рисунок 5 - Изменение структуры использования ресурсов мяса и мясопродуктов по Российской Федерации с 1990 по 2019 гг., в %

Государственное регулирование и реализация государственных программ поддержки позволили существенно увеличить российский экспорт мяса и мясопродуктов. Если в структуре ресурсов мяса и мясопродуктов удельный вес экспорта в 2000 году составлял всего 0,5%, то в 2019 году этот показатель увеличился на 2,8 п.п. и составил – 3,3% ресурсов мясопродуктов. На экспорт направляется около 3 % производимой в России свинины и этот показатель динамично растет. В 2019 г. экспорт свинины в натуральном выражении увеличился на 22 %.

Построенная линейная линия тренда показывает сближение потребления и производства мяса и мясопродуктов (рис. 6). Таким образом, можно прогнозировать в ближайшей перспективе насыщение российского рынка мяса и мясной продукции за счет внутреннего производства. Выявлена тенденция значительного снижения импорта мясопродуктов. Основным объемом импорта (около 98 %) приходится на говядину. К факторам сокращения импорта можно отнести потенциал развития мясопродуктовой цепочки, девальвация рубля и рост цен на импортную продукцию, снижение доходов и покупательной способности населения.

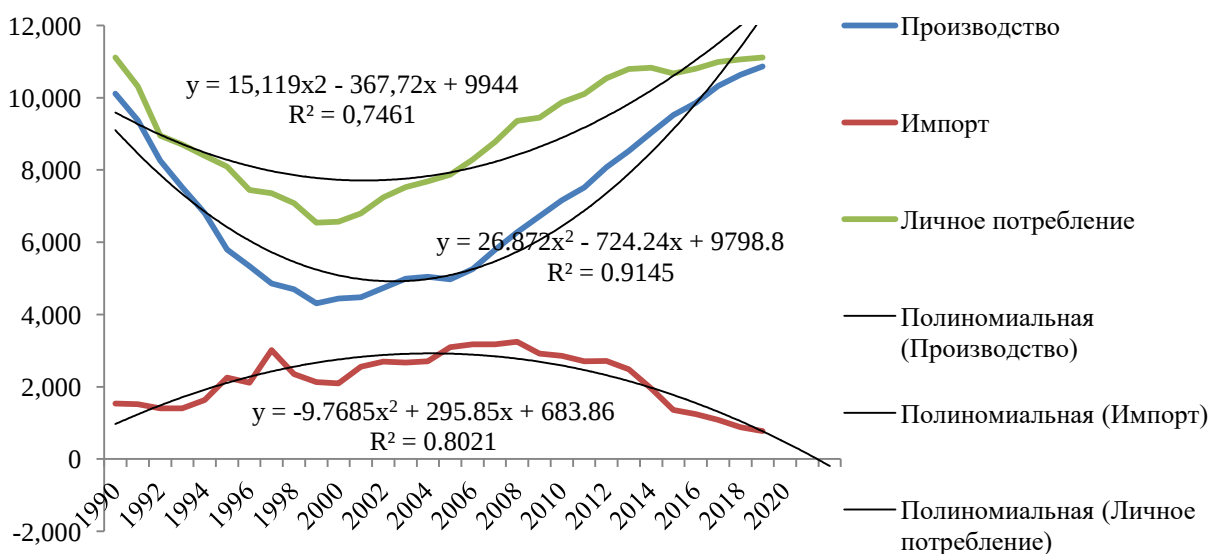

Рисунок 6 - Краткосрочный прогноз производства, потребления и импорта мяса и мясопродуктов в России, тыс. тонн

Заключение.

Обеспечение динамичного и устойчивого развития мясопродуктовой и молочнопродуктовой цепочек возможно при формировании единого воспроизводственного процесса, что предполагает сбалансированное развитие всей системы, выделение приоритетов при распределении ресурсов и формировании стратегии развития на каждый определенный период. Рост мясопродуктовой и молочнопродуктовой цепочек определяется не только продуктивностью животноводства, но и совершенствованием всех звеньев цепочек, прежде всего, критических точек. Примерами таких критических точек в цепи производственных взаимодействий являются производство технологического оборудования, логистическая и финансовая инфраструктура.

Новые условия, влияющие на продовольственный рынок России, делают востребованным балансовый метод исследования экономических процессов в агропродовольственном комплексе. Продовольственные балансы позволяют учитывать особенности структуры аграрного производства и потребления продуктов питания, сбалансированность структур продовольственных групп, уровень зависимости национального продовольственного рынка от влияния внешних факторов. Использование продовольственных балансов дает возможность оценить перспективные направления развития аграрного сектора, ориентировать меры государственной поддержки и инвестиционные проекты на перспективные отрасли и сектора агропродовольственного комплекса.

В условиях падения доходов и покупательной способности населения, закрытия границ и введения ограничительных мер усиливается влияние государственной поддержки на эффективность и динамику развития основных продуктовых цепочек агропродовольственного комплекса [10, 11]. Реализация Правительством РФ «Общенационального плана действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения» позволит стимулировать внутренний спрос, обеспечить развитие материально-технической базы и технологий глубокой переработки сельскохозяйственного сырья.

Список литературы:

1. Анфиногентова А.А., Ермолова О.В., Мореханова М.Ю. Фундаментальные исследования закономерностей социально-экономического развития агропродовольственного комплекса России / Островские чтения. - 2019. - № 1. - С. 11-15.
2. Анохина М.Е. Структурные ограничения экономического роста АПК /М.Е.Анохина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. - 2016. - № 4. - С. 1126-1135.
3. Гладкова Л.А., Морозова С.И. Структурное регулирование аграрной политики / Л.А. Гладкова, С.И. Морозова // KANT. - 2018. - № 3 (28). – С. 165-173.
4. Руднева, О.Н. Роль государственной поддержки в повышении экономической эффективности животноводческих предприятий / М.Ю. Руднев, О.Н. Руднева. - Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова. – 2014. - № 5. – 88-90 с.
5. Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».
6. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 августа 2016 г. № 614. – URL: [URL:https://www.gks.ru/storage/mediabank/potr-rf.xls](https://www.gks.ru/storage/mediabank/potr-rf.xls)
7. Материалы официального сайта Росстата (раздел «Сельское хозяйство и балансы продовольственных ресурсов»).- URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/
8. Решетникова Е.Г., Иосипенко В.Д. Исследование динамики спроса на продовольствие: анализ теоретических и методических подходов /Экономика и предпринимательство. - 2019. - № 2 (103). - С. 82-86

9. Воротников И.Л., Руднев М.Ю., Руднева О.Н. Организационно-экономическая эффективность производства "мраморной" говядины в степных районах Поволжья // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. - 2018. - № 4. - С. 16-19.

10. Кузнецова Н.Н., Решетникова Е.Г. Условия формирования стабильного внутреннего спроса на продовольствие // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. - 2020. - № 1. - С. 94-98

11. Воробьева В.В., Воробьев С.П., Титова О.В. Проблемы обеспечения продовольственной безопасности России в условиях пандемии // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 9-1. – С. 31-36.

ТЕНДЕНЦИИ И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Кирсанов В.В., к.э.н., ИАГП РАН

Проанализированы тенденции структурной адаптации межотраслевых цепочек создания стоимости в агропродовольственном комплексе России по отношению к многофакторному воздействию внешних шоков кризисогенного характера. Исследуются факторы, обуславливающие дифференциацию уровней развития и влияющие на сбалансированность экономического роста отраслей комплекса. На основе исследования национальных возможностей и конкурентных преимуществ агропродовольственного комплекса выделены основные факторы, влияющие на конкурентные позиции страны в условиях перестройки конфигурации интеграционных связей на мировых агропродовольственных рынках и системного кризиса институтов межгосударственного взаимодействия, сформулированы направления структурной модернизации, обеспечивающие рост доходности у производителей и гарантирующие продовольственную безопасность.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, сбалансированное развитие, структурные изменения, экспорт высоких переделов.

TRENDS AND PRIORITY AREAS OF STRUCTURAL CHANGES IN THE AGRICULTURAL FOOD COMPLEX IN RUSSIA IN THE CONDITIONS OF NEW GLOBAL CHALLENGES

Kirsanov V.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

Trends in structural adaptation of cross-sectoral value chains in the agri-food complex of Russia to the multifactorial impact of external shocks are analyzed. The factors that determine the differentiation of development levels and affect the balance of economic growth of the sectors of the complex are investigated. Based on the study of national capabilities and competitive advantages of the agri-food complex, the main factors influencing the competitive position of the country in the context of the restructuring of the configuration of integration ties in the world agri-food markets and the systemic crisis of the institutions of interstate interaction are identified, directions of structural modernization are formulated that ensure the growth of profitability for producers and guaranteeing food safety.

Key words: agri-food complex, balanced development, structural changes, export of high value added.

Введение.

Динамика развития агропродовольственного комплекса России характеризуется активно идущими процессами структурной перестройки, устранением диспропорций между важнейшими структурными элементами, что позволяет полнее использовать имеющийся потенциал роста. На современном этапе развития АПК России важно формирование механизмов противодействия внешним шокам на базе структурной модернизации инновационной направленности, обеспечение расширенного воспроизводства в сельском хозяйстве как основы гарантирования высокого уровня продовольственной безопасности и укрепления конкурентных позиций национальных производителей на мировом рынке.

Устойчивое и динамичное развитие агропродовольственного комплекса на основе структурной модернизации требует формирования многоуровневой системы механизмов управления, где государственное программное регулирование является базовым механизмом реализации структурных приоритетов развития и роста конкурентоспособности агропродовольственного комплекса России. Изменения в системе государственного программного регулирования связаны с необходимостью обеспечения целостности и сбалансированности

развития многоотраслевой агропродовольственной системы, повышения степени интегративности экономического пространства за счет интенсификации межрегиональных связей, формирования конкурентной специализации регионов, эффективного встраивания в глобальные цепочки создания стоимости.

Цель исследований.

Анализ изменений динамических и структурных параметров в агропродовольственном комплексе России, оказывающих влияние на перспективы его развития. Обоснование приоритетных изменений в структуре АПК, позволяющих обеспечить структурную сбалансированность его развития.

Методика исследований.

В процессе исследования использовались основные положения структурного и ситуационного анализа с привлечением статистических методов обработки данных.

Результаты исследований.

На развитие российской и мировой экономик в 2020 г. оказывает влияние сочетание двух внешних шоков, связанных с падением цен на нефть и локдаунов в карантинных целях в условиях пандемии коронавируса. Ожидаемый спад мировой экономики в 2020 г. составит 4,4%, российской – 3,9%. Снижение ВВП России по итогам 10 месяцев 2020 г. оценивается Росстатом на уровне 3,5% к аналогичному периоду предыдущего года. В США спад составил 2,9%, в Германии 4,2%, в Китае зафиксирован рост на 4,9%. Для купирования негативных воздействий предпринимаются меры фискальной, кредитной и гарантийной поддержки. Масштаб оказанной в 2020 г. поддержки в США оцениваются в 45,7% ВВП, Германии – 39,2%, Франции – 19,0% [1].

Пандемия COVID-19 обострила структурные дисбалансы в российской экономике, стала катализатором ряда негативных процессов, обозначила проблемы, связанные с несовершенством механизмов межгосударственного взаимодействия в нестандартных ситуациях. Современный кризис 2020 г. носит, по мнению А. Аганбегяна, структурный характер и «в подавляющей своей части является кризисом социальным, когда в наибольшей мере снижаются показатели благосостояния народа» [2, 3]. По мнению авторов доклада о посткризисном восстановлении экономики «формирование новой модели развития и совместная продуктивная работа всех экономических агентов возможна при наличии двух условий: гарантий справедливого распределения результатов деятельности экономики и наличия понятных целей и инструментов их достижения» [4, с. 29]. Меры реагирования, предпринятые в Российской Федерации, отличаются большей адресной направленностью поддержки пострадавших секторов экономики и населения. Общенациональным планом действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике [5], предусмотрено выделение 6,4 трлн рублей. Общий объем антикризисной бюджетной поддержки составляет 4,5% ВВП [6].

Сформулированные в [5] приоритеты экономического развития в постэпидемической ситуации сфокусированы на достижении взаимоувязанных целей (повышение межотраслевой сбалансированности экономики, ускоренное научно-инновационное, технологическое развитие, цифровизация, решение социальных проблем и некоторые другие) и позволяют в условиях незавершенности структурной перестройки обеспечить антикризисную и стратегическую составляющие государственного регулирования, создать предпосылки для перехода к реализации целевых установок Единого плана по достижению национальных целей развития России на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года.

Единый план позволяет выстраивать связь сформулированных в Указе Президента общенациональных целей с документами оперативного управления – национальными проектами, госпрограммами, федеральными проектами, «дорожными картами» и иными документами. Важной особенностью Единого плана является выделение региональных аспектов, чего раньше в документах такого уровня не было. Новая модель функционирования Госсовета Российской Федерации также укрепляет механизмы взаимодействия федерального центра и региональных властей, согласования федеральных и региональных приоритетов. Представ-

ляется, что субъекты Федерации расширяют свои возможности по обсуждению вопросов бюджетной обеспеченности достижения целевых установок региональных проекций национальных целей, в том числе связанных с устойчивым социально-экономическим развитием, ростом конкурентоспособности, гарантированным обеспечением продовольственной безопасности.

Изменение условий развития агропродовольственного комплекса России, связанных с пандемией, принципиально не меняет стоящие перед ним задачи и целевые установки. Основными задачами, решаемыми в ходе структурной модернизации, являются повышение уровня внутрикомплексной сбалансированности используемых факторов производства и формирование целостных цепочек добавленной стоимости, укрепление вертикальных межотраслевых связей и сокращение транзакционных издержек. Возможности роста конкурентоспособности АПК России на основе его долгосрочных конкурентных преимуществ связаны с расширением участия страны в глобальных цепочках добавленной стоимости. Это обеспечит рост производства продукции с высокой долей добавленной стоимости, конкурентоспособной на мировом рынке по издержкам и ценам. Решать эти задачи предстоит в условиях сокращения возможностей инерционного роста экономики России.

В АПК России за последние шесть лет (2014–2019 гг.) сложилась положительная динамика роста, валовая добавленная стоимость в основных ценах в сельском хозяйстве увеличилась на 11,2%, а в производстве пищевых продуктов, включая напитки на 6,8%, что выше прироста по экономике в целом (5,7%). Опережающий рост в сельском хозяйстве в сравнении с большинством отраслей экономики имеет объективные основания и связан с макроэкономическими условиями функционирования отрасли, формируемыми государством, а также укреплением конкурентных позиций отечественных производителей на мировом рынке. В 2020 г. положительная динамика сохраняется: за 10 месяцев рост сельхозпроизводства к аналогичному периоду предыдущего года составил 101,8%, пищевой промышленности – 104,3%. ВВП за этот период сократился на 3,5%.

Росту объемов и эффективности производства способствовала структурная перестройка в агропродовольственном комплексе и улучшение координации в развитии отраслевых и межотраслевых цепочек добавленной стоимости. Развитие шло преимущественно за счет роста производства в секторе крупнотоварного производства, а локализация ареалов роста носила очаговый характер, не исключая экономическую деградацию значительной части сельских территорий. За 2014–2019 гг. совокупная выручка 50 крупнейших компаний АПК в номинальном выражении выросла почти в 2,4 раза, а с учетом инфляции – в 1,7 раза, что значительно выше среднеотраслевых значений показателей динамики роста [7]. На российском агропродовольственном рынке усиливаются тенденции формирования олигополий, когда отдельные отрасли контролируются небольшой группой крупных хозяйствующих субъектов.

Анализ изменения относительных цен за период с введения антисанкций (2014–2019 гг.) показывает ухудшение условий функционирования сельскохозяйственных производителей в цепочках добавленной стоимости. Индекс цен производителей сельскохозяйственной продукции составил 124,4%, аналогичные показатели в сопряженных отраслях были выше (индекс цен на промышленные товары и услуги, приобретенные сельскохозяйственными организациями, составил 135,9%; в производстве пищевых продуктов – 132,0%; потребительских цен на продукты питания – 140,3%). Основными причинами снижения доходности по нашей оценке стали ужесточение спросовых ограничений на внутреннем рынке, перераспределение полученного совокупного дохода в пользу несельскохозяйственных звеньев продуктовых цепочек добавленной стоимости, нарушение ценового паритета по продаваемым и приобретаемым сельскохозяйственными организациями товарам и услугам и др. Каждая из этих причин является значимой и требует адекватного учета в системе государственного регулирования.

Финансовое положение сельскохозяйственных организаций в условиях повышенных рисков негативного воздействия шоковых факторов экономической динамики в первом по-

лугодии 2020 г. характеризовалось сокращением прибыли на 2,8% в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года. Однако это не привело к падению общего финансового результата, который вырос на 29%, т.к. существенно сократились как убытки, так и доля убыточных организаций в отрасли [8]. В этот период происходило перераспределение созданной добавленной стоимости между продуктовыми цепочками, экспортно- и внутреннеориентированными поставками, производителями с разной маржинальностью товарных групп и т.д.

Структурная сбалансированность является важным фактором роста конкурентоспособности и оказывает значимое влияние на эффективность взаимодействия отдельных звеньев цепочек добавленной стоимости. Потенциал развития отраслей комплекса связан с эффективностью взаимодействия отдельных звеньев цепочек добавленной стоимости, их координации с целью увеличения совокупного эффекта и справедливого распределения его среди участников, соответствующего вкладу в формирование. Пандемия обострила существовавшие проблемы агропродовольственного комплекса России, связанные с наличием диспропорций между важнейшими структурными элементами [9].

Межотраслевые цепочки создания стоимости в глобальной агропродовольственной системе модифицируется под влиянием усиления наукоемкости используемых технологий. Имеющиеся зоны несбалансированности в научно-технологической сфере агропродовольственного комплекса России усложняют условия конкуренции с полноценными зарубежными производственными системами. В ряде отраслей существует критический уровень зависимости конечных результатов от импортных поставок из-за фрагментарности развития инновационной системы. Отстают в развитии от современного уровня потребностей отрасли отечественной селекции и семеноводства. В настоящее время инновационная активность в аграрном секторе в целом не растет, а сложившийся уровень ниже, чем в целом по народному хозяйству (таблица 1).

Таблица 1 – Уровень инновационной активности организаций и удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг по РФ (2017–2019 гг.), по видам экономической деятельности, %

Показатель	Код по ОК-ВЭД2 ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2)	Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг		Уровень инновационной активности организаций*	
		2017 г.	2019 г.	2017 г.	2019 г.
Всего		7,2	5,3	14,6	9,1
Из них по видам экономической деятельности:					
выращивание однолетних культур	01.1	1,9	1,5	5,1	4,8
выращивание многолетних культур	01.2	3,1	2,1	4,6	2,4
животноводство	01.4	1,7	3,3	4,8	4,0
смешанное сельское хозяйство	01.5	-	6,4	1,3	2,8
деятельность вспомогательная в области производства с.-х. культур и послеуборочной обработки с.-х. продукции	01.6	1,8	0,5	3,1	4,3
промышленное производство		6,7	6,1	17,8	15,1
Из них:					
обрабатывающие производства	C	8,6	7,7	26,2	20,5
в том числе:					
производство пищевых продуктов	10	7,6	5,7	16,6	12,0
производство напитков	11	3,4	2,4	12,7	7,9

* – показатели уровня инновационной активности организаций приведены в соответствии с международными рекомендациями по статистическому измерению инноваций, реализуемому ОЭСР совместно с Евростатом (Руководство Осло).

Источник: составлено по данным Росстата [10].

Формирование устойчивых конкурентных преимуществ национальных производителей предполагает высокую степень контроля за целостностью воспроизводственного процесса цепочек добавленной стоимости. Новый этап реализации стратегии импортозамещения должен быть ориентирован на достижение технологического превосходства в отраслях перспективной специализации. Устойчивый рост эффективности предполагает высокую инновационную активность организаций, достигаемую за счет обеспечения приоритетного научно-технологического развития отраслей агропродовольственного комплекса, развитие фундаментальной и прикладной науки, наличие системы коммерциализации результатов НИР и НИОКР. Только обеспечив единство функционирования научно-технологического и производственного комплексов можно преодолеть отставание и обеспечить технологический суверенитет.

Реализация конкурентных преимуществ России на внешних рынках становится одним из приоритетов долгосрочной стратегии развития, а экспортноориентированная политика в агропродовольственном комплексе – инструментом управления его структурной перестройкой. Мировой агропродовольственный рынок оказался более устойчивым к воздействию негативных шоков пандемии COVID-19, объем мировой торговли по сельскохозяйственному сырью и продовольствию за 1–2-ой кварталы 2020 г. менялся в меньших масштабах, чем по другим товарным группам. Так, в 1-м квартале сокращения не было, во 2-ом зафиксировано сокращение на 5%; во 2-м квартале общий объем мировой торговли сократился на 21%, в т.ч. по продукции обрабатывающей промышленности на 19% [11]. Относительная устойчивость мировой торговой системы позволяет позитивно оценивать перспективы конкурентного присутствия российских производителей на мировом агропродовольственном рынке и разработки стратегии структурной модернизации АПК России в условиях глобальных изменений.

Рост сельскохозяйственного производства способствовал расширению экспортных возможностей и оказал влияние на изменение конкурентных позиций российских производителей на мировых рынках. За последние шесть лет объем экспорта агропродовольственной продукции вырос с 16,3 млрд долл. в 2013 г. до 24,9 млрд долл. в 2019 г. Объем экспорта сельскохозяйственной продукции из России за январь–сентябрь 2020 г. увеличился на 14% по сравнению с показателем за аналогичный период прошлого года и практически сравнялся с объемом импорта (20 и 20,3 млрд долл. соответственно). Существенно сократился дефицит внешнеторгового баланса по продукции АПК – в первом полугодии 2020 г. до 1,9 млрд долл. (в 2019 г. он составлял 4,18 млрд долл.).

В настоящее время Россия входит в число крупнейших агроэкспортеров в мире (19-е место с долей 1,6%). Несмотря на то, что по ряду товарных позиций Россия является мировым лидером, она занимает невысокое место по общему объему экспорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия, несоответствующее имеющемуся у страны потенциалу. Ключевой структурной особенностью является специализация в основном на так называемом форвардном участии в глобальных цепочках добавленной стоимости (forward participation), когда в структуре экспорта преобладают относительно простые товары (низких и средних переделов), используемые для последующей переработки в странах-импортерах. Экспорт товаров глубокой переработки объективно ограничен их конкурентоспособностью, которая зависит от инновационной и инвестиционной активности компаний. У производителей, которые находятся в основном на низших ступенях глобальных цепочек создания стоимости, преобладающими видами конкурентных преимуществ являются ценовые, которые легко утрачиваются.

По нашим расчетам, произведенным на основе данных Центра международной торговли (The International Trade Centre – ИТС, коды 1-23), экспорт несырьевых товаров верхнего передела составил в 2019 г. 4 млрд долл., в то время как импорт – 10,4 млрд долл. Доля товаров верхнего передела по отношению ко всему агроэкспорту сократилась с 24,1% в 2013 г. до 16,2% в 2019 г. за счет увеличения доли экспорта зерна и масличных. По объему экспорта продукции верхних переделов Россия уступает, например Германии, у которой экспорт дан-

ной группы продуктов доходит до половины, более чем в десять раз. Российский импорт верхних переделов составил в 2019 г. 34,9% (таблица 2).

Таблица 2 – Динамика внешней торговли России сельскохозяйственными и продовольственными товарами, относимыми к верхним переделам, по годам

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Экспорт, млрд долл.	3,92	3,94	3,02	3,15	3,46	3,64	4,01
В % ко всему агроэкспорту	24,14	20,77	19,14	18,46	16,73	14,62	16,20
Импорт, млрд долл.	13,61	12,47	7,02	7,39	9,25	9,87	10,43
В % ко всему агроимпорту	31,52	31,24	27,25	29,69	32,08	33,31	34,93
Сальдо экспорта-импорта по продукции верхних переделов, млрд долл.	-9,69	-8,52	-4,00	-4,25	-5,78	-6,23	-6,42

Источник: составлено с использованием данных International Trade Centre [12].

В условиях изменения подходов к выработке целевых ориентиров национальных проектов и распределению финансовых средств на их реализацию (сокращение или исключение дублирующих направлений мероприятий по регулированию, например, пересечений с мероприятиями плана «Трансформация делового климата», концентрация на приоритетах и др.) целесообразно сохранить федеральный проект «Экспорт продукции АПК» в составе национального проекта «Международная кооперация и экспорт», усилив внимания к минимизации внутренних ограничений для экспорта в условиях риска торговых войн на внешних рынках после пандемии. Существенная девальвация национальной валюты снижет значимость целевых ориентиров федерального проекта «Экспорт продукции АПК», представленных в долларовом эквиваленте. Поэтому следует поддерживать усилия МСХ России по разработке новой версии паспорта проекта с перенесением целевого ориентира экспорта (45 млрд долл.) с 2024 г. на 2030 г.

Реализация экспортного потенциала агропродовольственного комплекса России требует формулирования новой модели вхождения в глобальные цепочки создания стоимости, содержательной стороной которой должно стать обеспечение выхода на более высокий уровень производственной кооперации с формированием национальных межотраслевых сегментов глобальных воспроизводственных систем [13]. Рост конкурентного противостояния на мировых рынках обуславливается ускорением внедрения в производство технологических новаций и сопутствующих тенденций усиления монополизации (например, на рынке удобрений и средств защиты растений для ГМО-культур). Ключевыми задачами укрепления конкурентных позиций российских производителей на внешних рынках является повышение технологического уровня в перерабатывающих отраслях агропродовольственного комплекса. Поддержка со стороны государства технологической модернизации ориентированных на экспорт производств позволит ускорить этот процесс. Целесообразно использовать механизмы компенсации части затрат на строительство или модернизацию предприятий, занимающихся переработкой сельхозпродукции для экспортных потребностей, а также компенсировать часть затрат на лизинг оборудования.

Глобальный коронакризис обострил проблемы, связанных с несовершенством механизмов межгосударственного взаимодействия в нестандартных ситуациях, которые проявились в появлении структурных дисбалансов из-за нарушения поставок продукции на мировой рынок. Важным фактором наращивания экспортного потенциала является формирование эффективной экспортной инфраструктуры и содействие выработке согласованных корпоративных стратегий выхода на внешние рынки разных компаний, целевое позиционирование российской продукции на рынках отдельных стран. Одним из направлений закрепления на мировых рынках может стать создание совместных предприятий для локализации производства пищевой продукции за рубежом. Формирование специальных механизмов поддержки партнерств российских экспортеров с зарубежными компаниями также может способствовать развитию российских фрагментов глобальных цепочек создания стоимости. Примером

такого партнерства является созданный в 2020 г. российско-китайский союз в области соевой промышленности.

Возможности агросектора стать локомотивом развития экономики сдерживаются стагнацией платежеспособного спроса населения, усилившейся в 2020 г. Падение доходов населения во втором квартале 2020 г. составило 8%, уровень бедности вырос до 13,5%. В странах ОЭСР наблюдается тенденция роста реальных доходов населения, которые выросли в первую волну пандемии на 5,1% во втором квартале 2020 г. в годовом выражении. В США реальные доходы населения во втором квартале 2020 г. выросли на 10,1% при падении ВВП в США на 9,5%. Современные структурные особенности спроса связаны, прежде всего, с неравенством возможностей различных доходных групп населения. Несмотря на то, что достигнутый в целом по стране уровень потребления по основным продуктам питания соответствует рациональным нормам, по нескольким доходным группам объемы потребления ниже рекомендуемых.

Решение задачи повышения потребления продуктов питания населением низкодходных групп до рациональных уровней позволит расширить производственные возможности отраслей агропродовольственного комплекса. Важным направлением развития адресной системы социальной поддержки является использование механизмов «социального казначейства». Системность проактивного подхода к персонифицированному выявлению семей с низкими доходами и последующим выстраиванием для них индивидуальных траекторий выхода из бедности в рамках механизма социального контракта возможно реализовать на базе создаваемой Национальной системы управления данными, являющейся ключевым элементом государственного управления в рамках нацпроекта «Цифровая экономика», с использованием данных единого федерального информационного регистра.

Соблюдение высоких экологических стандартов производства продуктов питания становится важным трендом развития современного сельского хозяйства. «Зеленым» инструментам ESG (Environmental, Social, and Corporate Governance), учитывающим три ключевых составляющих устойчивого развития (экологическая, социальная и корпоративная управленческая ответственность), придается большое значение в восстановлении национальных экономик стран Евросоюза, что видно из Руководства Европейской комиссии по использованию системы государственных закупок в чрезвычайной ситуации, связанной с кризисом COVID-19 [14]. В соответствии с новой аграрной политикой Евросоюза страны должны будут увязывать минимум 20% прямых выплат из своих аграрных бюджетов с участием фермеров в экологических программах. Важными направлениями совершенствования политики государственных закупок в агропродовольственном секторе признается расширение зоны использования зеленых государственных закупок (GPP, Green Public Procurement), нацеленных на решение экологических проблем, и устойчивых государственных закупок (SPP, Sustainable Public Procurement), позволяющих при оценке эффективности учитывать позитивное влияние на окружающую среду и решение социальных проблем территории.

Одним из направлений использования факторов ESG, позволяющим развивать сельскую экономику и поддерживать местных производителей продуктов питания, являются закупки продукции в рамках программ школьного питания. По данным исследования IDF, в 2019 г. 160 млн детей в 62 странах мира получали молоко и молочные продукты в рамках этой программы [15]. В России значимый вклад в поддержание спроса на продукты питания способны обеспечить региональные инициативы. Например, с 1 декабря 2020 г. в Ульяновской области начнут действовать детские продуктовые карты для семей с низким доходом, в которых воспитываются дети до трех лет. Поддержка семей с детьми проводится в рамках реализации национального проекта «Демография». Реализация этого проекта позволит расширить практику государственных и муниципальных закупок продуктов питания для обеспечения продовольственной безопасности на основе содействия развитию региональных сельскохозяйственных организаций, будет способствовать росту их доходов, развитию сельских территорий.

Россия имеет хорошие возможности развивать местное производство и переработку сельскохозяйственной продукции, не разрушая сложившийся тренд на рост региональной специализации. Это позволит снизить риски возможной нестабильности предложения на рынках отдельных регионов из-за срыва поставок. Структурный анализ изменения параметров продовольственных балансов в 2020 г. и уровня самодостаточности по регионам свидетельствует об устойчивости продовольственного обеспечения в первом полугодии 2020 г. Фонд личного потребления основных продуктов питания не сокращался под влиянием шоковых факторов, а оставался неизменным или рос по большинству продуктов (прирост на мясо и мясопродукты составил 0,67%, на молоко и молочные продукты – 7,78%). Реализация государственной программы комплексного развития сельских территорий может способствовать формированию баланса между отраслевым подходом, нацеленным на максимизацию финансовых результатов, и территориальным подходом, требующим согласованности экономических, социальных и экологических параметров регионального развития.

Эталоном качества продуктов питания является органическая продукция, выращенная без использования пестицидов, химикатов и гормонов роста. Учитывая растущий спрос на органическую продукцию как в России, так и во всем мире важно стимулировать увеличение объемов ее производства. В настоящее время федеральная поддержка органического бизнеса отсутствует: из 85 субъектов РФ только в 3 субъектах приняты реальные решения поддержки органических производителей; еще 11 территорий декларировали такую поддержку. Для создания условий повышения инвестиционной привлекательности органического сельского хозяйства целесообразно применение мер государственной поддержки, в частности, компенсации части затрат на сертификацию продукции.

Заключение.

Важными задачами, решаемыми в ходе структурной перестройки агропродовольственного комплекса, являются повышение уровня внутрикомплексной сбалансированности используемых факторов производства и формирование целостных цепочек добавленной стоимости, укрепление вертикальных межотраслевых связей и сокращением транзакционных издержек. Учет межотраслевой специфики в механизмах государственного управления и нахождение баланса между интересами потребителей и производителей сельскохозяйственной продукции и продовольствия является одной из важнейших задач государственного управления на современном этапе.

Национальные цели развития, отраслевые и региональные конкурентные преимущества выступают в качестве основы для выделения приоритетов государственной поддержки. Возможности роста конкурентоспособности агропродовольственного комплекса России на основе его долгосрочных конкурентных преимуществ связаны с расширением участия страны в глобальных цепочках добавленной стоимости.

Государственная поддержка становится более дифференцированной, чему способствует повышение значимости критерия соответствия выделяемых бюджетных средств агроклиматическому потенциалу регионов. Расширение использования с 2020 г. механизмов региональной дифференциации вариантов получения государственной поддержки позволяет полнее учитывать специфику территорий, а регионам самостоятельно определять приоритеты в сельском хозяйстве и развивать наиболее перспективные направления в соответствии с имеющимися конкурентными преимуществами. Расширение зоны использования принципа конкурентного финансирования в зависимости от вклада тех или иных проектов в достижение конечных целей способствует повышению эффективности государственной поддержки. Новые возможности требуют повышения качества взаимодействия федеральных и региональных уровней управления, а главные проблемы АПК связаны с обоснованием приоритетов разного уровня, согласованием отраслевых, региональных и корпоративных интересов, обеспечением методологического сопровождения реализации проектов [16].

Список литературы:

1. База данных Международного валютного фонда (IMF) Policy Responses to COVID19 (imf.org). – URL: <http://https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19>
2. Аганбегян А.Г. Выступление на Совместном заседании Богомоловского клуба и секции экономики РАН «Вызовы социально-экономической политики». 30 октября 2020 г. – URL: <https://ecfor.ru/publication/video-vyzovy-sotsialno-ekonomicheskoy-politiki/>
3. Аганбегян А.Г. О необходимости новой социально-экономической политики // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15. – № 3. – С. 15–50.
4. Посткризисное восстановление экономики и основные направления прогноза социально-экономического развития России на период до 2035 г.: научный доклад / под ред. А.А. Широкова. – М.: Наука, 2020. – 152 с.
5. Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен на заседании Правительства РФ 23 сентября 2020 г. (протокол N 36, раздел VII) N П13-60855 от 2 октября 2020 г.) // СПС Гарант.
6. Путин В.В. Выступление на Саммите «Группы двадцати» 21.11.2020. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64460>
7. Рейтинг 50 крупнейших компаний АПК России по итогам 2019 // Эксперт. – 2020. – № 47 (1185).
8. О финансовых результатах деятельности организаций в I полугодии 2020 года / Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/157.htm
9. Ермолова О.В., Кирсанов В.В. Оценка конкурентоспособности АПК в условиях глобальной интеграции // Научное обозрение. – 2014. – № 4. – С. 246–252.
10. Наука и инновации. Годовая форма федерального статистического наблюдения № 4-инновация «Сведения об инновационной деятельности организации»: база данных / Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477>
11. Trade shows signs of rebound from COVID-19, recovery still uncertain / WTO. PRESS/862. 06.10.20. – URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr862_e.pdf
12. International trade statistics 2001–2020. – URL: <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/trade-statistics/>
13. Ермолова О.В., Кирсанов В.В. Управление структурными изменениями в агропродовольственном комплексе // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2018. – Т 1. – № 12. – С. 59–68.
14. OECD 2020. Application of public procurement rules during the COVID-19 crisis from the perspective of the European Union's Procurement Directives and the Government Procurement Agreement. April 8, 2020. – URL: <http://www.sigmaweb.org/publications/Public-procurement-COVID-19-crisis-SIGMA-April-2020.pdf>
15. Эрикссон К. Школьное питание в мире является источником образования о здоровой еде: выступление на форуме «Школьное питание — источник укрепления здоровья детей». 12.11.2020. – URL: <https://www.dairynews.ru/news/katarina-eriksson-shkolnoe-pitanie-v-mire-yavlyayet.html>
16. Стратегия регионального развития агропродовольственного комплекса России / О.В. Ермолова [и др.]. – Саратов: Изд-во ИАГП РАН, 2009. – 124 с.

ИНДИКАТОРЫ ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА

Дерунова Е.А., к.э.н., Андрющенко С.А., д.э.н., ИАГП РАН

В статье научно-интеллектуальный потенциал рассматривается как фактор повышения конкурентоспособности агропродовольственного комплекса России. Уточнены теоретико-методологические положения оценки долгосрочных тенденций его развития, характеризующие различные аспекты его формирования, развития и использования. Целью статьи является анализ тенденций развития научно-интеллектуального потенциала агропродовольственного комплекса и обоснование индикаторов количественной и качественной оценки динамики важнейших тенденций. Под научно-интеллектуальным потенциалом понимается способность гуманитарного капитала агропродовольственного комплекса страны и аффилированных с ним организаций генерировать новые знания, технологии и продукты, обучать и обучаться их производству и применению, участвовать в их внедрении в реальном секторе экономики, в том числе в агропродовольственном комплексе (АПК). В работе обобщены методические подходы к оценке эффективности и результативности инновационного процесса в отраслях экономики и народного хозяйства. Эмпирическим путем выявлены тенденции непропорционального роста объема инновационной продукции в соответствии с затратами на технологические инновации, что может свидетельствовать о недостаточно эффективном применении знаний в качестве ресурса в агропродовольственном комплексе. Для повышения эффективности управления научно-интеллектуальным потенциалом в работе обоснованы индикаторы, отражающие тенденции развития научно-производственного потенциала агропродовольственного комплекса с учетом таких аспектов, как ресурсное обеспечение, территориальная и отраслевая структура, организация его использования. Практическое применения авторской системы индикаторов оценки долгосрочных тенденций развития научно-интеллектуального потенциала агропродовольственного комплекса позволит повысить результативность оценки экономической, социальной, технологической, бюджетной эффективности управления экономикой знаний в сельском хозяйстве и агропродовольственном комплексе российских регионов.

Ключевые слова: научно-интеллектуальный потенциал, агропродовольственный комплекс, экономика знаний, система оценочных индикаторов, эффективность, конкурентоспособность.

INDICATORS FOR EVALUATING TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND INTELLECTUAL POTENTIAL OF AGRICULTURAL FOOD COMPLEX

Derunova E.A., candidate of economic sciences,
Andryuschenko S.A., doctor of economic sciences, IAGP RAS

In the article, scientific and intellectual potential is considered as a factor in increasing the competitiveness of the agri-food complex of Russia. The theoretical and methodological provisions for assessing long-term trends in the development of the scientific and intellectual potential of the agri-food complex, which characterize various aspects of its formation, development and use, have been clarified. The purpose of the article is to analyze trends in the development of the scientific and intellectual potential of the agri-food complex and substantiate indicators for quantitative and qualitative assessment of the dynamics of the most important trends. Scientific and intellectual potential is understood as the ability of the humanitarian capital of the country's agri-food complex and its affiliated organizations to generate new knowledge, technologies and products, train and learn their production and application, participate in their implementation in the real sector of the economy, including in the agro-food complex (AIC). The paper summarizes the methodological approaches to assessing the effectiveness and efficiency of the innovation process in the sectors of the economy and the national economy. Empirically, we have identified trends in the non-proportional growth of the volume of innovative products in accordance with the costs of technological innova-

tion, which may indicate an insufficiently effective use of knowledge as a resource in the agri-food complex. To increase the efficiency of managing scientific and intellectual potential, indicators are substantiated in the work, reflecting the development trends of the scientific and production potential of the agri-food complex, taking into account such aspects as resource provision, territorial and sectoral structure, organization of its use. Practical application of the author's system of indicators for assessing long-term trends in the development of the scientific and intellectual potential of the agri-food complex will increase the effectiveness of assessing the economic, social, technological, budgetary efficiency of managing the knowledge economy in agriculture and the agri-food complex of Russian regions.

Key words: scientific and intellectual potential, agri-food complex, knowledge economy, system of evaluation indicators, efficiency, competitiveness.

Введение.

Среди факторов, определяющих конкурентоспособность агропродовольственного комплекса России, можно выделить растущую роль научно-интеллектуального потенциала (далее – НИП). Под НИП понимается способность гуманитарного капитала агропродовольственного комплекса страны и аффилированных с ним организаций генерировать новые знания, технологии и продукты, обучать и обучаться их производству и применению, участвовать в их внедрении в реальном секторе экономики, в том числе в агропродовольственном комплексе (АПК).

Концептуальную основу исследования научно-интеллектуального капитала составляют теоретические положения экономики знаний, в частности положение о том, что экономика знаний становится частью экономических систем, когда знания становятся рыночным продуктом [1]. В этом случае формируются цепочки ценностей, начинающиеся от формулирования новых знаний и заканчивающиеся конечным продуктом, удовлетворяющим те или иные индивидуальные или общественные потребности. Конечный продукт может быть новым как органические продукты или новый сорт растений; также конечный продукт может быть известным, но стоимость его может быть значительно снижена в результате применения инноваций, как это произошло с продовольственными товарами в результате «зеленой революции». Соответственно, рост спроса на конечные продукты определяет темпы внедрения инноваций.

Стимулирование спроса на инновации является частью экономического механизма экономики знаний. К прямым методам развития спроса на инновации относятся государственные закупки и отраслевое регулирование [2]. Так национальный проект «Наука» предусматривает формирование комплекса мер по ориентации государственных заказчиков на закупку наукоемкой и инновационной продукции, созданной на основе российских технологий [3]. Отраслевое регулирование касается, в первую очередь, качества продукции, удельных показателей содержания опасных веществ или, например, требований к упаковке, имитирующих условия экспортных поставок. Стимулирование спроса на инновации в настоящее время проявляется в законодательном регулировании требований к производству, транспортировке и хранению органической продукции. Индикатором стимулирования спроса является показатель закупок государством, муниципалитетами и государственными компаниями наукоемкой и инновационной продукции как средств производства, так и продуктов питания.

Целью исследований являлось обоснование индикаторов, отражающих тенденции развития научно-производственного потенциала агропродовольственного комплекса с учетом таких аспектов, как ресурсное обеспечение, территориальная и отраслевая структура, организация его использования для повышения эффективности управления научно-интеллектуальным потенциалом.

Методы исследований.

В научной литературе исследуется несколько аспектов развития научно-интеллектуального потенциала агропродовольственного комплекса. В.П. Неганова и А.В. Дудник провели опрос руководителей сельскохозяйственных предприятий и владельцев средних и ма-

лых предприятий агробизнеса с целью выявления субъективной готовности к инновациям. Эти авторы выделили и проранжировали с помощью балльных оценок 5 типов компонентов инновационной готовности, в том числе эмоциональную, мотивационную, личностную. Наибольшую оценку получила когнитивная готовность, а наименьшую – организационная. Эти оценки отражают уровень реальной готовности к инновациям, но трудно согласиться с выводом авторов опроса, что для повышения инновационной готовности агробизнеса нужно усиливать административное давление на них, в частности вводить нормативы инновационной активности [4]. По нашему мнению, соотношение оценок когнитивной и организационной готовности говорит о том, что специалисты сельского хозяйства отслеживают информацию о новых технологиях и продуктах, но этой информации недостаточно для оценки рисков инвестирования в инновации.

Однако исследование В.П. Неганова и А.В. Дудника позволяет сделать вывод о том, что такие индикаторы, как доля специалистов с высшим и средним специальным образованием среди занятых в сельскохозяйственных организациях и фермерских хозяйствах отражает тенденции роста готовности к инновациям. Кроме того, необходимо использовать индикаторы, характеризующие меры государственной поддержки, направленные на снижение рисков при внедрении инноваций, например количество грантов или льготных кредитов на освоение новых технологий.

Одним из ключевых направлений инновационного развития отраслей АПК является цифровизация как широкое направление глубокой модернизации производственных процессов и систем управления. А.В. Тихонов и В.С. Богданов предложили различать понятия электронной модернизации управления (например, региона), информатизации и цифровизации (в узком смысле этого термина). Под цифровизацией данные авторы понимают развитие информационных систем и методов их использования при взаимодействии участников инновационного развития [5]. М.Я. Веселовский и Т.В. Погодина констатировали, что компании пищевой промышленности России активно используют современные цифровые технологии (электронный документооборот, электронные торговые площадки, интернет-магазины, электронные закупки, онлайн-сервисы для клиентов и т.д.) [6]. Применение перечисленных способов использования информационных систем поддается статистическому учету, на основе которого могут рассчитываться соответствующие индикаторы, которые отражают не столько новые технические возможности, сколько состояние интеллектуального потенциала и его ресурсное обеспечение.

Под электронной модернизацией управления А.В. Тихонов и В.С. Богданов понимают, переход систем управления регионами от концепции «электронного правительства» (e-government), предусматривающей открытость правительственной информации и предоставление публичных онлайн-услуг, к концепции электронного управления (e-governance), декларирующей организацию связей между участниками процессов, в том числе инновационное развитие на основе координации, участия, сотрудничества [5].

Интенсивность взаимодействия между участниками (стейкхолдерами или акторами) процесса инновационного развития может служить характеристикой степени использования интеллектуального потенциала агропромышленного комплекса. Такое взаимодействие может принимать разнообразные формы в зависимости от места стейкхолдеров в цепочке создания ценностей. Так ставший традиционным показатель числа оказанных консультаций характеризует взаимодействие между региональными центрами компетенций и специалистами агробизнеса. Сотрудничество между научными организациями и сельскохозяйственными товаропроизводителями могут отражать такой показатель как число договоров на выполнение НИИ и вузами научных разработок для сельскохозяйственных товаропроизводителей. Координацию между органами управления АПК, вузами и НИИ должен отражать показатель числа грантов, предоставленных для подготовки научных разработок, необходимых для реализации проектов развития АПК и подготовки кадров по перспективным специальностям [7].

Среди тенденций развития научно-интеллектуального потенциала следует выделить изменения в его секторальной, отраслевой и межрегиональной структурах. Инновационная деятельность, как и интеллектуальный потенциал агропродовольственного комплекса сосре-

доточены в двух основных секторах: фундаментальные исследования и прикладные разработки. Показатели численности исследователей, занятых в каждом секторе, указывают на соблюдение пропорций, обеспечивающих уровень новизны и практическую значимость научных исследований и разработок.

В прикладных исследованиях можно выделить отраслевой и региональный аспекты. Отраслевые разработки предназначены, в основном, для адаптации новых технологий к производственным условиям и для повышения эффективности существующих технологий. Разработки, выполняемые в рамках региональных программ, обеспечивают адаптацию результатов отраслевых исследований к природно-климатическим и социально-экономическим условиям конкретных регионов [7]. На региональном уровне требуется координация усилий участников отраслевых программ развития агропродовольственного комплекса с программами повышения социальной, экологической и экономической эффективности региональных агро-систем [8]. Индикаторами отраслевой структуры служат показатели численности исследователей, работающих по отдельным отраслям знаний сельскохозяйственных наук: растениеводства, животноводства, семеноводства, племенного дела, мелиорации, механизации сельского хозяйства, экономики и организации производства. Индикаторами межрегиональной структуры служат показатели численности исследователей аграрного профиля в субъектах Российской Федерации [9].

Результаты исследований.

В ранних исследованиях обобщены методические подходы к оценке эффективности и результативности инновационного процесса в отраслях экономики. Для оценки направлений повышения эффективности инновационного потенциала предложена авторская система индикаторов, систематизированная по этапам экономики знаний в сельском хозяйстве и агропродовольственном комплексе: производство знаний, продвижение знаний и их коммерциализация [10]. Государственная статистика выделяет четыре сектора, в которых проводятся научные исследования и разработки. Распределение внутренних текущих затрат по секторам отражает сложившуюся в России структуру производства продукции. В этом плане показательны данные статистических наблюдений Росстата основных показателей деятельности организаций, выполняющих научные исследования и разработки за 2017 г. Так, в целом по Российской Федерации в государственном секторе выполняется только 30% работ, а 60% затрат осуществляется в предпринимательском секторе. В исследованиях, предназначенных для сельского хозяйства, картина прямо противоположная: на государственные организации приходится незначительный объем производства продукции, но на государственный сектор приходится 75% затрат на исследования и разработки, в то время как для производства пищевых продуктов только 15% работ проводится в государственном секторе. В работах для сельского хозяйства предпринимательский сектор играет незначительную роль (таблица 1), что свидетельствует об отсутствии взаимодействия между научными организациями и агробизнесом.

Таблица 1 – Структура внутренних текущих затрат на научные исследования и разработки по видам и секторам экономической деятельности АПК в 2017 г., %

Показатель	Внутренние текущие затраты – всего	В том числе по видам экономической деятельности		
		сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	из них: растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях	производство пищевых продуктов
Всего по Российской Федерации	100,0	100,0	100,0	100,0
Государственный сектор	29,8	75,3	74,1	15,2
Предпринимательский сектор	60,4	3,6	3,5	35,6
Сектор высшего образования	9,4	21,0	22,4	49,2
Сектор некоммерческих организаций	0,4	0,2	0,1	0,0

Примечание: рассчитано по [11].

Значительный вклад в исследования и разработки для сельского хозяйства вносит сектор высшего образования, в 2017 г. на его долю приходилось 22% внутренних текущих затрат на исследования и разработки в области сельского хозяйства по сравнению с 9,4% в среднем по затратам по всем областям исследований (таблица 1). При этом 70% работ в вузах приходится на прикладные исследования и 10% на разработки. В отличие от государственного сектора, где на прикладные исследования приходилось 22,7% затрат и 8,5% на разработки. Наибольшая доля затрат на разработки наблюдается в предпринимательском секторе – 53% (таблица 2). В целом можно констатировать, что в исследованиях для сельского хозяйства сложилось определенное «разделение труда» между государственными научными организациями, коммерческими организациями и вузами, что создает предпосылки для развития интеллектуального потенциала агропродовольственного комплекса. Остается недостаточно развитой исследовательская деятельность некоммерческих организаций, к сожалению, Минэкономразвития России не публикует информацию об этой сфере деятельности НКО [12].

Таблица 2 – Структура затрат на научные исследования и разработки по всем областям науки и в том числе по секторам сельскохозяйственной науки в РФ в 2017 г., %

Показатель	Всего по РФ	В том числе сельскохозяйственные науки	Из них по секторам			
			государственный сектор	предпринимательский сектор	сектор высшего образования	сектор некоммерческих организаций
Затраты на научные исследования и разработки – всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:						
внутренние затраты на научные исследования и разработки – всего	75,1	97,4	97,9	97,3	94,4	91,9
внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки	70,1	94,1	94,7	96,1	89,9	91,9
В том числе:						
фундаментальные исследования	10,4	54,7	63,5	4,2	9,5	15,7
прикладные исследования	12,7	29,3	22,7	38,4	69,7	57,3
разработки	46,9	10,1	8,5	53,5	10,7	18,8
Внешние затраты на научные исследования и разработки	24,9	2,6	2,1	2,7	5,6	8,1

Примечание: рассчитано по [11].

Доминирующей мировой тенденцией развития аграрной науки и переход с ресурсного на инновационный сценарий роста является опережающий рост расходов на научные исследования и разработки относительно роста мирового ВВП. Необходимо отметить схожие тенденции развития аграрной науки и образования в России и в мире: увеличение расходов на исследования в целом и в расчете на одного исследователя; рост доли расходов на исследования в ВВП, однако различаются в несколько раз как и темпы роста, так и размеры затрат на научные исследования. Снижение численности исследователей и старение кадров аграрной науки, характерное для России, противоречит общемировой тенденции роста.

В продолжение исследований для повышения эффективности управления научно-интеллектуальным потенциалом произведен поиск дополнительных актуальных индикаторов оценки научно-интеллектуального потенциала агропродовольственного комплекса, учитывающих такие аспекты, как ресурсное обеспечение, территориальная и отраслевая структура, организация использования интеллектуального потенциала агропродовольственного комплекса.

Предпринятая в данной статье попытка всестороннего изучения научно-интеллектуального потенциала агропродовольственного комплекса позволила вывить различные аспекты его формирования, развития и использования (таблица 3). Каждый аспект характеризуется количественными индикаторами, анализ динамики которых позволяет определить и оценить тенденции развития научно-интеллектуального капитала. Наиболее сложно оценить

тенденции совершенствования организации использования интеллектуального потенциала агропромышленного комплекса, особенно координацию между органами управления АПК, вузами и НИИ. Пример такой координации имеется в ведомственной программе «Развитие мелиоративного комплекса России» Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (в редакции от 31 марта 2020 г., далее – Госпрограмма), который предусматривает внедрение не менее 5 новых научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и использования результатов не менее 13 научно-исследовательских работ в области мелиорации земель к концу 2025 г. (прил. 1 Госпрограммы) [13].

Таблица 3 – Индикаторы оценки тенденций развития научно-интеллектуального потенциала агропродовольственного комплекса

Аспекты развития научно-производственного потенциала	Индикаторы
Ресурсное обеспечение научно-интеллектуального потенциала	
Объем финансирования научно-исследовательских работ (НИР)	Объем финансирования НИР в расчете на 1 научного работника
Уровень развития информационных систем	Число руководителей и специалистов в компаниях, использующих современные информационные технологии
Секторальная, отраслевая и межрегиональная структура научно-интеллектуального потенциала	
Численность исследователей	Число занятых фундаментальными и прикладными исследованиями: - в отдельных отраслях знаний сельскохозяйственных наук; - в субъектах Российской Федерации Соотношение индикаторов численности исследователей
Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки:	- на фундаментальные исследования; - на прикладные исследования; - на разработки
Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по секторам:	- государственный сектор; - предпринимательский сектор; - сектор высшего образования; - сектор некоммерческих организаций
Организация использования интеллектуального потенциала агропродовольственного комплекса	
Координация между органами управления АПК, вузами и НИИ	Число грантов на подготовку научных разработок в рамках федеральных и региональных программ развития АПК
Стимулирование спроса на наукоемкую и инновационную продукцию АПК или применяемую в АПК	Объем закупок государством, муниципалитетами и государственными компаниями наукоемкой и инновационной продукции
Сотрудничество между научными организациями и сельскохозяйственными товаропроизводителями	Число оказанных консультаций Число договоров на выполнение НИИ и вузами научных разработок для сельскохозяйственных товаропроизводителей
Государственная поддержка обучения и переподготовки специалистов	Число грантов на обучение новым технологиям
Готовность специалистов агробизнеса к внедрению инноваций	Доля специалистов с высшим образованием среди занятых в сельскохозяйственных организациях и фермерских хозяйствах

Заключение.

В исследовании уточнены теоретико-методологические положения оценки долгосрочных тенденций развития научно-интеллектуального потенциала агропродовольственного комплекса, характеризующие различные аспекты его формирования, развития и использования. Систематизированы индикаторы, отражающие тенденции развития научно- производственного потенциала АПК с учетом таких аспектов, как ресурсное обеспечение, территориальная и отраслевая структура, организация использования научно-интеллектуального потенциала агропромышленного комплекса.

Повышение эффективности управления научно-интеллектуальным потенциалом агропродовольственного комплекса тесно связано с совершенствованием институциональных форм его организации и координацией связей между стейкхолдерами инновационного процесса.

Для повышения качественного уровня научных разработок целесообразно в Российской академии наук создать совет по мониторингу, экспертизе и прогнозированию результатов

внедрения наукоемкой продукции в сельском хозяйстве на всех фазах инновационного цикла. В состав Совета целесообразно включить представителей заинтересованных участников инновационного процесса: ведущих ученых-аграрников; экспертов РАН; представителей Министерства сельского хозяйства России, сельскохозяйственных товаропроизводителей, институтов развития. Повышение эффективности связей между наукой и сельскохозяйственным производством возможно путем создания при ведущих аграрных университетах и НИИ «технологических долин» для коммерциализации результатов НИОКР. Совершенствование подходов к разработке оценочно-прогнозного инструментария развития научно-интеллектуального потенциала агропродовольственного комплекса позволит ускорить научно-технологическое развитие агропродовольственного комплекса страны. Также можно констатировать, что в исследованиях для сельского хозяйства сложилось определенное «разделение труда» между государственными научными организациями, коммерческими организациями и вузами, что создает предпосылки для развития интеллектуального потенциала АПК.

Практическое применение авторской системы индикаторов оценки долгосрочных тенденций развития научно-интеллектуального потенциала агропродовольственного комплекса, характеризующие различные аспекты его формирования, развития и использования, позволит повысить результативность оценки, выявить сильные и слабые стороны в отраслевом и территориальном разрезе в целях экономической, социальной, технологической, бюджетной эффективности управления экономикой знаний в сельском хозяйстве и агропродовольственном комплексе российских регионов.

Список литературы:

1. Мильнер Б.З., Орлова Т.М. Организация создания инноваций: горизонтальные связи и управление. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 286 с.
2. Derunova E. (2020). Long-term trends of scientific-intellectual potential of agriculture food complex // Scientific Papers Series Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development, Vol. 20 (2): Pp.199-209. – URL: http://managementjournal.usamv.ro/pdf/vol.20_2/volume_20_2_2020.pdf
3. Национальный проект «Наука» // Информационные материалы о национальных проектах по 12 направлениям стратегического развития. – URL: <http://government.ru/news/35675/> (дата обращения: 12.02.19).
4. Неганова В.П., Дудник А.В. Готовность к инновациям в АПК региона как субъективный фактор инновационной активности // Экономика региона. – 2019. – Т. 15. – Вып. 3. – С. 880–892.
5. Тихонов А.В., Богданов В.С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. – 2020. – № 1. – С. 74–81.
6. Веселовский М.Я., Погодина Т.В. Формирование стратегической конкурентоспособности компаний на основе интеллектуального лидерства и ключевых компетенций // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2020. – № 2. – С. 19–27.
7. Дерунова Е.А., Филатова И.Н., Дерунов В.А. Исследование потребительского поведения при восприятии качества высокотехнологичной продукции, выводимой на рынок инновационным сообществом // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2014. – Т. 14. – № 2–1. – С. 269–279.
8. Дерунова Е.А. Обоснование долгосрочных тенденций научно-технологического развития агропродовольственного комплекса России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2020. – №2 – С. 38–44.
9. Андрущенко С.А. Обоснование механизма управления инновационным развитием производственного потенциала на основе сочетания национальных и региональных приоритетов // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 4. – С. 87–94.

10. Дерунова Е.А. Использование методологии экономики знаний в оценке инновационного потенциала агропродовольственного комплекса России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2018. – № 2. – URL: <http://www.iagpran.ru/journal.php?tid=646>

11. Росстат. Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по областям назначения (применительно к видам экономической деятельности) в 2017 году // Основные показатели деятельности организаций, выполняющих научные исследования и разработки за 2017 год (итоги федеральных статистических наблюдений). – URL: <https://www.gks.ru/folder/14477>

12. Минэкономразвития России. Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций. – URL: <http://nko.economy.gov.ru/Public/NewsPage/Details.html?id=106>

13. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. N 717 (в редакции от 31 марта 2020 г.). – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70210644/paragraph/23505545:0>

НОВЫЕ ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ ЦЕН НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ

Остапенко Т.В., к.э.н., ИАГП РАН

Раскрываются особенности формирования ценовой конъюнктуры на мировом и внутреннем рынке продовольствия в период коронакризиса. Выявляются такие факторы динамики цен на продовольствие, как изменение валютного курса и динамика мировых и внутренних цен на пшеницу. Проводится прогноз динамики этих показателей на краткосрочную перспективу. Обосновывается тот фактор, что динамика мировых цен на продовольствие в значительной степени зависит от финансового рынка и финансово-спекулятивного фактора. Рассматриваются новые факторы роста цен на продовольствие в период коронакризиса: разрыв формирующихся межотраслевых связей в продуктовых цепочках, ускорение темпов инфляции. Исследуется изменение уровня и структуры затрат и доходности бизнеса на фоне девальвации рубля. Обосновывается необходимость управления структурой затрат для смягчения влияния факторов роста цен на продовольствие.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, мировые и внутренние цены на продовольствие, валютный курс, спрос, предложение, рыночная конъюнктура, затраты, ценовое регулирование.

NEW FACTORS OF FOOD PRICE DYNAMICS

Ostapenko T.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The features of the formation of the price environment in the global and domestic food markets during the coronavirus crisis are revealed. Factors of the dynamics of food prices (changes in the exchange rate and the dynamics of world and domestic prices for wheat) are identified. The forecast of the dynamics of these indicators for a short-term perspective is carried out. It is substantiated that the dynamics of world food prices largely depends on the financial market and the financial and speculative factor. The article examines new factors in the growth of food prices during the coronavirus crisis: a break in the emerging intersectoral links in product chains, an acceleration in inflation. Changes in the level and structure of costs and profitability of a business against the background of ruble devaluation are investigated. The necessity of managing the structure of costs to mitigate the influence of factors of growth in food prices is substantiated.

Key words: agri-food complex, world and domestic food prices, exchange rate, demand, supply, market conditions, costs, price regulation.

Введение.

Современный этап развития агропродовольственного комплекса характеризуется замедлением темпов роста международной торговли. Коронакризис привел к разрыву межотраслевых связей в цепочках создания добавленной стоимости как на внутреннем, так и на внешнем рынках продовольствия. При этом происходят существенные изменения в спросе и предложении товаров. Непостоянное предложение и смещение спроса на международных рынках приводит к тому, что глобальная конкурентная среда является непредсказуемой. В этих условиях актуальным является анализ происходящих изменений в конъюнктуре мировых продовольственных рынков, выявление новых факторов, влияющих на динамику цен на продовольствие.

Цель исследования состояла в выявлении новых факторов динамики цен на продовольствие и разработке мер для смягчения влияния факторов их роста.

Методика исследования.

На основе сложившихся тенденций динамики мировых и внутренних цен на пшеницу за 2009–2019 гг. выполнен прогноз на 2021 г. Для прогноза мировых и внутренних цен была использована степенная функция.

На основе сложившейся динамики валютного курса за 2000–2019 гг. выполнен его прогноз на 2021 г. Для прогноза динамики валютного курса была использована степенная функция – полином второй степени.

Результаты исследования.

Россия встроена в мировой продовольственный рынок в основном как поставщик продовольственных ресурсов. В 2000–2008 гг. импорт продовольствия возрос в пять раз и составил 35 млрд долл. В этот период рост цен на продовольствие во многом был обусловлен ростом стоимости импорта. После 2008 г. рост объемов импорта сначала замедляется, а потом сокращается. Намечается тенденция к замещению импорта отечественным производством. В последние годы экспорт рос быстрее импорта, а в 2014–2016 гг. импорт сокращался, что позволило сократить отрицательное сальдо экспорта-импорта.

С 2014 по 2019 гг. стоимость экспорта продовольствия выросла с 18,9 млрд до 24,8 млрд долл., а доля продовольствия в товарной структуре экспорта увеличилась с 3,8 до 5,9%. В анализируемый период стоимость импорта продовольствия снизилась с 39,9 млрд до 29,9 млрд долл., а доля продовольствия в товарной структуре импорта уменьшилась с 13,9 до 12,3 %.

На динамику цен на продовольствие оказывает влияние комплекс факторов, определяющих как спрос, так и предложение. Со стороны спроса основными факторами являются увеличение численности населения, изменение его доходов, структуры потребления, растущий спрос на биотопливо. Со стороны предложения – это уровень запасов, быстрый рост цен на нефть, изменение структуры затрат на производство и ряд других. Кроме того, на динамику цен влияют факторы, одновременно относящиеся и к спросу и предложению, например, торговая политика, финансовые рынки, воздействие изменения климата, внешние шоки.

В последние годы главными факторами изменения цен на продовольствие были санкции, продовольственное эмбарго, девальвация рубля, рост стоимости импорта. Так, например, если в 2011 г. темп прироста потребительских цен составлял 2,8%, то к 2014 г. он увеличился до 16,4%. Снижение уровня конкуренции со стороны иностранных производителей в результате принятия ограничительных мер, увеличение доступной емкости рынков для российских производителей, рост цен на отечественную сельхозпродукцию в 2014–2016 гг., опережающий затраты, а также относительное сокращение издержек производства за счет девальвации национальной валюты позволили увеличить рентабельность сельскохозяйственного производства [1].

В настоящее время ценовая динамика замедлилась и к 2019 г. снизилась до 2,6%. Девальвация рубля привела к росту издержек в отраслях, потребляющих импортное сырье. На динамику цен в продуктовых цепочках повлияло увеличение цен на промежуточную продукцию, поступающую по импорту. Сельское хозяйство почти полностью зависит от импортных поставок семян, кормовых добавок, удобрений. В пищевой промышленности до 80,0% пищевых ингредиентов импортного происхождения, в них входят ароматизаторы, красители, подсластители, консерванты.

Одним из факторов изменения внутренних цен на продовольствие является динамика мировых цен. Мировые цены на продовольствие как в период мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., структурного кризиса 2014–2016 гг., так и коронакризиса конца 2019 – начала 2020 гг. снижались. Так, с 2014 по 2019 г. мировые цены снизились на пшеницу с 285 долл./т до 202 долл./т, или на 20,1%, ячмень – на 7,2 %, говядину – на 4,0 %, снижение коснулось и цен на сахар.

Рассмотрим динамику мировых цен на продовольствие на примере рынка пшеницы. С 2005 по 2008 гг. цена на американскую твердую пшеницу выросла с 152,4 долл./т до 326 долл./т. Российский рынок зерна тесно связан с мировым. Рост мировых цен повлиял на конъюнктуру внутреннего рынка зерна, что привело к увеличению цены отечественных производителей на пшеницу в указанном периоде с 87,1 долл./т до 173,6 долл./т. Затем рост цен охватил другие сельскохозяйственные отрасли, прежде всего животноводство.

Новым явлением на мировом продовольственном рынке, наиболее ярко проявившимся в период глобального кризиса 2007–2009 гг., явилось то, что изменение мировых цен стало всё меньше зависеть от соотношения спроса и предложения. На динамику мировых цен большое влияние стали оказывать изменения, происходящие на финансовых рынках. В результате усилившейся финансовализации товарно-сырьевые рынки приобрели двойственную товарно-сырьевую природу, превратившись в тесно связанные с финансовыми рынками площадки, удобные для крупных направленных спекуляций [2].

Основными факторами изменения рыночной конъюнктуры на рынке пшеницы в сезон 2019–2020 гг. явились высокий урожай, девальвация рубля, пандемия коронавируса, диспаритет внутренних и экспортных цен, введение квоты на вывоз. Опережающий рост внутренних цен на зерно по сравнению с экспортными в рублевом выражении способствовал тому, что доходность экспортеров сохранялась на низком уровне. Начиная с 2020 г. на фоне роста экспортных цен и резкого ослабления курса рубля доходность от экспортных операций начала возрастать.

В последние годы в число значимых инфляционных факторов вошел обменный курс рубля по отношению к доллару США, что объясняется его резко возросшей волатильностью. Новым явлением стал тот факт, что начиная с 2014 г. динамика цен производителей на пшеницу не столько подвержена влиянию мировых цен, сколько зависит от динамики валютного курса (рисунок 1).

В ходе исследований была поставлена задача – на основе сложившихся тенденций развития валютного курса, мировых и внутренних цен на пшеницу осуществить прогноз их динамики на краткосрочную перспективу. Для прогноза динамического ряда валютного курса был использован полином второй степени. Полиминальный тренд хорошо подходит для описания значений, попеременно возрастающих и убывающих. Выполненный прогноз показал, что в 2021 г. валютный курс составит 84 руб./долл. США (уравнение описывающее динамику валютного курса $Y = 0,2145x^2 - 2,8505x + 35,039$, при этом величина достоверности аппроксимации составила $R^2 = 0,8533$).

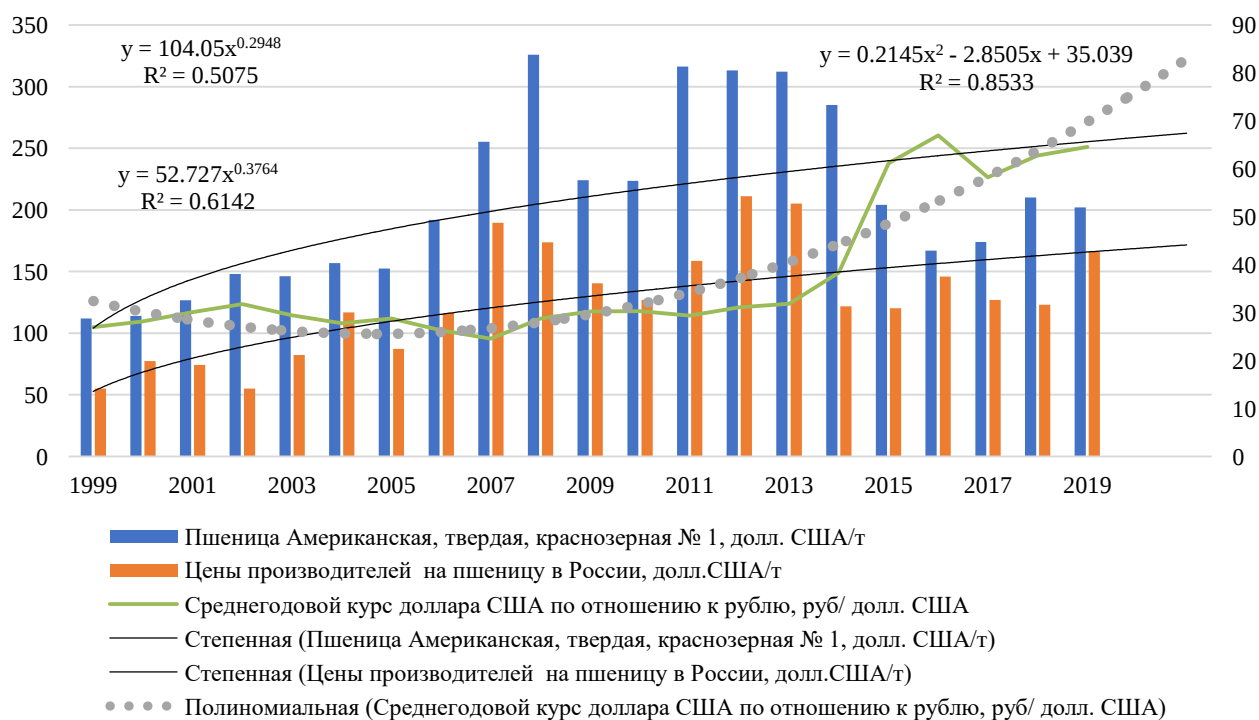

Рисунок 1 – Динамика и прогноз мировых и внутренних цен на пшеницу и курса рубля по годам

Источник: Commodity Markets Outlook. October 2020. World Bank Group. 2020.

Для прогноза динамических рядов мировых и внутренних цен нами была использована степенная функция. Этот выбор был связан с тем, что форма этой кривой больше всего подходит к графическому тренду. Прогноз показал, что к 2021 г. мировые цены на пшеницу составят 253 долл./т (уравнение описывающее динамику мировых цен $Y = 104,05x^{0,2948}$, а величина достоверности аппроксимации $R^2 = 0,5075$). При этом внутренние цены на пшеницу составят 165 долл./т (уравнение $Y = 52,727x^{0,3764}$, а величина достоверности аппроксимации $R^2 = 0,6142$).

Рост мировых цен может позволить России успешно выдерживать ценовую конкуренцию и стать крупным экспортером сельскохозяйственной продукции и продовольствия даже при ее высокзатратном производстве [3]. Динамика мировых и внутренних цен на молочную продукцию приведена на рисунке 2.

Особый интерес представляет мировой рынок сухого обезжиренного молока (СОМ). Цены на СОМ в последние годы имели разноплановую динамику, в 2018 г. они находились на очень низком уровне в связи с высокими объемами запасов сухого молока. Мировые цены на сухое обезжиренное молоко начали расти с конца 2018 г., на что повлиял комплекс факторов:

- рост мирового спроса на СОМ со стороны таких ключевых рынков, как Китай, Индонезия и Филиппины,
- производство молока в 2019 г. среди основных экспортеров оказалось меньше, чем ожидалось,
- запасы СОМ остаются низкими как в странах Европейского союза, так и в США.

Сокращение запасов готовой молочной продукции способствовало росту цен на готовую продукцию. Цены на сухое обезжиренное молоко к началу 2020 г. достигли максимума, а потом начали снижаться.

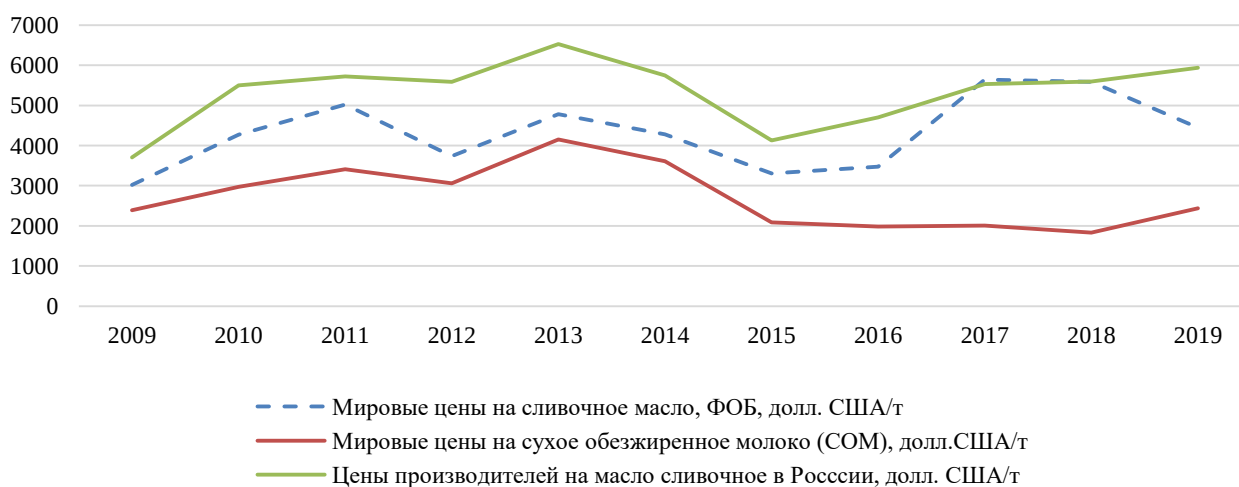

Рисунок 2 – Динамика мировых и внутренних цен на молочные продукты по годам, долл./т
Источник: Dairy market review: Price and policy update – July 2020.

В 2020 г индекс мировых цен на молочную продукцию уменьшился на фоне снижения котировок и глобального спроса на импорт обезжиренного и цельного сухого молока из-за проблем в логистике. Ключевое влияние на цены на мировом молочном рынке оказало снижение потребления в развитых странах. Прежде всего это повлияло на снижение стоимости биржевых товаров – сухого молока и сливочного масла.

Пандемия коронавируса вносит определенные коррективы в изменение структуры потребления продовольствия, деформируя эту структуру. Если до кризиса большая часть продукции направлялась в сегмент общественного питания, то теперь большие объемы отправляются переработчикам и ритейлерам. Производители, выпускающие продукцию для общепита, в сложившихся условиях вынуждены останавливать производство либо сокращать его объемы, что приводит к снижению спроса и, в свою очередь, к снижению цен. Ситуация с

коронавирусом формирует новую реальность в торговле, логистике, производстве. Главный риск индустрии – снижение спроса будет проходить на фоне продолжающегося роста объемов сырья, увеличения запасов «долгоиграющих» молочных продуктов [4].

Структура розничных цен на продовольствие в 2015 и 2019 г представлена в таблице. Как видно из ее данных, в рассматриваемом периоде в структуре розничных цен выросла стоимость сырья и основных материалов по маслу сливочному с 55,4 до 57,7%, творогу жирному с 38,6 до 39,2 %. При этом необходимо отметить рост оборота сферы обращения в структуре розничных цен по всем основным продовольственным товарам.

Таблица – Структура розничных цен на основные продовольственные товары в 2015 и 2019 г. в РФ, % к розничной цене

Показатель	Говядина кроме бескостного мяса		Масло сливочное		Творог жирный		Хлеб и булочные изделия из муки высшего сорта		Масло подсолнечное	
	2015	2019	2015	2019	2015	2019	2015	2019	2015	2019
Стоимость сырья и основных материалов	61,9	60,6	55,4	57,7	38,6	39,2	25,2	23,1	39,3	37,9
Расходы на переработку сырья	7,9	7,4	17,2	13,1	19,6	17,5	40,2	37,3	6,6	7,9
Прибыль убыток промышленных организаций	4,6	3,1	3,8	3,4	7,1	6,8	10,3	8,9	4,0	3,3
НДС	6,1	7,1	6,9	6,9	6,2	6,3	7,0	6,9	4,3	4,3
Оборот сферы обращения	19,5	21,8	16,7	18,9	28,5	30,2	17,3	23,8	45,8	46,6

Источник: Цены в России. 2020: Стат. сб. / Росстат - М., 2020 – 147 с.

По оценкам Национального союза производителей молока (Союзмолоко), доля импортной составляющей в производстве молока составляет от 10 до 20% в зависимости от используемой в работе техники и оборудования, а также рационов кормления. Корма занимают значительную долю в структуре себестоимости молока – до 50% [5]. Многие российские компании импортируют корма из-за рубежа. На стоимость кормов оказывают влияние проблемы с логистикой. Крупные производители в нестабильной экономической ситуации приостановили производство, что привело к срыву логистических цепочек, перебоям в поставках кормов. Так, эпидемия коронавируса остановила производство ингредиентов для кормов из Китая.

В условиях коронакризиса 2020 г. неизбежно будет расти себестоимость сельскохозяйственной и переработанной продукции. Причиной этого является рост цен в долларах на импортное оборудование и добавки, используемые в сельском хозяйстве. Переработчики используют в производственном процессе импортные материалы: закваски, наполнители, стабилизаторы, упаковки. Указанные затраты варьируются в зависимости от категории молочных продуктов и составляют от 5 до 15% в структуре себестоимости [6].

Из-за девальвации рубля себестоимость производства молока и готовой молочной продукции увеличивается, что ведет к снижению доходности ведения бизнеса. Для смягчения факторов роста цен на продовольствие необходимо эффективное управление структурой затрат. Фактором стабилизации рынка может выступить оптимизация импортных поставок, ужесточение мер по борьбе с фальсификацией продукции, продолжение курса на импортозамещение и реализацию экспортного потенциала.

Заключение.

На каждом из этапов развития агропродовольственного комплекса на уровень цен влияют разные факторы: изменение мировых цен на продовольствие, динамика валютного курса, санкции, продовольственное эмбарго, соотношение цен на импорт и другие факторы. Не исключая большого влияния перечисленных выше факторов, следует отметить, что в на-

стоящий период определяющим фактором является динамика валютного курса. Поэтому в современных условиях приоритетное значение имеет эффективная валютная политика.

Список литературы:

1. Ермолова О.В., Кирсанов В.В. Управление структурными изменениями в агропродовольственном комплексе // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2018. – Т. 1. – № 12. – С. 59–68.
2. Регулирование инфляции в условиях социально-экономических дисбалансов / Отв. ред. А.В. Кузнецов. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 328 с.
3. Гайсин Р.С. Долгосрочный трансформационный цикл конъюнктуры агропродовольственного рынка России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2020. – № 7. – С. 15–25.
4. Молочная отрасль 2020. Всероссийский справочник. Союзмолоко. – М., 2020. – 373 с.
5. Как изменится себестоимость производства молока в условиях кризиса. Новости и аналитика молочного рынка. Milknews. – URL: <https://milknews.ru/longridy/sebestoimost-proizvodstva-v-krizis.html>
6. Как меняется себестоимость производства готовой молочной продукции в кризис. Новости и аналитика молочного рынка. Milknews. – URL: <https://milknews.ru/longridy/sebestoimost-proizvodstva-gotovoy-produkcii-v-krizis.html>
7. Dairy market review: Price and policy update – July 2020– URL: https://docviewer.yandex.ru/view/227577045/?*
8. Dairy market review: overview of global dairy market developments in 2019 – March 2020– URL: https://docviewer.yandex.ru/view/227577045/?*
9. Commodity Markets Outlook. October 2020. World Bank Group. 2020– URL: https://docviewer.yandex.ru/view/227577045/?*
10. Цены в России. 2020: Стат. сб. / Росстат. – М., 2020 – 147 с.

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Коновалова Т.Л., ст. преподаватель, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского

В статье рассматриваются возможности развития современного инновационного производства в России. Проводится сравнительный анализ ряда показателей, характеризующих степень инновационного развития России и ведущих стран мира. Показаны методы стимулирования внедрения результатов научных исследований в производство, роль государства в данном процессе.

Ключевые слова: инновационное производство, нанотехнологии, бюджетные ассигнования, инновационные организации, рынок инноваций.

DEVELOPMENT OF INNOVATIVE PRODUCTION IN RUSSIA

Konovalova T.L., senior teacher, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevskiy

The article discusses the possibilities for the development of modern innovative production in Russia. A comparative analysis of a number of indicators characterizing the degree of innovative development of Russia and the leading countries of the world is carried out. Methods of stimulating the introduction of research results into production, the role of the state in this process are shown.

Key words: innovative production, nanotechnology, budgetary allocations, innovative organizations, innovation market.

Введение.

Важнейшим направлением развития современного инновационного производства является отказ от выпуска стандартизированной продукции и формирование персонализированной схемы взаимодействия с потребителями. По расчетам аналитиков цифровые технологии (в конкретных формах "прорывных" технологий и "радикальных" инноваций) закладывают основу для принципиально нового качества развития современного производства и должны обеспечить от 60 до 80% прогнозируемого мирового экономического роста.

Доля Российской Федерации в общемировом высокотехнологичном секторе составляет порядка 0,3%. В 2008 г. в России было зарегистрировано всего 30 патентов в области нанотехнологий, что составляло 0,2% от общего числа патентов в мире, а доля нашей страны на рынке нанотехнологий к 2010 г. не превышала 0,004% [1, с.30].

Если говорить о переходе России к "нанотехнологическому" укладу, то следует учитывать, что Россия начала развивать нанотехнологии в среднем на 7-10 лет позже, чем страны, являющиеся сегодня лидерами в этом направлении - США, страны ЕС, Япония, Китай, Индия. В мировой экономике на рубеже веков происходили глубокие качественные трансформации. В первом десятилетии двадцатого века инвестиции в производство нанопродукции выросли на 379%, а количество наименований такой продукции возросло более чем в пять раз. Лидирующее место по инвестированию в нанопроизводство принадлежит США (540 видов нанопродукции или более 50% от общего их количества), строчкой ниже - Юго-Восточная Азия (240 видов нанопродукции) и ЕС (более 150 видов).

Наиболее развитым видом инновационного производства в России является производство приборов для анализа наноструктур, т.е. современных микроскопов. Производимые наноматериалы в нашей стране используются не в промышленности, а для научных исследований, что свидетельствует об отставании России в области промышленного внедрения уже имеющихся уникальных отечественных научных разработок. Среди наноматериалов, производящихся в России, основную долю составляют нанопорошки, являющиеся самой простой из нанотехнологий, но и их производство не превышает 0,003% от мирового объема [1, с.31].

Сегодня Газпром, Лукойл и другие крупные российские компании активно внедряют значимые научно-технические разработки и программы, обеспечивая модернизацию своих подразделений. Однако итоги деятельности лидеров мирового бизнеса в сфере высоких технологий (ИБМ, Майкрософт, Сони Симменс и др.) намного превосходят результаты российских компаний. Создание и освоение новейших наукоемких технологий пока еще не стало приоритетом для большинства российских компаний, что значительно осложняет ситуацию в инновационной сфере и сказывается на национальном инновационном климате.

Цель исследования заключается в проведении сравнительного анализа ряда ключевых показателей, характеризующих степень инновационного развития России и ведущих стран мира; выявлении методов стимулирования внедрения результатов научных исследований в производство.

Результаты исследования.

За последнее десятилетие увеличились различия в бюджетных приоритетах России и развитых стран. Например, основной статьей государственных научных расходов в США было и остается обеспечение обороноспособности страны. Вторым по значению приоритетом являются научные исследования, связанные с обеспечением здоровья граждан. Такая статистика характерна для бюджетного финансирования и других стран, в первую очередь тех, где высокий уровень экономического развития позволяет концентрироваться на развитии основного богатства нации - человеческих ресурсах.

В России большая доля затрат стабильно приходится на технические отрасли, а не на исследования роли и места человека. Так, например, мировой IT-рынок в 2017 году достиг объема в 3,62 трлн долл., при этом доля программного обеспечения выросла на 5% и составила 407,3 млрд долл. Доля Российской Федерации на этом рынке составляет лишь 2,7% [1, с.31], и для улучшения положения дел в 2007 году в России была создана "Российская корпорация нанотехнологий" ("Роснано").

Новые технологические уклады (ТУ) в нашей стране формируются внутри индустрии, и Россия находится в преддверии вступления в эпоху нанотехнологической экономики. На текущий момент 40% мирового рынка высоких технологий принадлежит США (России – порядка 0,5%), однако, научный потенциал российских ученых все еще достаточно высок (не менее 12% от США), что свидетельствует о нереализованных возможностях в разработке высоких технологий.

Качественное изменение структуры инвестиций в России предполагает два основных направления. Во-первых, инновационная модернизация и структуризации подлежит действующий производственный потенциал, необходимо его качественное совершенствование. Во-вторых, рост инвестиции в инновационное производство в отраслях, производящих базовые виды продукции. Именно внедрение высоких технологий, а не точечная модернизация, позволит существенно повысить долю России в инновационной сфере мирового уровня (рисунки).

Проблемы разработки и внедрения высоких технологий невозможно решать на локальном уровне. Такие страны, как: США, Англия, Германия, Франция, Япония - обладающие высоким научно-техническим потенциалом - стремятся к сотрудничеству в наукоемких отраслях - энергетике, авиации, освоении космоса, электронике, информатике.

России также необходимо выстроить свою политику с учетом инвестиционных возможностей. Такая политика должна быть нацелена на экономический рост в условиях, когда глобализационные процессы сталкиваются с трудностями практически во всех высокоразвитых и высокотехнологичных странах мира [3, с.5]. Ситуацию осложняют и серьезные ограничения и относительная изоляция, связанные с пандемией Covid-19.

Вместе с тем, крупный бизнес России не спешит вкладывать деньги в исследования и разработки, его основная цель - извлечение прибыли с минимальным риском и в кратчайшие сроки. Государству приходится не только вкладывать деньги в фундаментальные исследования, но и обеспечивать выполнение прикладных разработок по приоритетным направлениям [2, с.47].

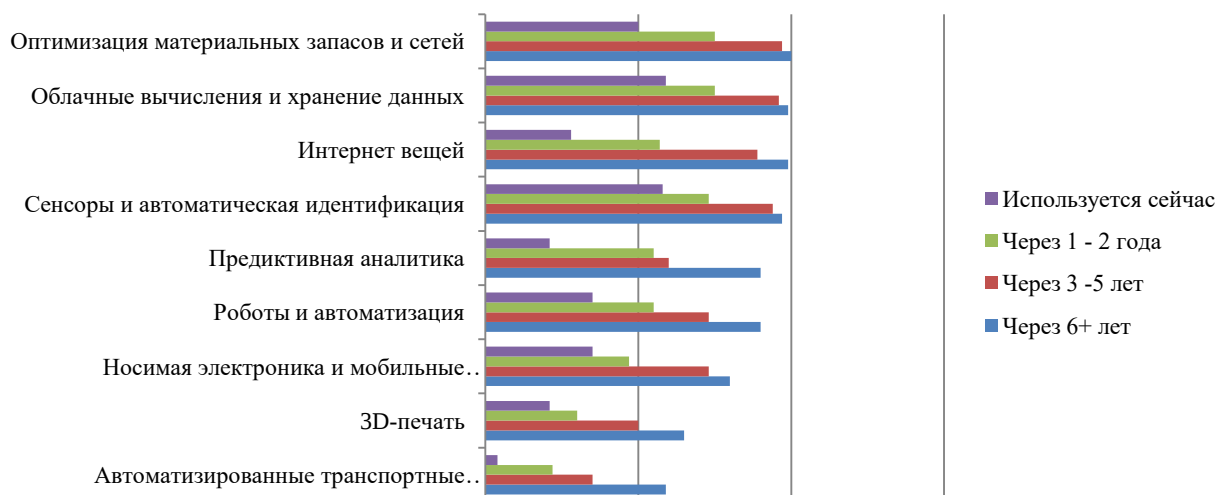

Рисунок - Планируемая адаптация компаний к росту инноваций (результаты опроса 1100 компаний с оборотом свыше 10 млн. долл., 2017 г.) [4, с.9]

Наряду с совместными технологическими корпорациями предлагается создание малых инновационных предприятий, работающих при крупных производственных гигантах на основе объединения, аутсорсинга или договора долгосрочного сотрудничества, подряда. Эти функции могли бы выполнять хозяйственно независимые инновационные организации (например, инжиниринговые фирмы). В этом случае теряется оперативная маневренность в распределении и перераспределении ресурсов, что важно для государственного регулирования и государственной поддержки данных процессов. При создании кластера или инновационного объединения может происходить внедрение инноваций в уже действующие предприятия, осуществление программ обновления, как производимой продукции, так и различных составляющих процессов ее создания.

Кластеры могут представлять собой интегрированные системы, территориально расположенные достаточно далеко друг от друга, общее управление которыми осуществляется на основе информационных технологий. Органы государственной власти оказывают поддержку институтам инновационной деятельности путем создания условий для совместных действий научно-исследовательских организаций, предприятий и государственных структур, содействуя тем самым формированию кластеров.

Представляет интерес зарубежный опыт сотрудничества институтов научно-образовательной сферы и инновационного производства в рамках научно-образовательных центров (НОЦ), который начинает распространяться и в нашей стране. Сегодня сформирована структурная модель НОЦ, в которой присутствуют два типа организационных структур: основные и коммерческие. К основным структурным элементам НОЦ относятся:

- базовая структура (университет или исследовательский институт);
- научная структура (исследовательские лаборатории);
- образовательная структура (факультеты и кафедры).

К коммерческим элементам НОЦ могут быть отнесены:

- бизнес-инфраструктура (обеспечивающие институты, которые занимаются поддержкой технологического лицензирования, организацией программ совместных исследований с промышленным сектором и могут включать бизнес-школы, центры предпринимательства, венчурные и другие фонды и т.п.);

- производственная структура (стартапы, малые и средние фирмы, крупные корпорации с высокой долей интеллектуальной составляющей в конечной стоимости продукта или услуги, которые также могут входить в наблюдательный или попечительский совет образовательного учреждения);

- корпоративные программы обучения, семинары и тренинги по технической поддержке.

Исходя из прогнозов долгосрочного технико-экономического развития и при условии сохранения нынешних темпов, шестой технологический уклад в фазу зрелости вступит в 2040-е гг. Новая научно-техническая и технологическая революция предположительно произойдет в 2020 - 2025 гг. Ее фундаментом станут разработки, синтезирующие достижения названных ранее базовых направлений. Основу подобных прогнозов закладывают следующие данные: в США, например, доля производительных сил пятого технологического уклада уже составляет 60 %, четвертого - 20 %, а около 5% этой доли уже приходится на шестой технологический уклад [5, с.8]. В США, Евросоюзе, Японии и Китае именно nanoиндустрия является наиболее перспективным и востребованным направлением развития науки и производства. Что касается России, то объемы инвестиций в nanoиндустрию в последние годы существенно выросли, что подчеркивает заинтересованность, как государства, так и предпринимателей в развитии данной сферы.

В современных условиях особенно актуальна разработка эффективной модели инфраструктурного обеспечения nanoиндустрии как массового производства нанопродукции. Метапроизводственная функция, разработанная О.В.Иншаковым, позволяет определить оптимальное соотношение факторов nanoпроизводства [5, с.11]. Эта формула показывает взаимосвязь продукта nanoиндустрии и ее основных факторов:

$$Q = f(A, T, M, Ins, O, Inf).$$

В качестве эндогенных переменных выступают: человеческий (А), технический (Т), материально-вещественный (М), институциональный (Ins), организационный (О), информационный факторы производства (Inf). Эти факторы имеют существенные особенности использования в nanoиндустрии, что необходимо учитывать при анализе результатов. России следует учитывать накопленный другими странами опыт и национальные особенности развития.

В целом можно говорить о том, что за период 2013–2019 гг. России удалось существенно развить инновационный потенциал на фоне мирового уровня, несколько улучшив свои позиции в Глобальном Инновационном Индексе (табл.), однако, из приведенных данных видно отставание России по результатам внедрения инноваций, что говорит о недостатках именно в развитии инновационного производства.

Таблица - Динамика позиций России в ГИИ: 2015-2019 гг. [6]

	2015	2016	2017	2018	2019
Глобальный инновационный индекс	48	43	45	46	46
Ресурсы инноваций	52	44	43	43	41
Результаты инноваций	49	47	51	56	59

Примечание: количество стран: 2015 г. – 141, 2016 г. – 128, 2017 г. – 127, 2018 г. – 126, 2019 г. – 129.

Заключение.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что главной проблемой в области инноваций в России является недостаточно активное использование результатов инноваций в производственной деятельности, необходимость стимулирования спроса на инновации со стороны предпринимателей, более полного использования результатов и ресурсов инноваций в сфере производства.

В деятельности инновационных фирм присутствуют многообразные смешанные институциональные формы взаимодействия научно-образовательной сферы с частными производителями. Исследование международного опыта позволяет предвидеть варианты развития институтов научно-образовательной сферы и всей национальной инновационной системы в целом, раскрывает возможности адаптации методов использования инноваций ведущими странами мира к особенностям российской экономики.

Список литературы:

1. Каширин В., Сысоев А. Некоторые вопросы инновационного развития российской экономики // Общество и экономика. - 2018. - № 2. - С.25-35.

2. Миндели Л., Остапюк С. Сопоставление динамики затрат зарубежных стран и России на развитие науки // Общество и экономика. - 2013. - № 11-12. - С. 30-66.
3. Иванченко В. От модернизации производства к инновационному производству // Вестник Института экономики РАН. - 2011. - № 1. - С. 2-11.
4. Идрисов Г.И., Княгинин В.Н., Кудрин А.Л., Рожкова Е.С. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Вопросы экономики. - 2018. - № 4. - С. 5-25.
5. Иншаков О.В., Иншакова Е.И. Технологические платформы в российской наноиндустрии: проблемы и перспективы развития // Вестник ВолГУ. Серия 3. Экономика. Экология. - 2017. - Т. 19. - №. 3. - С. 7-20.
6. Власова В.В. Глобальный инновационный индекс, 2019. - URL: <https://www.issek@hse.ru>.

**АНАЛИЗ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ ДИНАМИКИ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ
СУБЪЕКТОВ РФ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ФУНКЦИЙ КОББА–ДУГЛАСА**

Кутенков Р.П., д.э.н., ИАГП РАН

Проводится факторный анализ производительности труда в сельском хозяйстве регионов Российской Федерации на основе выборки регионов, рассмотренной в работе [1], с использованием производственной функции Кобба-Дугласа [2]. Рассмотрены три группы регионов с посевными площадями менее 1 млн. га, от 1 до 2 млн. и свыше 2 млн. га. В качестве факторов рассмотрены: фондовооруженность сельскохозяйственного производства в регионе и среднемесячная начисленная зарплата в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве. Расчеты проводились на основе материалов Росстата по усредненным данным за 2017-2018 гг. С использованием математических моделей и свойств функций Кобба-Дугласа, обоснованных в работе [1], построены зависимости, связывающие относительные приращения рассматриваемых факторов и производительности труда, на основе которых строились прогнозные расчеты.

Ключевые слова: регионы России, сельское хозяйство, производительность труда, ресурсные факторы, соотношения, динамика, прогнозирование, функции Кобба-Дугласа.

**ANALYSIS AND PREDICTION OF TRENDS IN THE DYNAMICS OF LABOR
PRODUCTIVITY IN AGRICULTURE OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN
FEDERATION USING THE COBB-DOUGLAS FUNCTIONS**

Kutenkov R.P., doctor of economic sciences, IAgP RAS

A factor analysis of labor productivity in agriculture of the regions of the Russian Federation using the production function of Cobb-Douglas is carried out. Three groups of regions with sown areas of less than 1 million hectares, from 1 to 2 million and over 2 million hectares are considered. Capital-labor ratio of agricultural production in the region and the average monthly accrued wages per one employed in agriculture are considered as factors. Calculations were carried out on the basis of Rosstat materials based on averaged data for 2017-2018. Using mathematical models and properties of the Cobb-Douglas functions, dependencies were constructed connecting the relative increments of the factors under consideration and labor productivity, on the basis of which the forecast calculations were based.

Key words: regions of Russia, agriculture, labor productivity, resource factors, relationships, dynamics, forecasting, Cobb-Douglas functions.

Введение.

В работе [1] предложена методика прогнозирования, позволяющая с использованием свойств функции Кобба-Дугласа оценить реакцию выхода валовой продукции на изменения значений ресурсных факторов, а также рассчитать приращения факторов, необходимые для достижения заданных значений выхода валовой продукции. В данной работе эта методика обобщается применительно к задаче факторного прогнозирования производительности труда в сельском хозяйстве регионов на основе материалов отчетной статистики Росстата за 2017-2018 гг. Оценивается взаимосвязь между относительным приращением производительности труда и соответствующими относительными приращениями ресурсных факторов сельскохозяйственного производства. Эта оценка использует математическую модель, вытекающую из свойств функции Кобба-Дугласа, и позволяет решить прямую и обратную задачи моделирования, связанные, как с расчетом относительных приращений производительности труда по относительным приращениям факторов, так и с расчетом относительных приращений факторов, необходимых для достижения заданного относительного приращения производительности труда. Необходимые модели построены для групп регионов с посевными

площадями, соответственно, менее 1 млн. га, от 1 до 2 и свыше 2 млн. га, что позволяет оценить динамику производительности труда в сельском хозяйстве России в зависимости от сценариев изменения исследуемых ресурсных факторов.

Информационная база и методика расчетов.

Исследование проводилось на выборке регионов, обоснованной в [1] и в предшествующих работах автора, включающей 62 региона, в которых производится основная часть сельскохозяйственной продукции России (табл. 1). Анализировались зависимости между следующими показателями, рассчитанными для каждого региона:

P – производительность труда в сельском хозяйстве, оцениваемая как стоимость валовой продукции сельского хозяйства в регионе в расчете на одного занятого, тыс. руб.

F – фондовооруженность, оцениваемая как остаточная на конец года стоимость основных фондов сельского хозяйства в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве региона, тыс. руб.;

Z – среднемесячная начисленная заработная плата в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве региона, тыс. руб.

Значения перечисленных показателей рассчитывались как средние (средневзвешенные) за 2017-2018 гг. по материалам отчетной статистики Росстата [3,4].

Таблица 1 – Состав групп регионов с посевными площадями соответственно менее 1 млн. га (гр.1), от 1 до 2 (гр.2) и свыше 2 млн. га (гр. 3)

Группа	Состав группы
1	Центральный федеральный округ (ЦФО): Брянская (код объекта 102), Владимирская (103), Ивановская (105), Калужская (106), Костромская (107), Московская (110), Рязанская (112), Смоленская (113), Тверская (115), Тульская (116) и Ярославская (117) области. СЗФО: Вологодская (204), Калининградская (205), Ленинградская (206), Новгородская (208) и Псковская (209) области. ЮФО: Астраханская область (304), республики Адыгея (301) и Калмыкия (302) . СКФО: республики Дагестан (401), Кабардино-Балкарская (403) и Карачаево-Черкесская (404). ПФО: Пермский край (507), республики Марий Эл (502), Мордовия (503), Чувашия (506), а также Кировская область (508). УрФО: Свердловская область (602). СФО: – республики Алтай (701) и Хакасия (704), Иркутская (708), Кемеровская (709) и Томская (712) области. ДФО – Приморский край (803) и республика Саха (Якутия, 801). Всего 35 регионов.
2	ЦФО: Белгородская (101), Курская (108), Липецкая (109), Орловская (111) и Тамбовская (114) области. ПФО: Удмуртская республика (505), Нижегородская (509), Пензенская (511) и Ульяновская (514) области. УрФО: Курганская (601) , Тюменская (603) и Челябинская (604) области. СФО: Красноярский край (707). ДФО: Амурская обл. (805). Всего 14 регионов.
3	ПФО: республики Башкортостан (501) и Татарстан (504), области Оренбургская (510), Самарская (512) и Саратовская (513) . ЮФО: Краснодарский край (303), Волгоградская (305), Ростовская (306) области. СФО: Алтайский край (705), Новосибирская (710) и Омская (711) области. СКФО: Ставропольский край (407). ЦФО: Воронежская обл. (104). Всего 13 регионов.

Примечание: рассчитано автором по материалам Росстата

В качестве модели, описывающей взаимосвязь между производительностью труда и рассматриваемыми ресурсными факторами выбрана производственная функция Кобба-Дугласа, имеющая вид:

$$P = LF^{\delta} Z^{\lambda}, \quad (1)$$

где коэффициент L отражает влияние факторов, не включенных в модель. Показатели степеней δ , λ , (как и в работе [1]) характеризуют эластичность производительности труда по соответствующему виду ресурса и определяются, как предел отношения относительного приращения производительности труда к относительному приращению соответствующего ресурса, когда абсолютное приращение ресурса стремится к нулю. Оценки параметров L , δ , λ определяются методом наименьших квадратов по значениям показателей P, F, Z для регионов соответствующей группы с использованием линеаризованной модели (2), полученной логарифмированием модели (1):

$$\ln P = \ln L + \delta \ln F + \lambda \ln Z. \quad (2)$$

В классической постановке производственная функция Кобба-Дугласа представляет экономико-статистическую модель производства продукции, отражающую количественную зависимость между объемными показателями ресурсов и выпуска [2]. В нашем случае она используется для описания другого процесса, связанного с факторным моделированием производительности труда. Подобное использование на сущностном уровне в обоих случаях обосновывается кумулятивностью влияния факторов на выходную характеристику процесса и (на методологическом уровне) требованием необходимости статистической проверки адекватности выбранных моделей описываемым данным.

Если построенная модель оказывается статистически неадекватной описываемым данным, то ее точность может быть повышена за счет исключения отдельных регионов, в которых соотношение между значениями производительности труда и исследуемыми факторами существенно отклоняется от основной тенденции, и последующего переоценивания коэффициентов. Более подробно этот процесс описан ниже. На основе полученной в результате подобных преобразований адекватной модели строятся основные зависимости для прогнозных расчетов. Если обозначить $P = P(F, Z)$ и $P_1 = P(F_1, Z_1)$ значения функции (1) в близких точках (F, Z) и (F_1, Z_1) , то относительные приращения производительности труда и рассматриваемых ресурсных факторов можно представить в виде:

$$\mu = \frac{P_1 - P}{P}, \quad \mu_1 = \frac{F_1 - F}{F}, \quad \mu_2 = \frac{Z_1 - Z}{Z}. \quad (3)$$

Известно [1,2], что для функции Кобба-Дугласа (1) введенные относительные приращения связаны формулой

$$\mu \cong \delta\mu_1 + \lambda\mu_2, \quad (4)$$

по которой можно оценить относительный прирост (снижение) производительности труда при заданных значениях относительных приростов (снижений) фондовооруженности и средней заработной платы в сельском хозяйстве регионов, по которым построена адекватная модель (1). При решении обратной задачи, связанной с определением относительных приращений ресурсообеспеченности и средней заработной платы для обеспечения заданного относительного приращения производительности труда, можно построить серию сценарных расчетов при фиксировании значений приращения одного из факторов, определении относительного приращения другого фактора из формулы (4) и последующего выбора наиболее подходящего набора приращений.

Результаты анализа.

На рисунке 1 представлены исходные данные для оценки коэффициентов модели (2) применительно к группе 1 регионов с посевными площадями меньше 1 млн. га. По оси X указаны коды регионов из таблицы 1. Значения натуральных логарифмов показателей на рисунке 1 рассчитаны по данным Росстата [3,4], усредненным за 2017-2018 гг.

На рисунке 1 также представлены предсказанные значения логарифмов производительности труда ($\ln P^\wedge$), рассчитанные по модели вида (2) с коэффициентами, оцененными по методу наименьших квадратов:

$$\ln P^\wedge = 5,405 + 0,366 \ln F - 0,255 \ln Z, \quad R^2 = 0,57 \quad (5)$$

Уровень значимости для коэффициента при $\ln Z$ составляет 0,1; для остальных коэффициентов и R^2 – менее 0,0001. Точность модели (5) невысока, и анализ рисунка 1 позволяет ее повысить за счет исключения регионов, в которых фактическая производительность труда не соответствует уровню обеспечения исследуемыми ресурсами. В частности, из рисунка 1 видно, что в регионе с кодом 204 (Вологодская обл.) производительность труда ниже, чем, например, в регионах с кодами 107, 105, 404 и др. при более высоких значениях фондовооруженности и заработной платы. В качестве дополнительной иллюстрации отметим, что фактическая производительность труда в регионе 204 ниже предсказанной по модели (5) примерно на 5,6 %. Подобное несоответствие можно отметить также для регионов 115 и 508 (Тверская и Кировская области, также выделенные в табл. 1 курсивом). Здесь фактическая производительность труда ниже расчетной соответственно на 6,8 и 5,8 %.

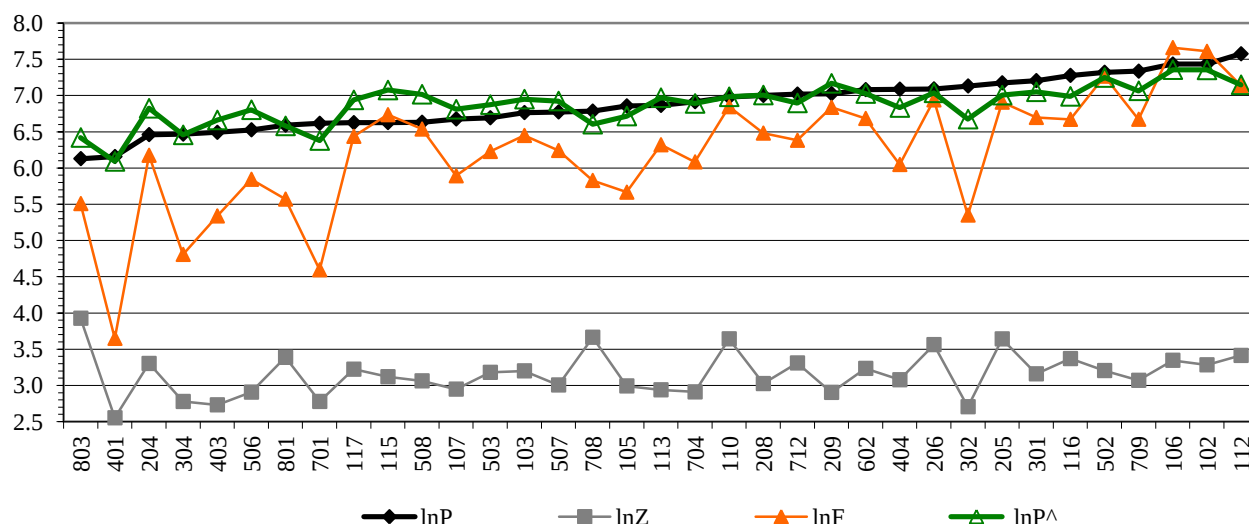

Рисунок 1 – Логарифмы фактических и предсказанных по (2) значений производительности труда ($\ln P$, $\ln P^$), а также соответствующих им логарифмов значений исследуемых факторов для регионов с посевными площадями менее 1 млн. га

В регионах 302, 701, 709, выделенных в табл. 1 жирным курсивом, отмечена противоположная ситуация: относительно высокие значения производительности труда достигнуты при более низкой обеспеченности рассматриваемыми видами ресурсов, и фактическая производительность превышает расчетную соответственно на 6,4; 3,6; 3,7 %..

После исключения выявленных аномальных регионов и пересчета оценок коэффициентов модель (2) для оставшихся 29 регионов первой группы примет вид:

$$\ln P^ = 4,962 + 0,405 \ln F - 0,190 \ln Z, \quad R^2 = 0,75, \quad (6)$$

где коэффициент при $\ln Z$ существенен на уровне значимости 0,15; остальные коэффициенты и R^2 существенны на уровне значимости ниже 0,0001.

Таким образом, точность модели существенно повысилась. Соотношение (4) для уточненной модели (6) примет вид:

$$\mu \cong 0,405\mu_1 - 0,190\mu_2. \quad (7)$$

Из соотношения (7) видно, что в рамках модели Кобба-Дугласа для регионов с посевными площадями менее 1 млн. га увеличение производительности труда достигается с ростом относительного приращения фондовооруженности (μ_1) или/и снижением относительного приращения заработной платы в расчете на одного занятого в сельскохозяйственном производстве (μ_2) при выполнении условия $\mu_1 > 0,47\mu_2$.

Выполняя аналогичные вычисления для регионов второй группы (с посевными площадями от 1 до 2 млн. га), получим основное уравнение регрессии (8) и графическую иллюстрацию (рис. 2) для выделения аномальных регионов с целью уточнения модели.

Регрессионная модель для предсказания логарифмов производительности труда ($\ln P^$), построенная с учетом всех регионов второй группы, имеет вид:

$$\ln P^ = 4,517 + 0,400 \ln F + 0,014 \ln Z, \quad R^2 = 0,50, \quad (8)$$

коэффициент при $\ln Z$ статистически незначим ($\alpha=0,98$), остальные коэффициенты и R^2 высоко значимы ($\alpha<0,04$).

Из рисунка 2 следует, что с учетом имеющегося ресурсного обеспечения в регионах 707 (Красноярский край) и 511 (Пензенская область) отмечена аномально низкая производительность труда (ниже расчетной на 6,6 и 4,0 %), а в Курганской области (601) – аномально высокая (выше расчетной на 7,3 %), что подтверждается расчетами по модели (8). Если исключить отмеченные регионы из рассмотрения и пересчитать оценки коэффициентов регрессии (8), то получим более точную модель (9):

$$\ln P^{\wedge} = 3,396 + 0,525 \ln F + 0,103 \ln Z, \quad R^2 = 0,82. \quad (9)$$

Как и в предшествующей модели, все коэффициенты, кроме коэффициента при $\ln Z$, статистически высоко значимы. С учетом повышенной точности модель (9) можно использовать как основу для оценки связи между относительными приращениями производительности труда и рассматриваемых ресурсных факторов (4), применяемой при прогнозировании:

$$\mu \cong 0,525\mu_1 + 0,103\mu_2. \quad (10)$$

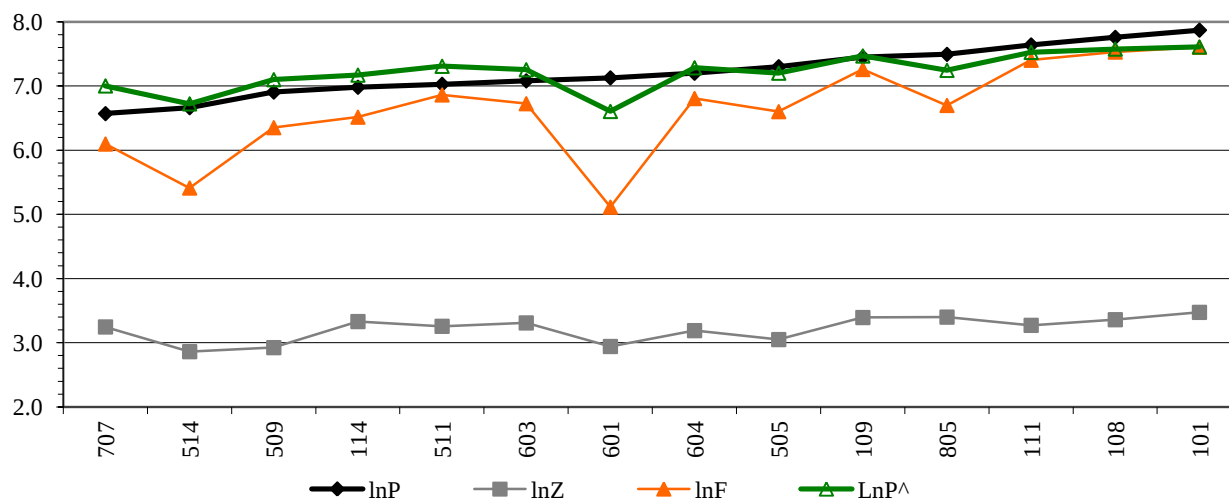

Рисунок 2– Логарифмы фактических и предсказанных значений производительности труда ($\ln P$, $\ln P^{\wedge}$), а также соответствующие значения логарифмов исследуемых факторов для регионов с посевными площадями от 1 до 2 млн. га

Результаты моделирования производительности труда в сельском хозяйстве регионов с посевными площадями свыше 2 млн. га, полученные с использованием описанной методики, кратко сводятся к следующему. Исходная модель, учитывающая данные по всем регионам, имеет вид:

$$\ln P^{\wedge} = 4,996 + 0,393 \ln F - 0,130 \ln Z, \quad R^2 = 0,38, \quad (11)$$

коэффициент при $\ln Z$ статистически незначим ($\alpha=0,72$), остальные высоко значимы ($\alpha<0,04$).

В Новосибирской области и Ставропольском крае фактические значения производительности труда в сельском хозяйстве ниже, чем рассчитанные по модели (11) на 4,5–3,5 %, соответственно, а в Саратовской области – выше на 3,3 %. Подобное несоответствие подтверждается также сопоставлением с обеспеченностью регионов рассматриваемыми видами ресурсов. После исключения отмеченных регионов и пересчета оценок коэффициентов уточненная регрессия примет вид:

$$\ln P^{\wedge} = 4,07 + 0,470 \ln F + 0,028 \ln Z, \quad R^2 = 0,77. \quad (12)$$

Как и в предыдущей модели, коэффициент при $\ln Z$ статистически незначим ($\alpha=0,92$), остальные коэффициенты и R^2 высоко значимы ($\alpha<0,01$), и соотношение между относительными приращениями производительности труда и рассматриваемых ресурсов для группы регионов с посевными площадями свыше 2 млн. га запишется в виде:

$$\mu \cong 0,470\mu_1 + 0,028\mu_2. \quad (13)$$

Наиболее существенная особенность полученных уточненных моделей состоит в том, что они выявили статистическую незначимость коэффициентов при $\ln Z$ (при стандартных уровнях значимости от 0,01 до 0,05). Это означает, что различия в заработной плате работников сельского хозяйства в регионах каждой из рассматриваемых групп столь невелики, что не оказывают существенного влияния на производительность труда. Иными словами, в рамках рассмотренных моделей производительность труда зависит исключительно от фондово-

оруженности. После исключения $\ln Z$ и пересчета коэффициентов модели (6, 9, 12) примут вид:

$$\ln P^{\wedge} = 4,565 + 0,372 \ln F, \quad R^2 = 0,74, \quad (6.1)$$

$$\ln P^{\wedge} = 3,551 + 0,551 \ln F, \quad R^2 = 0,84, \quad (9.1)$$

$$\ln P^{\wedge} = 4,118 + 0,477 \ln F, \quad R^2 = 0,80, \quad (12.1)$$

и формулы для расчета относительных приращений производительности труда по относительным приращениям фондовооруженности для трех рассмотренных групп регионов запишутся так:

$$\mu \cong 0,372 \mu_1, \quad (7.1)$$

$$\mu \cong 0,551 \mu_1, \quad (10.1)$$

$$\mu \cong 0,477 \mu_1. \quad (13.1)$$

Как видно, точность моделей после исключения $\ln Z$ со статистически незначимым коэффициентом практически не изменилась.

Из последних формул видно, что в зависимости от группы регионов увеличение производительности труда составит от 0,37 до 0,55 увеличения фондовооруженности, самое большое – во второй группе. При одном и том же относительном увеличении фондовооруженности производительность труда в сельском хозяйстве регионов второй группы увеличится в 1,48 раза больше, чем в первой группе, и в 1,16 раза больше, чем во второй. Это свидетельствует о более высокой реакции производительности труда на изменение фондовооруженности в группе регионов с посевными площадями от 1 до 2 млн. га в сопоставлении с другими группами.

Для оценки точности предложенной методики используем значения относительных приращений фондовооруженности и производительности труда в сельском хозяйстве России в целом в 2018 г в сопоставлении с 2017 годом, рассчитанные по материалам Российского статистического ежегодника в ценах 2018 г. [5]. Они составляют 0,081 и 0,025 соответственно¹. Подставляя $\mu_1 = 0,081$ в формулы (7.1, 10.1, 13.1), получим относительные приращения производительности труда в сельском хозяйстве соответственно для первой, второй и третьей групп регионов. Рассчитаем их средневзвешенное учетом численности групп значение (0,028), которое будет оценкой приведенного выше среднероссийского (0,025). Погрешность составляет 12%, что можно считать вполне приемлемым для обоснования изложенной методики.

Рассмотрим еще два характерных примера применения формул (7.1, 10.1, 13.1) в задачах, связанных с прогнозированием производительности труда в сельском хозяйстве регионов. Если, например, увеличить фондовооруженность сельского хозяйства в первой группе регионов на 10 %, во второй – на 8 % и в третьей на 5 %, то, как показывают расчеты, производительность труда возрастет, соответственно, в первой группе на 3,7 %, во второй - на 4,4 %, в третьей - на 2,4 %, а в среднем по всей рассмотренной выборке регионов – на 3,6 %. Для регионов, исключенных на более ранних этапах исследования (в табл. 1 они выделены курсивом), полученные расчетные значения следует скорректировать с учетом приведенных в статье их относительных отклонений от исходных моделей. Если требуется увеличить производительность труда во всех рассмотренных группах регионов на 10 %, то для этого в первой группе потребуется увеличить фондовооруженность примерно на 27 %, во второй - на 18 % и в третьей – на 21 %.

Заключение.

Таким образом, предложенная методика обоснована теоретически и подтверждена модельными расчетами. Она может быть рекомендована для оценки динамики производительности труда в зависимости от проектируемой динамики показателей фондовооруженности и начисленной заработной платы в сельском хозяйстве отдельных регионов, их групп и Российской Федерации в целом, а также для решения обратной задачи, связанной с расчетом

¹Рассчитано автором.

изменений рассматриваемых ресурсных факторов для достижения желаемой производительности труда.

Анализ полученных в работе моделей показал, что для повышения производительности труда необходимо устранить, как минимум, две причины системного характера. Первая связана с тем, что размер фактической заработной платы в сельском хозяйстве рассмотренных регионов не оказывает существенного влияния на рост производительности труда, и эту тенденцию следует изменить на основе более тесной увязки зарплаты с достигнутыми результатами. Вторая причина состоит в том, что в рассмотренных регионах уровень фондоотдачи находится примерно на одинаковом уровне или даже отрицательно коррелирует с производительностью труда. Отмеченные обстоятельства свидетельствуют об экстенсивности сельскохозяйственного производства. Для преодоления отмеченного недостатка следует, наряду с усилением зависимости заработной платы от достигнутого уровня производительности труда, проводить обновление основных фондов с использованием инновационных стратегий, связанных с увеличением их производительности. Актуальность последней рекомендации также связана с постоянным снижением фондоотдачи в сельскохозяйственном производстве России в целом с 2015 года со среднегодовым темпом 0,867².

Список литературы:

1. Кутенков Р.П. Математические модели и методика оценки динамики сельскохозяйственного производства с учетом оптимизации сочетаний значений ресурсных факторов // Региональные агросистемы: экономика и социология. – Саратов: ИАГП РАН. - 2020. – № 3. – С. 23-33
2. Клейнер Г.Б. Производственные функции: теория, методы, применение. – М.: ФИС, 1986. – 239 с.
3. Труд и занятость в России (информация по субъектам РФ), 2019: Стат. сб.: [Электронный ресурс] / Росстат. М., 2019. – URL: <http://www.gks.ru/>
4. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. Приложение (субъекты РФ). 2019: Стат. сб.: [Электронный ресурс] / Росстат. М., 2019.
5. Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. [Электронный ресурс] / Росстат. М., 2019.

²Рассчитано автором по материалам [5].

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА ИНВЕСТИЦИОННЫМИ РЕСУРСАМИ В УСЛОВИЯХ
ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ¹**

Ржевская М.Я., лаборант-исследователь, ИАГП РАН

Обобщены теоретические подходы к исследованию инвестиционных процессов на региональном уровне, подтвердившие необходимость совершенствования региональной инвестиционной политики и усиления ее стимулирующей роли в формировании новой технологической основы агропромышленного комплекса. На примере Приволжского федерального округа исследованы региональные особенности обеспеченности инвестициями в основной капитал сельского хозяйства с учетом специфики инновационных процессов. Осуществлена оценка мультипликационного эффекта инвестиций с использованием соответствующего индикатора. Проведен анализ уровня инновационной активности организаций различных видов деятельности; сделан вывод о недостаточном инвестировании инновационного развития сельскохозяйственного производства в регионах Приволжского федерального округа. Сформулированы предложения по совершенствованию государственной поддержки инвестирования в направлении прорывного сценария научно-технологического развития, что усилит мультипликационный эффект для производства и экспорта.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, инвестиционные ресурсы, сельское хозяйство, инновационное развитие, государственная поддержка, экспортно-ориентированный аграрный сектор.

**REGIONAL FEATURES OF INVESTMENT RESOURCE ENDOWMENT
IN AGRICULTURE IN THE CONTEXT OF INNOVATIVE
TRANSFORMATIONS**

Rzhevskaya M. Ya., laboratory researcher, IAgP RAS

The article summarizes theoretical approaches to the study of investment processes at the regional level, which confirmed the need to improve regional investment policy and strengthen its stimulating role in the formation of a new technological basis for the agro-industrial complex. On the example of the Volga Federal district, regional features of the provision of investments in fixed assets of agriculture are studied, taking into account the specifics of innovation processes. The multiplier effect of investments is estimated using the corresponding indicator. The analysis of the level of innovative activity of organizations of various types of activity is carried out; the conclusion is made about insufficient investment in the innovative development of agricultural production in the regions of the Volga Federal district. Proposals are formulated to improve state support for investment in the direction of a breakthrough scenario of scientific and technological development, which will increase the multiplier effect for production and export.

Key words: agro-industrial complex, investment resources, agriculture, innovative development, state support, export-oriented agricultural sector.

Введение.

Важным условием экономического роста и повышения конкурентоспособности в агропромышленном комплексе выступает активизация процесса привлечения инвестиций и усиления их мультипликативного эффекта для производства и экспорта. Теоретические объяснения мультипликации инвестиционного процесса как в статическом (теория Дж. М. Кейнса), так и в динамическом (теория экономического роста Р. Харрода, Е. Домара) состоянии национальной экономики могут использоваться в процессе анализа уровня достаточности и эффективности использования инвестиционных ресурсов в различных звеньях агропромышленного комплекса. Теория «трехфазного развития» Х. Ченери [1] связывает структурную перестройку экономики с процессом перераспределения инвестиций. Исследования под-

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00979 А

тверждают, что процессы структурных преобразований в настоящее время активно происходят в агропромышленном комплексе и отличаются существенными различиями в пространственной проекции, что актуализирует проблему изучения инвестиционных процессов на региональном уровне с целью обоснования эффективных стратегий развития.

Неравномерное развитие регионов и поляризация экономического пространства в работах Ф. Перру рассматривается как следствие различных способов распространения знаний, инноваций и инвестиций [2]. Применительно к российскому агропромышленному комплексу достаточно актуальны исследования взаимосвязи инновационных и инвестиционных процессов на региональном уровне, оценка и прогнозирование уровня инвестиций в научные исследования для выявления оптимального уровня инвестирования АПК российских регионов.

Российские ученые также отмечают в качестве перспективного направления исследований обоснование эффективных инвестиционных стратегий, направленных на повышение конкурентоспособности предприятий аграрного сектора и расширение экспортного потенциала с учетом имеющихся приоритетов [3]. Данная задача может быть решена при условии гармонизации федеральной и региональной агропродовольственной политики, подкрепленной отлаженными механизмами государственной поддержки инновационных процессов [4]. Вышеизложенное подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования региональной инвестиционной политики в направлении стимулирования приоритетных направлений развития агропромышленного комплекса в условиях его перехода на новую технологическую основу.

Цель исследования заключается в выявлении региональных особенностей инвестирования в сельское хозяйство с учетом специфики инновационных процессов, обосновании предложений по повышению эффективности использования инвестиционной поддержки, что особенно важно для формирования экспортно-ориентированного аграрного сектора.

Методика исследования.

В процессе исследования были использованы следующие методы:

- монографический и абстрактно-логический для исследования динамики инвестиционных процессов в сельском хозяйстве России;
- аналогий и сравнений для выявления эффективности использования инвестиций; анализа уровня инновационной активности и поддержки инвестиционной деятельности сельского хозяйства по регионам Приволжского федерального округа;
- расчетно-конструктивный для расчета показателей обеспеченности инвестициями в разрезе отдельных регионов РФ.

Результаты исследования.

Данная статья является логическим продолжением цикла работ, посвященных исследованию зарубежного опыта и тенденций инновационно-инвестиционного развития сельского хозяйства; оценке инновационно-инвестиционного развития региональных агросистем; выявлению факторов инвестиционной привлекательности сельского хозяйства; исследованию роли инвестиций в формировании экспортного потенциала агропродовольственного комплекса России [5–7].

Выбор Приволжского федерального округа и входящих в него регионов в качестве объекта исследования объясняется его существенным вкладом в формирование продовольственных ресурсов, а также довольно высокой обеспеченностью сельского хозяйства инвестиционными ресурсами. Распределение по федеральным округам инвестиций в основной капитал, направленных на развитие сельского хозяйства, представлено на рисунке 1.

Анализ статистической информации за 2015–2018 гг. показал, что в разрезе федеральных округов наблюдается значительная межрегиональная дифференциация по уровню обеспеченности инвестициями в основной капитал сельского хозяйства. Лидирующие позиции занимает Центральный федеральный округ, на долю которого в 2018 г. приходилось 43,6% общероссийского объема инвестиций в основной капитал по анализируемому виду деятельности. Приволжский федеральный округ находится на втором месте (17–18%). В разрезе регионов доля инвестиций в основной капитал сельского хозяйства в общем объеме инвестиций также характеризуется колебаниями.

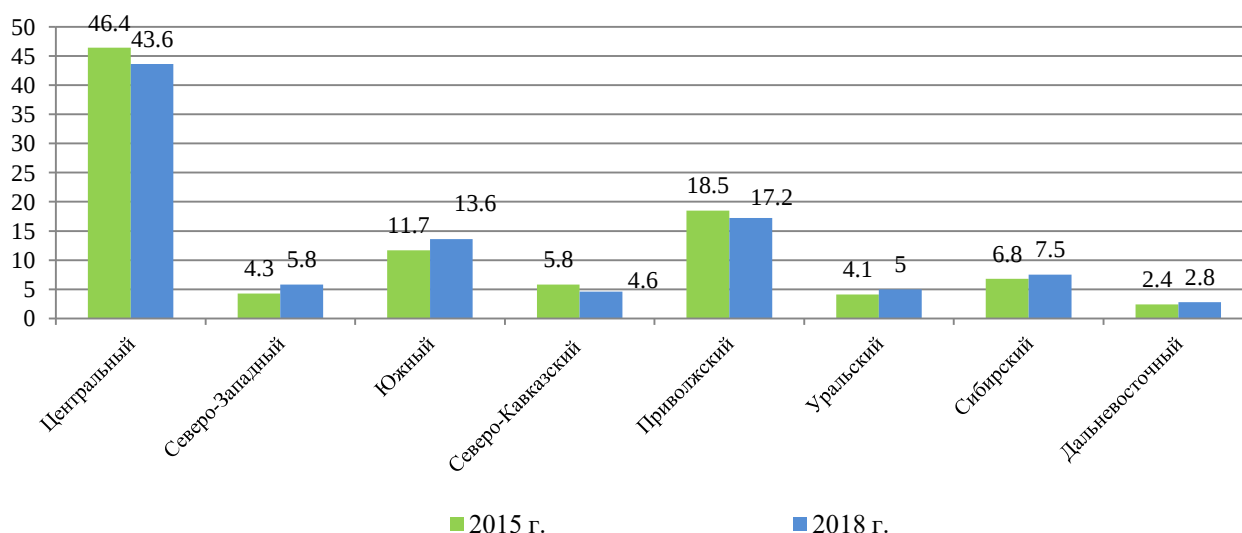

Рисунок 1 – Распределение инвестиций в основной капитал, направленных на развитие сельского хозяйства, по федеральным округам, %

Источник: рассчитано по данным Росстата [8, 9, 10].

Необходимо также отметить различия в структуре инвестиций в основной капитал по видам деятельности. В 2018 г. по виду деятельности «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» удельный вес инвестиций в основной капитал в общем объеме инвестиций колебался по федеральным округам от 0,9% (Уральский) до 10,8% (Северо-Кавказский). В Приволжском федеральном округе анализируемый показатель составил 4,7%, что было несколько выше среднего значения по России (3,6%). Более подробный анализ масштабов инвестирования в сельское хозяйство осуществлен по регионам Приволжского федерального округа (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика инвестиций в основной капитал по виду деятельности «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» в регионах Приволжского федерального округа в 2008–2018 гг.

Субъект РФ	Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство», млн руб.		Удельный вес инвестиций в основной капитал по виду деятельности «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство», %	
	2008 г. *	2018 г.	2008 г.	2018 г.
Республика Башкортостан	7116	5691,5	3,4	3,3
Республика Марий-Эл	1332	2328,1	6,3	13,9
Республика Мордовия	4972	7351,0	13,1	18,2
Республика Татарстан	11134	12050,3	4,7	3,3
Удмуртская Республика	3050	4119,2	6,1	7,0
Чувашская Республика	1119	1265,4	2,3	3,6
Пермский край	3557	2939,8	2,4	1,6
Кировская область	3639	6594,9	9,0	16,3
Нижегородская область	5458	8176,9	2,8	4,5
Оренбургская область	4429	3035,5	4,4	1,9
Пензенская область	4104	16351,1	7,4	33,2
Самарская область	1887	2787,5	1,3	1,3
Саратовская область	3338	4690,7	4,3	4,6
Ульяновская область	1908	1119,6	3,8	2,5

* – данные за 2008 г. представлены инвестициями в сельское хозяйство, охоту и лесное хозяйство.

Источник: оставлено по данным Росстата [8, 9, 10].

Наибольший рост инвестиций в рассматриваемый период наблюдался в Республике Марий-Эл (174,8%) и Кировской области (181,2%). На фоне этих регионов резко выделяется Пензенская область, где за десятилетний период произошел рост инвестиций почти в 4 раза

(398,4%). Только в 2018 г. в агропромышленный комплекс Пензенской области было вложено 14 млрд руб. инвестиций, благодаря чему регион занял в 2018 г. первое место в Приволжском федеральном округе [11].

В Республике Башкортостан, Пермском крае, Оренбургской и Ульяновской областях в 2008–2018 гг. произошло сокращение объема инвестирования в сельское хозяйство на 20–40%. Одновременно в этих регионах прослеживалась тенденция снижения удельного веса инвестиций в сельское хозяйство в общем объеме, что свидетельствует о происходящих структурных сдвигах в экономике вышеперечисленных регионов и о недостаточности инвестиционных ресурсов.

Для оценки вклада инвестиций в увеличение валовой продукции считаем целесообразным использовать мультипликатор инвестиций. Согласно теории Дж.М. Кейнса, мультипликатор – это коэффициент, отражающий отношение прироста национального дохода (валового выпуска) к приросту инвестиций, что характеризует экономический рост [12]. Данный методический подход можно применять по отношению к конкретным отраслям (видам деятельности), сопоставляя прирост валовой продукции и прирост инвестиций. Подобного рода расчеты получили отражение в исследовании ученых ИАГП РАН С.А. Андрющенко, М.Я. Васильченко. На основе показателей межотраслевого баланса и таблиц «затраты-выпуск», составленных международными экономическими организациями, был рассчитан мультипликатор инвестиций как отношение прироста валовой продукции к валовым вложениям в основной капитал по отдельным видам деятельности для России, Германии и Канады за 1995–2009 гг. Авторы обосновали необходимость использования мультипликатора инвестиций при анализе и прогнозе показателей ресурсоемкости продукции сельского хозяйства России, предлагая определять пороговое значение мультипликатора на основе точечного или интервального прогноза при выборе соответствующей аппроксимирующей функции [13]. Постепенное снижение ресурсоемкости производства за счет инвестирования разработок и внедрения ресурсосберегающих технологий должно быть приоритетным направлением государственной аграрной политики [14].

В нашем исследовании для анализа мультипликационного эффекта, наряду с абсолютными показателями валовой продукции и инвестиций, использовался индикатор, рассчитанный на базе сопоставления перечисленных показателей. Данные за 2018 г. по регионам Приволжского федерального округа визуализированы на рисунке 2.

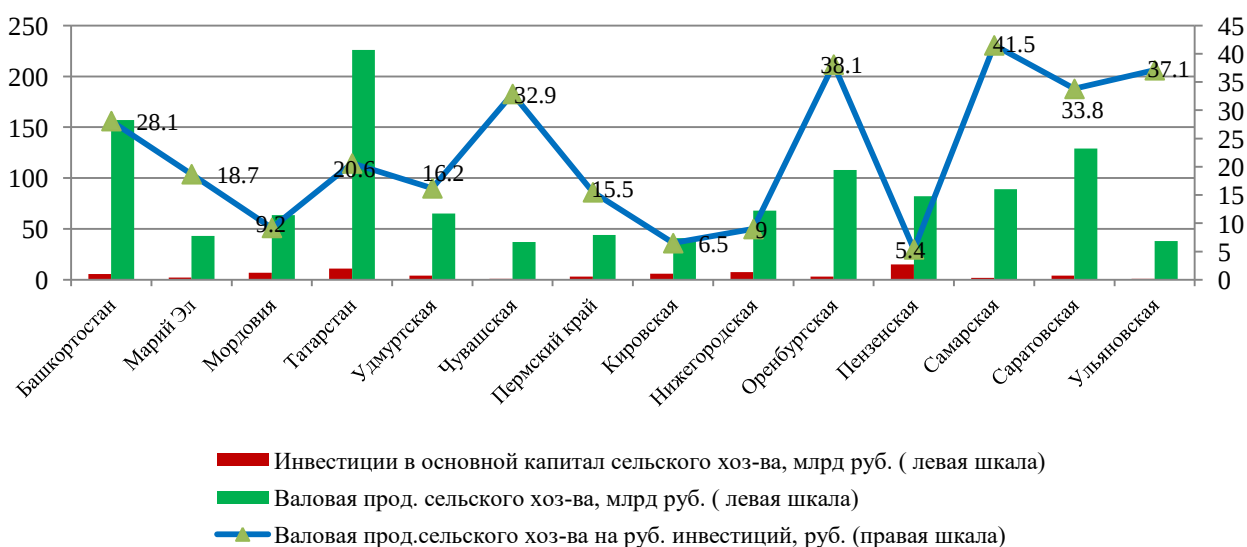

Рисунок 2 – Взаимосвязь между инвестициями в основной капитал сельского хозяйства и валовой продукцией сельского хозяйства в регионах Приволжского федерального округа (2018 г.)

Источник: рассчитано с использованием информации Минсельхоза [15]

Использование индикатора валовой продукции сельского хозяйства по отношению к объему инвестиций в основной капитал с определенной долей условности показывает мультипликационный эффект. В 2018 г. наиболее высокая отдача от инвестиций наблюдалась в Саратовской, Оренбургской и Самарской областях (33,8 руб., 38,1 и 41,5 руб. соответственно). По данным рейтинга инвестиционной привлекательности российских регионов за 2019 г., Самарская область имела высокий рейтинг третьего уровня, а Саратовская область – средний рейтинг третьего уровня. Результаты других рейтингов также подчеркивают привлекательность регионов для инвесторов: в рейтинге инвестиционной привлекательности российских регионов в АПК, составленном Россельхозбанком, Саратовская область занимает восьмое место, располагая существенным экспортным потенциалом. В рейтинге регионов по эффективности деятельности АПК, предложенным Институтом комплексных стратегических исследований, Самарская область занимает седьмое место, что также характеризует благоприятные условия для производства и инвестирования [16]. Согласно мнению аналитиков, в ближайшее время аграрный сектор сохранит свою инвестиционную привлекательность, хотя инвестиционная активность снижается, в том числе и по причине ухудшения экономической ситуации в стране, вызванной пандемией коронавируса. По оценке экспертов, объем инвестиций в основной капитал в сельском хозяйстве в 2020 г. сократится примерно на 10% [17]. Данные, приведенные в таблице 2, показывают постепенное снижение объемов государственной поддержки сельского хозяйства.

Таблица 2 – Объем государственной поддержки по программам развития сельского хозяйства в регионах Приволжского федерального округа, тыс. руб. [18]

Субъект РФ	Год					
	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Республика Башкортостан	5 737 349	5 123 255	4 778 740	5 067 512	4 448 270	4 366 655
Республика Марий-Эл	1 166 443	2 258 281	2 281 997	1 384 224	1 460 159	1 032 966
Республика Мордовия	2 714 601	1 712 499	1 932 508	1 917 978	1 707 051	1 694 436
Республика Татарстан	12 306 513	10 764 359	13 641 993	11 662 376	11 034 320	10 009 994
Удмуртская Республика	2 765 095	1 911 348	1 995 242	2 423 259	1 786 422	1 763 856
Чувашская Республика	1 217 116	1 041 320	1 234 099	1 096 116	1 265 888	1 422 333
Пермский край	2 287 254	2 454 709	2 058 614	2 070 181	2 516 900	2 293 326
Кировская область	2 971 604	2 354 164	2 263 767	1 921 134	1 801 786	1 532 708
Нижегородская область	4 272 328	3 967 901	2 979 583	2 747 633	2 709 212	2 804 223
Оренбургская область	3 140 242	2 586 268	3 758 952	2 446 960	1 628 676	2 272 683
Пензенская область	2 408 965	2 512 985	2 268 280	2 711 702	2 022 196	2 259 101
Самарская область	3 042 009	2 692 688	2 809 663	2 166 789	1 810 850	2 053 068
Саратовская область	1 956 064	1 650 020	2 011 082	1 276 593	1 674 876	1 577 764
Ульяновская область	1 073 170	687 619	780 071	706 701	500 218	547 067

Наибольшее сокращение объемов государственной поддержки из бюджетов всех уровней в 2018 г. по отношению к 2013 г. произошло в Ульяновской области (51%); Кировской области (51,6%) и Республике Мордовия (62,4%). Недостаток инвестиций имеет следствием низкую инновационную активность, для характеристики которой в разрезе отдельных видов деятельности в работе использовался показатель «удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации».

По данным таблицы 3 видно, что разработкой и внедрением технологических инноваций в зерновое производство и молочное скотоводство в 2018 г. занимались организации всех регионов Приволжского федерального округа. Однако в большинстве регионов удельный вес организаций, осуществляющих затраты на инновации, был очень низким. Особенно это заметно в зерновом производстве, где в 11 из 14 регионов анализируемый показатель приближался к нулевому уровню. Исключение составила Республика Татарстан (20% организаций). В молочном скотоводстве 6 из 14 регионов приблизились к нулевому уровню, а лидирующие позиции заняла Ульяновская область (12,5%). В свиноводстве инновационная активность наблюдалась лишь в Республике Мордовия (16,7%) и Республике Татарстан (33,0%). Технологические инновации в птицеводстве осуществляли организации Республики

Башкортостан (16,7%); Республики Мордовия (60%); Удмуртской Республики (33%), а также Пермского края (20%) и Нижегородской области (12,5%).

Таблица 3 – Инновационная активность организаций сельского хозяйства регионов Приволжского федерального округа в 2018 г. [19]

Субъект РФ	Удельный вес организаций, осуществляющих затраты на технологические инновации, %			
	выращивание зерновых (кроме риса), зернобобовых культур и семян масличных культур	разведение молочного крупного рогатого скота, производство сырого молока	разведение свиней	разведение сельскохозяйственной птицы
Республика Башкортостан	0,01	3,4	0	16,7
Республика Марий-Эл	0,01	0,01	0	0
Республика Мордовия	0,01	0,01	16,7	60
Республика Татарстан	20	7,3	33,0	0
Удмуртская Республика	0,01	0,01	0	33
Чувашская Республика	0,01	0,01	0	0
Пермский край	0,01	1,8	0	20
Кировская область	0,01	4,4	0	0
Нижегородская область	0,01	2,2	0	12,5
Оренбургская область	0,01	0,01	0	0
Пензенская область	4,3	8,3	0	25
Самарская область	1,7	6,7	0	0
Саратовская область	0,01	0,01	0	0
Ульяновская область	0,01	12,5	0	0

Следует отметить постепенную трансформацию стратегии инвестирования в направлении прорывного сценария научно-технологического развития, направленного на формирование экспортно-ориентированного сегмента агропромышленного комплекса. Актуальная несколько лет назад так называемая «мобилизационная» стратегия мясной отрасли, ориентированная преимущественно на крупный бизнес, постепенно утрачивает свое значение вследствие насыщения внутреннего рынка продукцией свиноводства и птицеводства. Мультипликационный эффект инвестиций для производства и экспорта может возрасти в случае широкого использования такой формы государственной поддержки как возмещение части капитальных затрат по экспортно-ориентированным проектам, а также создания условий для привлечения частного бизнеса к финансированию крупных проектов (например, предоставление льгот компаниям-инвесторам; заключение соглашений о защите и поощрении капиталовложений государства с крупными инвесторами в рамках проектного инвестиционного режима), что будет способствовать росту инновационной активности и диверсификации экспорта.

Заключение.

Обобщены теоретические подходы российских и зарубежных ученых к исследованию инвестиционных процессов на региональном уровне, подтвердившие необходимость совершенствования региональной инвестиционной политики в направлении формирования новой технологической основы агропромышленного комплекса.

На примере Приволжского федерального округа исследованы региональные особенности обеспеченности инвестициями в основной капитал сельского хозяйства; осуществлена оценка мультипликационного эффекта инвестиций с использованием соответствующего индикатора.

Проведенный анализ уровня инновационной активности организаций различных видов деятельности с использованием показателя «Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации» подтвердил недостаточность инвестиций для инновационного развития сельскохозяйственного производства в регионах Приволжского федерального округа, особенно в производстве зерна. Очаговая региональная инновационная активность в свиноводстве и птицеводстве может быть следствием перенасыщенности соответствующих рынков мяса и слабой мотивации организацией к внедрению проектов с длительным сроком

окупаемости вследствие ухудшения экономической ситуации в стране.

Сформулированы предложения по совершенствованию государственной поддержки инвестирования в направлении прорывного сценария научно-технологического развития, что усилит мультипликационный эффект для производства и экспорта. Отмечена необходимость государственной поддержки инвестиций в форме возмещения части капитальных затрат по экспортно-ориентированным проектам, а также создания условий для привлечения частного бизнеса к финансированию крупных проектов.

Список литературы:

1. Chenery H.B. The structuralist approach to development policy // American association Papers and Proceedings. – 1975. – No 65. – P. 310–316.
2. Perroux F. L'Europe sans rivages. – Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 1954. – 859 p.
3. Строева О.А. Инвестиционно-инновационная стратегия перехода региональной экономической системы в режим устойчивого экономического роста // Вестник Орел ГИЭТ. – 2010. – No 1(11). – С. 101–106.
4. Санду И., Крутиков В. Гармонизация региональной и федеральной политики в условиях внешнеэкономических вызовов // Экономика сельского хозяйства России. – 2019. – No 5. – С. 11–16.
5. Vasilchenko M., Sandu I. Innovative-investment development of agriculture in the conditions of formation of the export-oriented economic sector: system approach // Scientific Papers Series “Management, economic engineering in agriculture and rural development“. – Vol. 20. – Is. 1/2020. – Copyright 2020. – P. 599–612. – URL: http://managementjournal.usamv.ro/pdf/vol.20_1/volume_20_1_2020.pdf
6. Васильченко М.Я., Дерунова Е.А. Зарубежный опыт и тенденции инновационно-инвестиционного развития сельского хозяйства // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2020. – No 4 (83). – С. 162–173.
7. Потапов А.П. Формирование экспортного потенциала агропродовольственного комплекса в системе приоритетов экономической политики России // Экономические науки. – 2020. – No 5 (186). – С. 98–103.
8. Регионы России: Социально-экономические показатели 2009: Стат.сб. / Росстат. – М., 2009. – 990 с.
9. Регионы России: Социально-экономические показатели 2016: Стат.сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.
10. Регионы России: Социально-экономические показатели 2018: Стат.сб./ Росстат. – М., 2019. – 1204 с.
11. В аграрный комплекс Пензенской области инвестировано 14 млрд рублей. – URL: <https://agrovesti.net/news/indst/v-agrarnyj-kompleks-penzenskoj-oblasti-investirovano-14-mlrd-rublej.html>
12. Keynes John M. The general theory of employment, interest and money // The collected writings of John Maynard Keynes. – Cambridge University Press, 2012. – Vol. VII. – 428 p.
13. Андрющенко С.А., Васильченко М.Я. Методология межотраслевого баланса в стратегическом управлении производственным потенциалом агропромышленного комплекса России // Аграрный научный журнал. – 2015. – No 8. – С. 68–74.
14. Потапов А.П. Оценка динамики затрат ресурсов и ресурсоемкости аграрного производства России // Аграрный научный журнал. – 2018. – No 5. – С. 85–90.
15. Агропромышленный комплекс России в 2018 году: Стат.сб. – М., 2019. – 555 с.
16. Литвинова Е. Россельхозбанк составил рейтинг инвестиционной привлекательности регионов в АПК // Агроинвестор, 21 августа 2020. – URL: <https://www.agroinvestor.ru/rating/news/34253-rosselkhozbank-sostavil-reyting-investitsionnoy-privlekatelnosti-regionov-v-apk/>

17. Кулистикова Т. Инвестиции на паузе. Участники агрорынка стали осторожнее с вложениями из-за усиления волатильности в экономике // Агроинвестор, 3 сентября 2020. – URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/34311-investitsii-na-pauze-uchastniki-agrorynka-stali-ostorozhnee-s-vlozheniyami-iz-za-usileniya-volatilno/>

18. Объем средств государственной поддержки в рамках программ и мероприятий по развитию сельского хозяйства. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/42373>

19. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе обследованных организаций с 2017 года. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58765>

**ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЖИЗНЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕЛА:
ГЕНЕЗИС, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

Великий П.П., д.филос.н., ИАГП РАН

В статье рассмотрена специфика среды обитания сельских жителей в контексте доступности занятости, социокультурных условий, репродукции основных компонентов жизненного пространства села. Теоретико-методологической основой послужила социология жизни и взаимосвязанный анализ экономических и социокультурных аспектов жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: жизненное пространство, хозяйственные уклады, население, занятость, семейное подворье, агрохолдинги, фермеры, угрозы.

**CONTRADICTIONS IN THE LIVING SPACE OF THE VILLAGE:
GENESIS, PRESENT, FUTURE**

Velikiy P.P., doctor of philosophical sciences, IAgP RAS

The article examines the specifics of the environment of rural residents in the context of the availability of employment, socio-cultural conditions, and reproduction of the main components of the living space of the village. The theoretical and methodological basis was the sociology of life, as well as the interrelated analysis of the economic and socio-cultural aspects of human life.

Key words: living space, economic structures, population, employment, family backyard, agricultural holdings, farmers, threats.

Введение.

В научном и публичном дискурсе сложилось две версии оценки положения современной деревни: одна с восхищением констатирует успехи АПК и умалчивает о распаде и деформации поселенческой и демографической структуры села. Другая, наоборот, оценивая социальные ресурсы села в комплексе, крайне пессимистично рассматривает будущее и деревни, и сельскохозяйственного производства. Различны и предложения исправления ситуации: от создания в деревне объектов туризма, второго дома горожан до добровольного переселения тех категорий жителей городов, которые могут работать в режиме дистанционной занятости. Пробел в осмыслении проблем деревни заключается в том, что все больше нарастает убежденность, что нынешняя деревня может вообще не иметь никакого отношения к аграрному сектору. Если к 2016 году из 130 тыс. сельских населённых пунктов только в 45 тыс. люди получали ту или иную медицинскую помощь, а к самолечению прибегали 68,4% сельчан, то легко прийти к выводу, что существуют две независимые друг от друга плоскости сельской реальности. Оценивая такую ситуацию с позиции гуманизма, невозможно признать её правомерность для сельского социума и для будущего агросферы.

Целью работы является расширение рамок осмысления социохозяйственных структур, функционирующих на сельских территориях, на основе решения следующих задач: 1) выявление зависимостей стабильности жизнеустройства семей от способов встраивания их в формы хозяйствования; 2) анализ актуальных проблем репродукции сельского жизненного пространства.

Материалы и методы исследования. Использованы труды по теории диалектики противоречий, эмпирические данные авторских полевых исследований в регионах Поволжья, а также вторичный анализ работ, опубликованных в научных изданиях. Проведен анализ литературных источников и осуществлена социологическая интерпретация фактов колхозной и современной сельской реальности.

Основные результаты.

Важные исторические события и перемены в жизни общества, как и реализация инноваций индивидуальными и коллективными акторами, взятыми в локальном измерении, начинают свой путь с осмысления ответов на традиционные вопросы. Опираясь на домини-

рующую в научных исследованиях иерархию факторов, вопросы выстраиваются чаще всего в следующем порядке:

- почему? (причина возникновения);
- кто? (участники);
- как? (механизмы реализации);
- когда? (условия возникновения).

Попытаемся ответить на эти вопросы. Причиной возникновения проблемы деградации деревни является, с одной стороны, стремление её жителей к качеству жизни, недоступному в сельской местности, с другой – разрушительная минимизация того управленческого воздействия, к которому адаптировались несколько поколений. Это воздействие в советские годы было жестким, с игнорированием принципов справедливости, не допускающим несанкционированных сверху инициатив в какой бы ни было сфере: в производстве, обмене материальными благами, неформальном общении.

В предреформенные 1983 – 1989 годы влияние государства на село и сельское хозяйство ослабло, создав простор для механизма противоправного, но безопасного для колхозников перетока ресурсов колхозов в ЛПХ. Далее произошел слом как структуры отношений в ЛПХ, так и материальной базы хозяйств, которая перешла в руки людей, составляющих небольшую долю сельских сообществ. Состав и направленность преобразованных социальных ресурсов стали различны, соответственно, и анализ их должен учитывать генезис и пути их динамики в контексте общих изменений в обществе. Не менее важно выделение изменений, вызванных внутренними и внешними предпосылками. Впрочем, предпосылки по этому признаку нередко трудно различить. Так, тенденция мобильности сельского населения является следствием не только изъянов отношения власти к крестьянству, но и самодвижения к жизнеустройству иного типа, отличного от сельского [1]. Прежде всего, стремлением сменить сельский образ жизни на городской всегда отличались молодежные возрастные группы: призыв «вдали музыка и огни» наполнялся в сознании необъятным перечнем благ, которых не может быть в деревне.

Вместе с тем, в условиях колхозного жизнеустройства сельской среды существовали ещё и специфические проблемы: нестыковки между трудовыми практиками и их вознаграждением (низкая оплата, predetermined количество дней, подлежащих отработке и т.д.), запрет на свободную мобильность, непомерные налоги – все эти моменты накапливали противоречия, которые не могли не заявить о себе в виде вызовов для всего общества. Большой удельный вес сельского населения и его более расширенное воспроизводство по сравнению с городами все годы (вплоть до аграрной реформы начала 1990-го года XX века) создавали иллюзию неисчерпаемости человеческих ресурсов села и даже обеспокоенности излишка их при наступлении очередного производственного уклада. Однако очевидно и то, что НТП в сельскохозяйственном производстве идет медленными темпами и очень неравномерно. Его «много» в агрохолдингах и крупных ООО, но мало или почти нет у мелких и средних фермеров и в семейных хозяйствах (подворьях).

Это одна сторона формирования социально-экономических противоречий, связанных со сферами занятости, профессиональными компетенциями, укоренением в сёлах молодежи и лиц экономически активного возраста. Другая сторона связана с внутренним пространством жизни сельской семьи, которая воспринимала и адаптировала под своё миропонимание целеполагание и практические достижения в коммуникационно-информационной, технико-технологической и социально-политической областях общества. Информационная компетентность возрастала и расширялась, приобретая при этом автономный (присущий избирательно индивиду) характер, и слабо коррелировала со стандартными официальными оценками. Главное противоречие сложилось между извечным стремлением людей к повышению качества жизни и реальными возможностями его реализации. Столкновение противоположных сторон в колхозной реальности имеет длительную историю сближения и расхождения в материальном благополучии, статусной дифференциации, желанных перспективах будущего.

От 30-х до начала 60-х годов XX века, когда мобильность была резко ограничена паспортным режимом, высшей мечтой колхозной семьи было видеть дочь работающей в конторе или в другом «чистом» месте - учительницей или экономистом, а сына - агрономом, инженером, зоотехником. Удельный вес семей, реализовавших такую мечту в сельском сообществе, был невелик. Однако в последующие годы сельская молодёжь активно осваивала профессии и рабочие специальности индустрии, строительства, урбанизированной социальной сферы, командного состава армии. Эта тенденция продолжалась и после слома колхозного порядка жизнеустройства сельских территорий, заметна она и сегодня. Однако производственная и социальная инфраструктура в деревнях длительное время сокращалась, а во многих сельских населенных пунктах исчезла совсем. В составе сельских территорий ежегодно исчезает три деревни, при этом спасать поселение, в котором живут люди преклонного возраста, по мнению органов региональной власти, экономически нецелесообразно, равно как и развивать там сельскохозяйственное производство.

По удачному выражению Г.В. Плеханова, между «сознанием и поведением лежит бездна смысла». Сама социальная реальность выступает и как бытие, и как смысл. Основным атрибутом смысла является совокупность целей – принципов, которые выступают своеобразным компасом, как в постановке целей жизнедеятельности, так в выборе средств их достижения [2]. Крестьянство во все времена колхозной реальности отличалось неприязнительностью к условиям труда, быта, ограниченными возможностями территориальной мобильности. Первый колёсный трактор (как и прицепная техника к нему) выпускались с металлическим сиденьем без какого-то ни было покрытия или амортизационных устройств, смягчающих тряску. На фермах, зернотоках, овощеводстве господствовал ручной труд. Образ неприязнительности крестьян вошел в смыслы и всех структур, начиная с властных, ответственных за деревню, что постоянно ограничивало масштабы социальных проектов, осуществляемых в сельских территориях.

Функционирование и развитие сельской жизненной среды зависят от видения проблем у тех, кто распределяет средства поддержки различных сфер села, поэтому качество информации, подлежащей осмыслению, занимает одно из важных мест в процессе её созидания. В этой связи следует обратить внимание на феномен коммуникации, сконструированный такими элементами, как сообщение, информация и понимание, каждый из которых нагружен неравновесными значениями. Какой бы смысл не вкладывается в сообщение, принимающая инстанция выделяет из него информацию по своему усмотрению, с позиции того, зачем это говорится, насколько в сообщении скрыты реальные или мнимые проблемы. В одних случаях, на это влияет полнота сообщений, в других - подход к извлечению информации, в третьих – избрание концептов осмысления с разных позиций: рациональности, норм морали, права или политических приоритетов. Эти положения ярко проявились в практиках постсоветского функционирования российского агропродовольственного комплекса, который проходил стадию подготовки к вступлению в ВТО. Производственники с мест и аграрная наука заполнили медийное пространство сведениями о неизбежности провалов в отечественном сельском хозяйстве в связи с членством в ВТО, а госслужащие, готовящие проекты вступления в ВТО, не находили в них «достойной» информации для адекватной оценки последствий.

Обращение к смыслам с позиции их упреждающей роли в формировании социальных процессов, которые могут приобретать разное содержание и направленность, проявилось и в философии аграрной реформы. У либерально мыслящих реформаторов не существовало иной модели, кроме распространения фермерства, опыт которого в России был, но в исторически далекий период.

Разнообразие формальных структур хозяйствования (корпоративно-долевых, частных, кооперативных и семейных) доктринально и практически доказавшее их целесообразность для успешной реализации экономических и социальных целей в условиях российской реальности отягощено множеством противоречий. Относительно благополучны крупные акционерные общества, агрохолдинги и фермеры, имеющие большие земельные угодья. Это де-

монстрируют и хозяйства корпоративно – долевых укладов Саратовской области. Примером позитивного жизнеустройства является ООО «Степное» Калининского района.

Тенденция выхода на новый технологический уровень эффективного производства диктует руководству хозяйства совершенно иные требования и к технике, и к профессионализму обслуживающих ее людей, и к поддержке социального благополучия жителей поселения, в том числе не занятых в ООО. Полная укомплектованность хозяйства современной передовой техникой, в основном иностранного производства, позволяет работать более производительно и создает благоприятный режим работы в одну смену. Кроме экономичности, экологичности и надежности особо отмечается удобство современной техники. Физический комфорт (хорошая шумоизоляция и отсутствие пыли) влияют на общий эмоциональный фон. *«Я на работу скоро буду ходить в белой рубашке» (механизатор)*. Позитивное настроение отражается и на высоком моральном климате и работающих, и членов их семей.

Сравнивая доход наемных работников организаций крупной формы (фермерской и корпоративно-доловой), можно сделать вывод о том, что их величины сопоставимы. Успех каждого зависит от высоких профессиональных качеств и личных характеристик работников, при этом в корпоративно-доловом укладе помощь и поддержка транслируется большему числу, создавая атмосферу устойчивости. Человек чувствует себя более защищенным. Однако многие «некрепкие», только обретающие производственный потенциал, фермеры, как субъекты хозяйствования, остаются на низшем уровне своего этического роста, так как заботятся, прежде всего, о выживании. Для них экономическая составляющая является стартовой основной дальнейшего благополучия.

По этой причине, как и из-за ограниченности других мест трудоустройства на селе, большая часть сельского социума не включена в формальные организации АПК, что обуславливает противоречия в жизненном пространстве села и включает множество структурных компонентов личной (приватной) и общественной (публичной) жизни: дом и подворье, поселение обитания и территория, производственная, социальная и культурно-досуговая инфраструктура, соседи, друзья и родственники. Одни компоненты из этого набора занимают эпизодический характер (включенность в деятельность культурно-досуговых учреждений), другие – относительно повторяющиеся (посещение, празднование семейных событий родственников и друзей), третьи – носят системный характер: труд на сельскохозяйственном предприятии или у фермера, а так же на своём подворье независимо от того загружен человек в формальном секторе АПК или нет. Подворье, чем оно разнообразнее по специализации и крупнее, тем больше оно требует постоянного внимания и озабоченности.

В этой связи наличие термина "подсобное" в аббревиатуре ЛПХ, которое и сегодня используется в повседневном общении и официальных источниках, метафора концепта колхозной реальности раннего социализма. У идеологов колхозного бытия крестьянина личное подсобное хозяйство было институтом второстепенным, ибо все блага должен давать колхоз. Однако с самого начала реальной жизни оно стало институтом выживания, нередко единственным. В некоторые периоды колхозного порядка в сельском хозяйстве ЛПХ, как функция самозащиты от посягательств государства, то усиливалась, то ослабевала. На наш взгляд, после проведения аграрной реформы начала 90-х годов XX века большинство сельских семей (включая интеллигенцию села) своё выживание снова было вынуждено связать с ЛПХ. Этот наиболее доступный, пройденный многими поколениями сельских жителей институт, не просто оживился, но и стал "антиподом" формальных укладов (корпоративно-доловых и частных). Дело не только в том, что в организациях этих укладов далеко не всем трудоспособным досталось рабочее место (которое к тому-же было и остаётся самым низкооплачиваемым), но ещё и потому, что свобода от жесткого режима занятости в формальном секторе оказалась привлекательным моментом. Поэтому некоторая доля семей сознательно прекратила трудовые отношения с крупхозами. Этот образ жизни многие жители села ценят выше, чем нормированную работу в формальном секторе АПК, однако, кто-нибудь из членов семьи всегда остается в составе персонала сельскохозяйственных предприятий, поскольку это предполагает льготный доступ к приобретению фуража для животных своего хозяйства. В

целом можно сказать, что на сегодняшний день сложилась единая по смыслам жизнедеятельности группа, ориентированная на обеспечение хорошего уровня жизни за счет собственной хозяйственной самостоятельности.

Заключение.

В современных условиях доминирующим противоречием в жизненном пространстве села остаётся несостоятельность всех его элементов предоставить сельским жителям эквивалентный городскому перечень благ и ценностей, которые население, как правило, надеется получить не столько для себя, сколько для своих детей. Эти мировоззренческие установки определяются сущностными силами человека, стремлением к совершенствованию условий существования его как *homo sapiens*, и если эти условия ограничивают возможности реализации потребностей высшего уровня, то компенсацией существующих ограничений может стать их замещение какими-то неординарными благами. Никаких компенсационных мер крестьянство никогда не знало, поэтому предложения в дискурсах акторов разного уровня об укоренении жителей в сельской местности не более чем идеологема, ибо создать подлинно компенсационный механизм благополучной жизни в деревне по многим причинам очень трудно, хотя попытки предпринимались. Так, в 70-х годах XX века осуществлялась целевая компания по совершенствованию системы расселения, получившая название «сселение неперспективных деревень». Организаторы её доказывали целесообразность переселения жителей мелких деревень в крупные сёла с перспективой улучшения всех сторон жизни людей – от приближения к местам базирования техники и её обслуживания до бытовых удобств. Всё выглядело убедительно, хотя сельские жители были ориентированы на большее, и многие из них выбирали другой вариант - мигрировать за пределы сельских территорий. Их самоуправство встревожило руководителей колхозов и те, кто согласился на переезд, получили помощь в обустройстве на новом месте. Репродукция этого типа сельских жителей продолжается и сегодня, и она может быть тем успешнее, чем полнее жизненная среда села отвечает потребностям обеспечения их благополучия.

Список литературы:

1. Великий П.П. Повседневность Российского села в начале XXI века. [монография], под ред. Ю.С.Воронова. – Саратов: Саратовский источник, 2020.
2. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа): Тощенко (ред.) 2016 – Тощенко Ж.Т. (ред.). Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа). М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016.

**РЕЗЕРВЫ И ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО
РАЗВИТИЯ СОЦИО-ПРИРОДНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
АПК И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ**

Семенов С.Н., д.э.н., Рубцова В.Н., д.э.н.,
Алиева Д.М., лаборант-исследователь, ИАГП РАН

Рассмотрены основные аспекты теории проблемно-ориентированной системы управления резервами и факторами устойчивого и конкурентоспособного развития социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий. Обосновано место и роль сельских территорий в проектах управления резервами устойчивого развития социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий, разработана классификация основных элементов резервов как объектов управления. Установлена связь системы рассматриваемых резервов с агропродовольственной политикой. Предложена модель механизма стратегического управления резервами и факторами устойчивого и конкурентоспособного развития социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий.

Ключевые слова: резервы и факторы, устойчивое конкурентоспособное развитие, социо-природно-экономическое пространство, АПК, сельские территории, проблемно ориентированное пространственное управление, агропромышленная политика, интеграция.

**RESERVES AND FACTORS OF SUSTAINABLE AND COMPETITIVE
DEVELOPMENT OF SOCIO-NATURAL-ECONOMIC SPACE
OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX AND RURAL TERRITORIES**

Semenov S.N., doctor of economic sciences, Rubtsova V.N., doctor of economic sciences,
Alieva D.M., laboratory researcher, IAGP RAS

The main aspects of the theory of a problem-oriented system of management of reserves and factors of sustainable and competitive development of the socio-natural-economic space of the agro-industrial complex and rural areas are considered. The place and role of rural areas in projects for managing the reserves of sustainable development of the socio-natural-economic space of the agro-industrial complex and rural areas has been substantiated, a classification of the main elements of the reserves of sustainable development as objects of management has been developed. The connection of the system of the considered reserves with the agro-industrial policy is established. A model of the mechanism of strategic management of reserves and factors of sustainable and competitive development of the socio-natural-economic space of the agro-industrial complex and rural areas is proposed.

Key words: reserves and factors, sustainable competitive development, socio-socio-natural-economic space, agro-industrial complex, rural areas, problem-oriented spatial management, agro-industrial policy, integration.

Введение.

Необходимость обеспечения продовольственной безопасности России в условиях глобальной конкурентной среды актуализирует решение проблемы устойчивого развития агропродовольственного комплекса и сельских территорий (СПЭП АПК и СТ). Несмотря на то, что в отечественной науке практически сформировалось новое направление, посвященное пространственному устойчивому развитию АПК, проблема устойчивого развития агроэкономики, АПК и сельских территорий России, ее социо-природно-экономического пространства - далека от разрешения. За годы проведения реформ не удалось сформировать условия для конкурентоспособного устойчивого пространственного развития АПК и сельских территорий, не преодолены кризисные явления практически во всех сферах АПК и сельских территорий.

В современных условиях процессы управления устойчивым развитием социо- природно-экономического пространства АПК и сельских территорий должны носить системный и комплексный характер, обеспечивать эффективное межотраслевое использование резервов, факторов и ресурсов. Особую значимость должно приобрести решение проблем пространственного развития и размещения производительных сил АПК и сельских территорий, формирования проблемно-ориентированного управления устойчивым и конкурентоспособным развитием социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий на основе выявления новых резервов эффективности.

Многие вопросы межотраслевого управления резервами устойчивого и конкурентоспособного развития социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий остаются до настоящего времени нерешенными, существует неопределенность в вопросах о сущности терминов «устойчивость» и «развитие», недостаточно полно обоснованы методические подходы к разработке стратегии устойчивого развития сельских территорий и системы управления резервами повышения эффективности ее функционирования. Как показывают теория и практика, значимость этих проблем требует дальнейшего углубленного изучения всех ее аспектов.

Целью предпринятого исследования является углубленное научное обоснование теоретических и методологических основ управления резервами и факторами устойчивого и конкурентоспособного развития СПЭП АПК и СТ, разработка методики исследования и применения механизма проблемно-ориентированного управления резервами и факторами устойчивого и конкурентоспособного развития социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий в условиях глобальной конкурентной среды на продовольственном рынке.

В соответствии с целью поставлены следующие задачи:

- анализ теоретических основ и разработка методологических и методических подходов к исследованию резервов и факторов обеспечения устойчивого и конкурентоспособного развития СПЭП АПК и СТ;
- разработка классификации основных элементов системы резервов устойчивого и конкурентоспособного развития для формирования государственной агропродовольственной политики;
- разработка модели механизма управления резервами устойчивого и конкурентоспособного развития социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий.

Методологической основой исследования послужили теоретические положения, составляющие основу проблемно-ориентированного управления процессами выявления и использования резервов и факторов устойчивого и конкурентоспособного развития социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий.

Результаты исследования.

В современных условиях способность природных ресурсов сельских территорий РФ самостоятельно восстанавливаться и обеспечивать полноценное социально-экономическое развитие сельского населения оказывается не безграничной. Об этом свидетельствует обострение борьбы за ресурсы села, существенное расслоение сельского населения по его доходам, увеличение масштабов нищеты сельского населения, частичная потеря управляемости развитием социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий. В результате российское село столкнулось с беспрецедентной проблемой, связанной с необходимостью формирования новой модели развития, противостоящей глобальным социальным, экономическим и экологическим вызовам и угрозам.

Методологические основы управления устойчивым конкурентоспособным развитием страны были заложены в следующих документах.

1. Российская Федерация в составе 179 государств на конференции в Рио-де-Жанейро (1992 г.) подписала ряд программных документов, определяющих политику стран мира по обеспечению устойчивого развития.

2. В 1994 год Указом Президента РФ (№ 236) были утверждены «Основные положения государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития», а в 1996 году (Указ №440) «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию».

Концепция перехода РФ к устойчивому развитию предусматривала сбалансированное решение задач сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей ныне живущих и будущих поколений российского населения.

3. В 1998 году Государственной Думой была утверждена «Новая парадигма развития России в XXI веке» [1].

4. В 2000 году в Государственной Думе РФ состоялись Парламентские чтения, посвященные формированию стратегии устойчивого развития России. В заключительной части Парламентских чтений содержались рекомендации, направленные в адрес Российской Академии наук. Они обосновывали приоритетность научных исследований РАН в области решения проблемы устойчивого развития страны и устанавливали принципы организации научно-исследовательской работы [2].

5. В 2002 году были опубликованы «Основные положения стратегии устойчивого развития России», разработанные Комиссией Государственной Думы РФ по проблемам устойчивого развития под руководством академиков РАН М.Ч. Залиханова и В.М. Матросова [3].

В стратегии был впервые выделен раздел «Политика в области развития агропромышленного комплекса», содержание которого было направлено на реализацию мер по максимальному использованию агроклиматического потенциала страны и регионов, создание специализированных зон по производству и переработке основных видов сельскохозяйственной продукции и развитие на этой основе рациональной кооперации [3]. Однако в разделе не рассматривалась проблема устойчивого пространственного развития АПК и сельских территорий, а «решение социальных проблем села и (изменение) демографической ситуации в сельской местности» предполагалось за счет «создания новых рабочих мест на основе развития малых предприятий в сфере услуг, возрождения традиционных ремесел и промыслов» [3].

Максимальное использование агроклиматического потенциала АПК путем создания специализированных зон производства сельхозпродуктов невозможно без комплексного системного использования резервов других потенциалов: научно-технического, трудового, социального и других, а также их планомерного наращивания. При этом «максимальное использование агроклиматического потенциала АПК» возможно только при условии рационального природопользования, энергоэффективности и энергосбережения. В этой связи при реализации стратегии устойчивого развития было необходимо учитывать, что начало XXI века характеризуется значительными трансформациями, следствием которых является формирование нового мирового уклада, обусловленного интенсивным научно-техническим развитием, вектор которого направлен на повышение качества жизни, являющегося главным критерием конкурентоспособности страны в мировом пространстве. В Послании Федеральному Собранию РФ (2018 г.) Президент РФ В. В. Путин в рамках нового вектора стратегического развития страны в качестве магистральных направлений определил: повышение качества жизни; интенсивное научно-техническое развитие, ликвидацию отставания от стран – технологических лидеров; пространственное развитие; обеспечение обороны и безопасности [4].

В указанных документах были заложены методологические основы новой парадигмы развития, содержанием которой явился переход от ресурсной экономики к экономике инновационной. Применительно к АПК и сельским территориям достижение поставленных целей возможно лишь при наличии соответствующих методологических изменений системы стратегических целей устойчивого и конкурентоспособного развития социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий. Методологической основой новой парадигмы развития может послужить активное и эффективное применение стратегиче-

ского планирования и управления на основе выявления и реализации резервов и факторов во всей системе СПЭП АПК и СТ.

О наличии слабо используемых резервов устойчивого развития экономики РФ свидетельствуют следующие факты: по обеспеченности посевными площадями РФ (0,54 га на 1 чел.) опережает США (0,43 га), Францию (0,15 га), Германию (0,08 га), Китай (0,12 га). По энергетическому обеспечению РФ (5093 кг нефтяного эквивалента на 1 чел.) опережает Францию (3656 кг), Германию (3750 кг), Китай (2226 кг). По возобновляемым внутренним ресурсам пресной воды РФ (29989 м³ на 1чел.) опережает США (8838 м³), Францию (3020 м³), Германию (1321 м³), Китай (2062 м³). По площади лесов РФ (8149305 км²) опережает США (3100950 км²), Францию (169890 км²), Германию (114190 км²) и Китай (2083213 км²). При этом доля продукции инновационного уровня в общем выпуске составляет в РФ всего 8 – 9 %, производительность труда в два и более раз ниже, чем в странах-лидерах, инвестиции в нематериальные активы до 10 раз ниже, чем в развитых странах. Доля России в общем мировом экспорте высокотехнологичной продукции составляет всего лишь 0,4% [5].

Сложившаяся ситуация создает существенную угрозу национальной безопасности, ослабляет устойчивость всей системы международных экономических отношений, поскольку инструменты технологического развития становятся ключевым инструментом решения собственных геополитических задач.

Таким образом, для устойчивого развития России необходима системная концентрация интеллектуального, творческого потенциала и сбалансированное дополнение природных, территориальных ресурсных возможностей (резервов) страны ресурсами интеллектуальными [5].

В этой связи заслуживает внимания новая отрасль науки - «энвайроника», основу которой составляет синтез разума и нравственности. В рамках энвайроники рассматриваются современные проблемы цифровой трансформации применительно к разработке национальных проектов пространственного развития населенного пункта, региона и страны в целом [6].

Теоретические аспекты проблемно-ориентированного управления резервами и факторами устойчивого и конкурентоспособного развития социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий

В условиях развития процессов агропромышленной интеграции и урбанизации, формирования агропромышленных кластеров и агрохолдингов особое значение приобретает проблема научного обоснования и комплексной системной реализации резервов устойчивого и конкурентоспособного развития СПЭП АПК и СТ.

Социально-экономическая сущность эффективной системы управления резервами и факторами агропродовольственной экономики состоит в использовании достижений научно-технической революции для решения главной задачи агропродовольственной политики - обеспечения реальной продовольственной безопасности страны и регионов, социального благополучия сельского населения на всех уровнях управления и на всех стадиях воспроизводства.

Резервы устойчивого и конкурентоспособного развития СПЭП АПК и СТ следует рассматривать как составную часть резервов расширенного воспроизводства агропродовольственного производства. На современном этапе решающую роль в решении задач по переходу отраслей АПК на интенсивный путь развития играет высокое качество и конкурентоспособность труда, работы и продукции. Например, в последнее время получило распространение очень перспективное направление развития фармацевтики – фитониринг (от phyto – растительный и engineering – разработка, технология). Фитониринг позволяет с помощью самых современных научных методов выявлять высокоэффективные действующие вещества растений и на их основе разрабатывать и производить лекарственные средства с низкими побочными показателями. Всемирно известная компания «Бионорика АГ» ведет постоянный поиск новых лекарственных растений и их активных, с медицинской точки зрения, составляющих и

вносит значительный вклад в развитие современной медицины, будущее которой в огромной степени связано с успехами фитониринга [7].

По нашему мнению, российский агропродовольственный комплекс мог бы активно использовать этот резерв развития фармацевтики, чтобы стать одним из ведущих производителей лекарственных средств, уникальных по своему составу и действию для лечения самых различных заболеваний. Таким образом, АПК и сельские территории будут решать не только продовольственную, но и здравоохранительную проблему.

Для выявления и эффективной реализации резервов устойчивого и конкурентоспособного развития СПЭП АП и СТ, по мнению авторов, необходимо:

- в области управления - пропорциональное распределение ресурсов между стадиями воспроизводства в системе СПЭП АП и СТ, используя достижения нового направления в науке - рекрематики, в основе которой лежат принципы сквозного управления ресурсопотоками, целостность и системность, спираль рекрематики [8];

- в области нормирования представляется необходимым нормировать продолжительность жизненного цикла резерва ($T_p = t_1 + t_2 + t_3 + t_4$), где t_1 – нормирование продолжительности научных исследований; t_2 – нормирование продолжительности опытно-конструкторских и проектных работ; t_3 – нормирование продолжительности производства новой (модернизированной) продукции и услуг (начало – конец); t_4 – нормированная продолжительность использования (применения) новых (модернизированных) продукции и услуг;

- оценить качество разработки программы или проекта реализации резервов и факторов и их реализации в СПЭП АПК и СТ.

Резервы эффективности обеспечения устойчивого и конкурентоспособного развития СПЭП АПК и СТ включают:

$$P_{ур} = P^п_{ур} + P^{ик}_{ур},$$

где $P_{ур}$ – резервы устойчивого развития соцо-прродно-экономического пространства АПК и сельских территорий

$P^п_{ур}$ – резервы устойчивости, связанные с сокращением, ликвидацией потерь и убытков от неустойчивости и низкой конкурентоспособности,

$P^{ик}_{ур}$ – резервы устойчивости и конкурентоспособности, выявленные на стадии исследования и НИОКР, связанные с реализацией новой и модернизированной продукции и услуг АПК.

Рассматриваемые резервы являются отложенным эффектом. В этой связи правильность определения величины резервов и эффективности их реализации зависит от точного определения величины эффекта и затрат в воспроизводственной системе.

К сожалению, в научной литературе почти не разработаны проблемы эффективности обеспечения устойчивого и конкурентоспособного развития социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий.

Методика анализа резервов устойчивого развития и конкурентоспособного развития социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий должна включать:

- определение максимальной величины резервов интенсификации и качественного совершенствования социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий;

- определение времени включения резервов в целевые программы (с распределением по годам и учетом обеспеченности использования резервов);

- определение конкретных изменений в социально-экономическом и экологическом уровнях агропродовольственного производства и сельских территорий с включением выявленных резервов в экономический оборот.

Для ее реализации представляется необходимой разработка:

- а) классификации системного выявления резервов в соответствии с целью их использования;

- б) системы методов выявления резервов, в том числе:

- прогнозирование резервов, особенно на стадии НИОКР (форсайт – анализ);
- сравнительный анализ с передовой практикой, включая мировой уровень;
- экономико-математические методы и моделирование;
- метод функционально-экономического анализа (ФЭА);
- метод отбора вариантов в конкретных условиях развития;
- картирование, таргетирование, балансовые методы использования ресурсов;
- стандартизация, сертификация, управление качеством и (приборизация) его контроля

и измерения.

В решении проблем устойчивого развития при формировании стратегии агропродовольственной политики особое значение приобретает «форсайт» – принципиально новый метод определения разных сценариев будущего, в том числе - перспективных областей стратегических междисциплинарных исследований, влияющих на эффективность управления устойчивым развитием. Форсайт при определении будущего и способов его достижения основной упор делает на человеческий фактор (опросы экспертов, мозговые атаки и штурмы и др.) и базируется на взаимозависимости между обществом и технологическим развитием, позволяет выработать конкретные меры и сформировать государственную политику в сфере АПК и сельских территорий [9].

Особое значение при этом приобретают прогнозы развития техносферы. Рассматривая принципы становления ноосферного технологического базиса в России, видный российский ученый А. И. Субетто выделил «проблему становления гуманистической техносферы (гуманистических технических систем)» [10].

Более того, в современных условиях необходимо обратить пристальное внимание на проблему агломерации. Агломерация рассматривается многими специалистами как пространство вокруг городов разного типа, представляющее высокоурбанизированную территорию с густой сетью сельских поселений, объединенных совместной пригородной зоной.

В выполненном под руководством О. Севана исследовании проблем развития агломераций научно обосновывают вывод о том, что усиление процесса оптимизации сельских производственных мощностей «неизбежно формируют слой занятых в малоприбыльных и технологически отсталых производствах, которые выпускают низкокачественную продукцию для бедного большинства населения. С социальной точки зрения эти производства и сельские поселения при них будут представлять собой своеобразные «инкубаторы бедности» и воспроизводства застоя».

По мнению Жана-Мари Леге, ускоренная повсеместная агломерация «поломала условия жизни, использования времени и общественные связи населения сельских территорий» [11]. Согласно данным ООН, развитая урбанизация приведет к 2025 году к тому, что определяющую роль в социально-экономическом развитии той или иной страны будут играть уже не просто города или крупные урбанистические центры, а агломерации.

Агломерации оказывают существенное влияние на формирование отраслевой, межотраслевой и территориальной структуры регионов, их социо-природно-экономический потенциал. Однако агломерация, как форма территориальной организации производительных сил, до настоящего времени не получили официального признания в качестве объектов исследования и управления процессами устойчивого развития сельских территорий, что, одной стороны, усугубляет имеющиеся в ней диспропорции, а с другой, позволяет выявить резервы и рациональные пути интегративного развития систем «город-село».

Необходимым условием полного и наиболее эффективного использования резервов устойчивого и конкурентоспособного развития социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий является отбор оптимальных вариантов организационно-технических, экономических, социально-экологических и иных усовершенствований. При этом особое значение приобретает обоснованное определение последовательности и очередности в использовании этих резервов. Выбор оптимального варианта устойчивого развития и установление научно обоснованной последовательности в использовании рассматриваемых

резервов обеспечит систематическое повышение эффективности от обеспечения устойчивого и конкурентоспособного развития СПЭП АПК и СТ.

Сельские территории в проектах управления резервами устойчивого развития социо-природно-экономического пространства (СПЭП АПК).

В последнее время появился ряд публикаций, посвященных разработке механизмов управления, обеспечивающих эффективное устойчивое развитие сельских территорий. Одной из таких работ является статья Е. Громова, А. Герасимова, Е. Лесиковой «Современные тенденции формирования региональных и муниципальных программ развития сельского хозяйства и сельских территорий» [12].

В статье предложена модель системы стратегического планирования и управления устойчивым развитием сельского хозяйства и сельских территорий. Однако содержание статьи не совсем соответствует заявленной в ее названии теме, связанной с современными тенденциями разработки региональных и муниципальных программ. При этом разработанная модель планирования и управления устойчивым развитием сельского хозяйства имеет узкоотраслевой характер и не учитывает современную тенденцию его развития – агропродовольственную интеграцию.

Кроме того, в ряде публикациях, посвященных проблемам устойчивого развития, категория «развитие» неправомерно отождествляется с экономическим ростом. В действительности, экономический рост далеко не всегда означает экономическое или иное развитие. В этой связи следует согласиться с мнением академика Е.М. Примакова, считающего, что «устойчивое экономическое развитие не идентично устойчивому экономическому росту. Если даже у нас будет устойчивый экономический рост, но сохранятся тенденции, которые сейчас имеют место, устойчивого экономического развития не будет ни для нынешнего, ни для будущих поколений, ни на историческую перспективу России» [13].

На органическую связь управления устойчивым развитием с экологическими резервами биосферы указывал академик Ю. А. Израэль: «Чрезвычайно важно знать тот экологический резерв, ту емкость, которая имеется у биосферы. Без знания этого резерва, без знания этой емкости мы не можем планировать, не можем говорить о развитии, тем более устойчивом развитии... Глобальные проблемы – это климатические проблемы, проблемы биологического разнообразия, ... проблемы Мирового океана. От решения этих проблем зависит устойчивое развитие России... Мы говорим об устойчивом развитии, но прежде чем стать на первую, самую нижнюю ступень устойчивого развития, надо же разобраться в этой ситуации. Сегодня необходимо принять решение о том, что такую программу устойчивого развития надо разрабатывать на уровне Президента Российской Федерации» [14].

Академик Д.С.Львов рассматривает проблему устойчивого развития как макроэкономическое социально сбалансированное общественное развитие, как «устойчивое равновесие... Главная определяющая макроэкономического развития, стоящая на стороне процессов человека, которую очень легко проследить - это процессы социального расслоения... О каком равновесии мы говорим, когда мы не можем ... определить снижение, рассогласование между показателями развития отдельных регионов, образующих единое целое – нашу страну, нашу Россию... Россия вступила в полосу эпидемии, страшной эпидемии. Это эпидемия смертности. Мы обсуждаем проблему устойчивого равновесия, когда у нас скорость смертности существенно опережает скорость рождаемости. Идет непоправимый процесс депопуляции... Именно в традиционных российских губерниях скорость смертности выше примерно в 1,5 – 1,8 раза, чем средний показатель по России...» [15].

Многими отечественными авторами проблема управления развитием рассматривается в непосредственной связи с механизмами взаимодействия цивилизаций. Следует согласиться с утверждением Г.Э. Афанасьева: «Цивилизация задает границы преобразованного мира, территории, в которой человек не столько стал пользоваться природными процессами, сколько поставил их себе на службу за счет инженерных, ландшафтных преобразований, созданием

средств и способов деятельности, которые вносят изменения в ландшафтно-биоценозные системы... Основные проблемы, которые должно решать управление развитием, это согласование по разному направленным, по разному методологически организованных практик развития» [16].

Помимо устойчивого развития в теории и практике имеются другие типы развития, а именно - догоняющее развитие (В.М.Полтерович), опережающее развитие (С.Ю. Глазьев).

Обосновывая необходимость реализации концепции опережающего развития, С.Ю.Глазьев подвергнул критике реализуемый ранее проект вашингтонского консенсуса, как «примитивной концепции, результатом реализации которой в России стали «деградация и дезинтеграция экономики, резкое ухудшение благосостояния населения, снижение эффективности и конкурентоспособности производства, примитивизация, глубокое разрушение научно-производственного потенциала» [17]. Выход из создавшегося положения авторы видят в переходе на новый технологический уклад, при котором «глобализация станет более управляемой и сбалансированной с точки зрения интересов ведущих стран мира. Стратегия устойчивого развития сменит доктрину либеральной глобализации. В числе объединяющих ведущие страны мира целей будут использоваться борьба с терроризмом, глобальным потеплением, голодом, неграмотностью и другими угрозами человечеству» [17].

Предлагаемая стратегия предполагает достижение синергетического эффекта, комплексность формирования сопряженных кластеров производств нового технологического уклада и согласованность макроэкономической политики с приоритетами долгосрочного технико-экономического развития. Так, в АПК ключевым направлением шестого технологического уклада является широкое и быстрое распространение нанобиотехнологий, применение генетически модифицированных организмов, созданных на основе генной инженерии методами молекулярной биологии.

В отечественной экономической науке разработаны основы теории резервов производства и экономики бездефектности, изложенные в трудах Б.Л. Бенцмана [18]. Мысли, изложенные этим автором, созвучны появившейся позже на Западе в середине 80-х годов двадцатого века концепции «бережливого производства» и «шести сигм». Практика доказала, что эта технология обладает мощным синергетическим эффектом, что обеспечивает ее высокую конкурентоспособность по сравнению с другими технологиями менеджмента. Одним из ярких представителей технологии (метода) «бережливого производства» является Майкл Джордж [19].

По нашему мнению, в Программу междисциплинарных исследований и разработок по теме «Стратегия устойчивого развития – XXI век» целесообразным было бы включение следующих приоритетных задач:

- углубленное комплексное исследование теории управления резервами и факторами устойчивого и конкурентоспособного развития социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий с целью принятия государственных решений при возможных противодействиях и угрозах глобальных изменений природной среды и климата;
- научное обоснование адаптации имеющегося опыта организации бережливого производства и потребления в социо-природно-экономическом пространстве АПК и сельских территорий.

Система резервов устойчивого развития и агропромышленная политика как управленческая категория

Анализ противоречий между реализуемой в РФ агропродовольственной политикой и теоретическими представлениями о резервах устойчивого развития АПК и сельских территорий, отчетливо проявляющихся в рассогласовании декларируемых установок текущей аграрной политики с базовыми целями устойчивого развития АПК и сельских территорий, предопределяет необходимость выявления и установления системы резервов агропродовольственной политики. В структуру резервов включены резервы высшего и низшего порядка. К

резервам высшего порядка может быть отнесено устойчивое и конкурентоспособное развитие социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий, не подрывающее природно-ресурсную базу развития будущих поколений и позволяющее решать ключевые социальные проблемы сельского населения, в том числе: обеспеченность населения сельских территорий достойной работой, ликвидацию бедности, обеспечение медицинского обслуживания.

К резервам высшего порядка следует отнести обеспечение социального благополучия (повышение материального уровня и качества жизни сельского населения, ее продолжительности, физического и нравственного здоровья).

Стратегические и тактические резервы устойчивого и конкурентоспособного развития агропромышленной политики и ее структурных составляющих определяются существующими проблемами и ценностными установками сельского населения, ресурсами, достижениями науки и техники, а также вызовами глобализации и рисками, создающими проблемное и резервное поле концептуального обоснования агропромышленной политики, выбора модели, основных направлений и механизмов ее реализации.

При этом сама агропродовольственная политика должна рассматриваться как важнейший механизм реализации резервов устойчивого и конкурентоспособного развития социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий. В этой связи выбор целей, модели агропродовольственной политики и методов ее реализации должны стать производными от имеющихся ресурсов (экономических, социальных, демографических, природных) с учетом имеющихся и будущих рисков и неопределенностей.

По нашему мнению, важнейшими среднесрочными резервами агропромышленной политики для устойчивого и конкурентоспособного развития социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий является:

- ускорение перехода от политики зависимости от внешних факторов к опоре на собственные силы, национальные ресурсы развития (оптимизация открытости агроэкономики);
- ликвидация пространственных диспропорций развития сельских территорий;
- восстановление необходимого для устойчивого развития АПК и сельских территорий уровня государственного управления;
- максимизация сельской занятости, агропромышленного производства и покупательной способности сельского населения;
- повышение требований к уровню образования и профессиональной квалификации кадров;
- ускорение перехода к инновационно-инвестиционной модели устойчивого развития (развитие научно-технического потенциала АПК, человеческого капитала, более оперативное внедрение научно-технических достижений в агропромышленное производство, увеличение инвестиций в обновление производственной и социальной инфраструктуры).

Обсуждение.

Предлагаемый механизм управления устойчивым и конкурентоспособным развитием социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий ($Y_{\text{мех}}$) включает: цели и задачи управления ($X_{\text{цз}}$), показатели и критерии управления ($X_{\text{пкк}}$), резервы и факторы управления ($X_{\text{рфу}}$), методы и средства управления ($X_{\text{мсу}}$), технику и технологии управления ($X_{\text{ту}}$), обеспечивающие реализацию целей и задач устойчивого и конкурентоспособного развития социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий.

Предлагаемый механизм может быть представлен следующей зависимостью:

$$Y_{\text{мех}} = F(X_{\text{цз}}; X_{\text{пкк}}; X_{\text{рфу}}; X_{\text{мсу}}; X_{\text{ту}}).$$

Анализ аграрной (агротехнологической, агропродовольственной) политики, реализуемой в развитых странах мира, показал, что актуальными подходами к формированию механизмов регулирования процессов устойчивого развития СПЭП АПК и СТ является:

- определение резервов, факторов и приоритетов государственной пространственной агропродовольственной политики;

- непрерывное совершенствование механизмов реализации резервов и факторов агропродовольственной политики в целях стимулирования процессов развития агропродовольственной интеграции, формирования комплексной системы страхования и агропродовольственного лизинга,

- повышения эффективности программ сохранения окружающей среды и природных ресурсов;

- включение функции стратегического планирования и проектирования резервов в систему государственного управления и регулирования устойчивого развития АПК и СТ.

Заключение.

Стратегия управления резервами и факторами агропродовольственной политики РФ рассматривается в исследовании как основной государственно-управленческий документ, определяющий содержание государственной доктрины в области управления устойчивым и конкурентоспособным развитием социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий, формирующий и приводящий в действие механизмы реализации ее резервов.

Новые глобальные вызовы, угрозы и ограничения предопределяют необходимость разработки инновационных подходов к разработке механизмов реализации резервов и факторов агропродовольственной политики, среди которых можно выделить:

- реализацию приоритетных агропродовольственных проектов государственного масштаба;

- кластерный подход к формированию агропродовольственной политики, структурные изменения, модернизацию агроэкономики, повышение ее конкурентоспособности. Обеспечение безопасности, применение инновационной направленности, ускорение регионального устойчивого развития;

- активизацию частно-государственного партнерства в АПК, создание условий формирования механизмов саморазвития, повышение значимости управления знаниями;

- реализацию новой пространственно-территориальной логики развития, предопределяющую трансформацию внутренней организации социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий (СПЭП АПК и СТ);

- создание в сельских территориях привлекательных и необходимых условий для реализации эффективной инновационно-инвестиционной агропродовольственной политики и стратегии;

- стимулирование занятости сельского населения и социально-экономического развития. Борьба с сельской бедностью и социальной деградацией.

Для координации и управления процессами развития «полюсов конкурентоспособности» (по опыту Франции) целесообразно создавать межминистерские органы управления по обустройству и конкурентоспособности территорий, определяющие основные направления государственной агропродовольственной политики.

Список литературы:

1. Комплексное исследование проблем устойчивого развития: идеи и результаты под ред. В.А. Коптюга, В.М.Матросова, В.К.Левашова. «Академия». 2000. - 416 с.

2. Материалы парламентских слушаний Государственной Думы, Государственного Собрания Российской Федерации по проблемам устойчивого развития России. М. «Авиаль – новый проект». - 2002. - С.6.

3. Основные положения стратегии устойчивого развития России. Под ред. М.Ч. Залиханова, В.М. Матросова, А.М. Шемхова. Комиссия ГД по проблемам устойчивого развития. - М. 2002. - С. 158.

4. Путин В.В. Доклад «О реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными в 2018 году. РАН, «Наука», М., - 2019. - С. 4-5.

5. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период. Указ Президента РФ №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» 28 июня 2014 г. - С. 2.
6. Развитие или киберрабство? // Завтра. – 2019. - №6. - С. 1 - 4
7. Михаэль А. Попп. Фитониринг – прорыв в новое измерение.// Дипломат, - 2005. - №2 (130). - С. 31.
8. Основы рекрематики. Программа дисциплины. А. А. Егоров, Е. Л. Петравичуте, И. А. Чатаишвили. М, Рос. Эконом. Изд-во. - 1997. – 150 с.
9. Кинэн М. Форсайт приходит в Россию// «Форсайт». - 2007. - №1 (1). - С. 6-7.
10. Субетто А.И. Ноосферная экономика, стратегия и принципы воспроизводства технологического базиса: «Повестка дня на XXI век» для России//Вестник Петровской Академии. 2017. – №4(50) СПб.- С. 99
11. Леге Ж.М. Кого страшит развитие науки? Пер. с фр. Изд. «Знание». - М, 1988, - С. 63.
12. Громов Е., Герасимов А., Лесикова Е. Современные тенденции формирования региональных и муниципальных программ развития сельского хозяйства и сельских территорий // АПК: экономика, управление. - 2010. - №12. - С. 87-96
13. Примаков Е.М. Материалы парламентских слушаний Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по проблемам устойчивого развития. М. «Авиаль – новый проект. - 2002. - С.22-23.
14. Израэль Ю.А. Материалы Парламентских слушаний Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по проблемам устойчивого развития. М. «Авиальный проект». - 2002. - С.26-29.
15. Материалы парламентских слушаний Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по проблемам устойчивого развития. «Авиальный проект» 2002. - С.162-165.
16. Афанасьев Г.Э. Управление развитием – основной механизм невоенного взаимодействия цивилизаций//Механизмы взаимодействия цивилизаций: прошлое, настоящее, будущее. М. Научный эксперт. - 2009. - С.10-27.
17. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. - М. Экономика. - 2010. - 255 с.
18. Бенцман Б.Л. Управление резервами производства. Избр. труды. Составитель В.А. Динес, В.М. Ларин, С.Н. Семенов. - Саратов. СГСЭУ. - 2016. - 348 с.
19. Майкл Дж. Бережливое производство + шесть сигм. Пер. с английского. Москва. - 2005. - 360 с.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕЛЬСКОЙ БЕДНОСТИ И СПОСОБЫ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Шабанов В.Л., д.социол.н., ИАГП РАН

Проанализирована высокая и устойчивая концентрация бедности в сельской местности. Среди ее причин одни из наиболее значимых – безработица и низкая оплата труда трудоспособного населения. Установлено, что в настоящее время монетарная сельская бедность в социально-демографическом аспекте напрямую связана с числом детей и обратно связана с числом пенсионеров – даже применение взвешенной методики к исчислению среднедушевого дохода, хотя и смягчает зависимость доходов от размера и состава семьи, но не устраняет ее полностью. Роль пенсий в формировании дохода сельских домохозяйств является завышенной по сравнению с другими его источниками, особенно заработной платой. Переход к «зажиточности» характеризуется постепенным включением в орбиту занятости практически всех взрослых членов сельской семьи и их более высокой активностью в сфере предпринимательской деятельности. Показано, что прямая финансовая поддержка семей с детьми могла бы снизить риск их попадания в категорию бедных, однако более эффективными представляются меры, связанные со стимулированием занятости, самозанятости, поддержкой малого бизнеса. В конечном счете представляется важным, в какой мере оба эти способа снижения прямой зависимости бедности от детности должны соотноситься. Установлено, что работа в товарных ЛПХ, будучи составной частью предпринимательской активности сельских семей, может играть заметную роль в преодолении бедности сельского населения. В связи с этим поддержка может быть нацелена на повышение возможностей роста товарности малого сельскохозяйственного производства сельских домохозяйств.

Ключевые слова: монетарная бедность, сельская бедность, домохозяйство, доход, занятость, рынок труда, предпринимательская активность, социально-демографическая структура.

STRUCTURAL FEATURES OF RURAL POVERTY AND WAYS TO OVERCOME IT

Shabanov V.L., doctor of sociological sciences, IAgP RAS

A high and persistent concentration of poverty in rural areas is analyzed. Among its reasons, some of the most significant are unemployment and low wages of the working population. It was found out that at present, monetary rural poverty in the socio-demographic aspect is directly related to the number of children and is inversely related to the number of pensioners - even the use of a weighted method for calculating per capita income, although it softens the dependence of income on family size and composition, but not eliminates it completely. The role of pensions in the formation of income of rural households is overestimated in comparison with other sources, especially wages. The transition to "prosperity" is characterized by the gradual inclusion of almost all adult members of a rural family in the orbit of employment and their higher activity in the field of entrepreneurial activity. It is shown that direct financial support to families with children could reduce the risk of their falling into the category of the poor, but measures related to stimulating employment, self-employment, and support for small businesses seem to be more effective. It has been established that work in commercial household plots, being an integral part of the entrepreneurial activity of rural families, can play a significant role in overcoming poverty of the rural population. In this regard, support can be aimed at increasing the growth opportunities for the marketability of small agricultural production of rural households.

Key words: monetary poverty, rural poverty, household, income, employment, labor market, entrepreneurial activity, socio-demographic structure.

Введение.

Бедность характеризуется состоянием, при котором индивид не может обеспечить уровень и образ жизни, минимально приемлемые по стандартам, установленным государством или обществом [1]. Если в качестве основной причины невозможности достичь «приемлемый минимум», вызываемый недостаток финансовых средств, то речь идет о монетарной концепции бедности. В зависимости от реализуемого подхода – абсолютного или относительного – пороговым значением, отделяющим бедное население от небедного (линией бедности), является величина прожиточного минимума или доля медианы в распределении населения по размеру среднедушевого денежного дохода. Абсолютный и относительный подходы, несмотря на то, что оперируют одним и тем же монетарным показателем, различаются концептуально. Согласно первому, бедность в обществе может быть преодолена при достижении всеми некоторой величины дохода, установленной на основе медико-биологических и социально-экономических принципов. Относительный подход утверждает принцип неустрашимости бедности, которая связана не только с низкими доходами, но и с неравенством их распределения. В то же время формально любой монетарный подход к бедности опирается на исчисление объективной характеристики – некоторой величины дохода, которая ассоциирована с порогом бедности и служит отправной точкой для различения бедного и небедного по уровню доходов населения.

Целью исследования является выявление способов преодоления сельской бедности, проведенное на основе анализа структурной динамики сельского населения по социально-демографическим показателям и показателю доходов.

Методика исследования.

Исчисления монетарной бедности опирается на концептуальный подход Росстата. Эмпирическая база включает статистические обследования Росстата – микроданные Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах [2] и Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств [3] за 2018 г.

Результаты исследования.

Независимо от используемой методики исчисления бедности, наиболее уязвимым перед бедностью оказывается сельское население. Это особенно четко выражено при расчетах монетарной бедности. На рисунке 1 показано распределение сельского и городского населения по децильным группам, образованным на основе показателя среднедушевых располагаемых ресурсов: всё население, упорядоченное по росту данного показателя, делится на 10 одинаковых по численности групп, а в составе каждой рассчитываются доли горожан и селян.

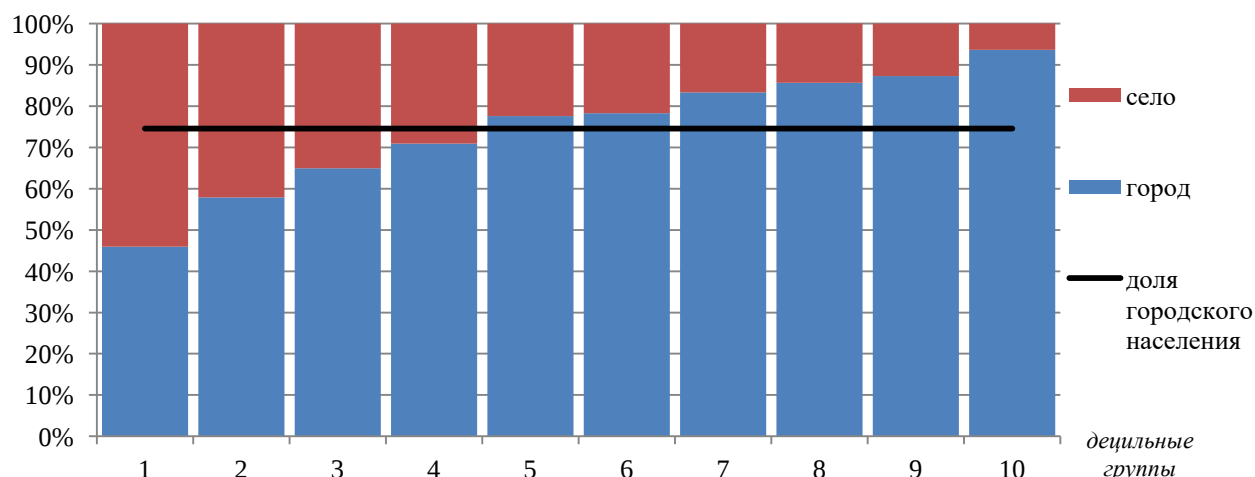

Рисунок 1 – Распределение городского и сельского населения по децильным группам доходности, % от численности групп

Можно видеть, что в первых двух децилях (большая часть которых, за исключением верхней половины 2-го дециля, состоит из малоимущих) доли городского и сельского населения почти совпадают, составляя суммарно по обоим децилям 52 и 48%, при том что доля городского населения в целом по населению страны составляет 74,5%. Превышение этой доли начинается с 5-го дециля, и при дальнейшем движении растет, достигая 93,6% в наиболее высокодоходном верхнем дециле.

При таком распределении очевидно, что концентрация доходов и соответственно экономическое неравенство в стране в большей мере определяется городским населением. Действительно, чем богаче группа и чем больше доходов она концентрирует, тем ниже в ней доля и численность сельского населения. Как результат – отсутствие зависимости между номером децильной группы и долей суммарного сельского дохода, концентрируемой сельским населением этой группы, – при том что для горожан такая зависимость есть, она является прямой экспоненциальной и выражена достаточно четко (рисунок 2).

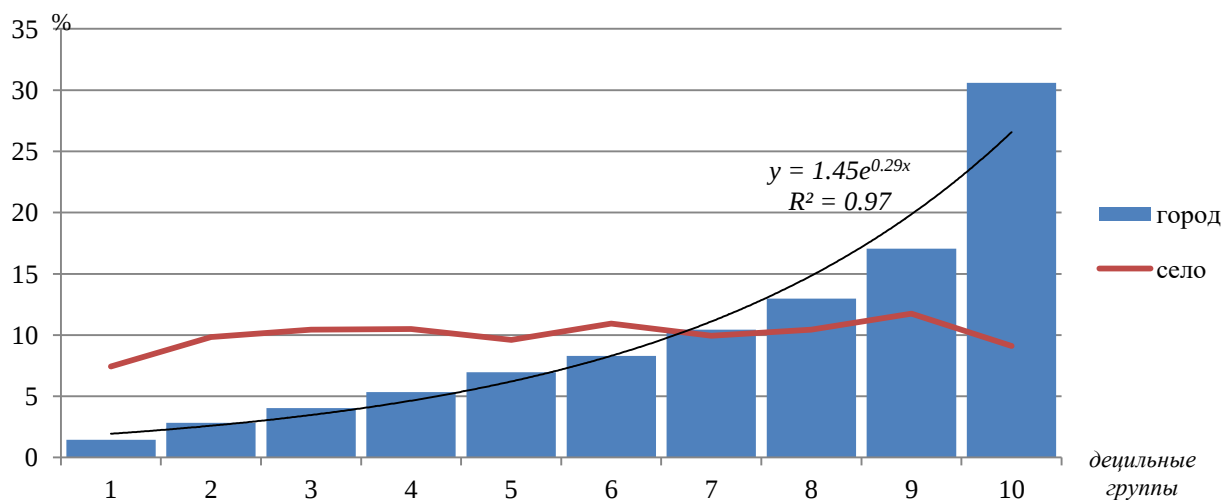

Рисунок 2 – Распределение суммарного городского и сельского дохода соответственно по городскому и сельскому населению децильных групп доходности, %

Структурная динамика сельского населения, меняющаяся по мере роста доходов, представлена в таблице. Группировка осуществлена на основе показателя среднедушевого дохода домохозяйства, включающего денежную и натуральную составляющие; последняя получена стоимостной оценкой натуральных поступлений из ЛПХ. Учет оцененных в стоимостной форме натуральных поступлений в составе дохода в некоторой степени повышает доходы сельских домохозяйств (по сравнению с данными Росстата) и меняет в сторону понижения уровень сельской бедности и состав группы бедных. Однако натуральные поступления до сих пор, несмотря на тенденцию их сокращения, играют заметную роль в жизнедеятельности сельских домохозяйств, и их учет позволил более полно оценить структуру доходов в разных группах сельского населения.

Среднедушевой доход домохозяйства был соотнесен с величиной прожиточного минимума (равного 10287 руб. в 2018 г.); индивиды, попавшие в нижнюю группу – с доходом менее 1 ПМ – считаются бедными. Индивиды с доходами от 1 до 2 ПМ, составившие следующую группу, в наибольшей степени подвержены риску бедности. Богатыми можно считать индивидов, входящих в верхнюю группу, чьи среднедушевые доходы превышают 5 ПМ.

Прежде всего, отметим, что модальная группа (считая по домохозяйствам и индивидам) – вторая из шести выделенных. Более 40% домохозяйств или индивидов, входящих в нее, составляют группу наибольшего риска по отношению к бедности. Действительно, согласно методике Росстата, определяющей среднедушевой доход невзвешенным способом, появление ребенка в семье из 2–3-х человек со среднедушевым доходом 1–2 ПМ, входящей во вторую группу, заметно «утяжеляет» знаменатель (в который вынесен размер семьи) и с большой вероятностью отбрасывает семью в группу бедных.

Таблица – Структура доходных групп сельского населения по возрасту, экономической активности, доходу, % от численности соответствующей группы, 2018 г. (по микродан-ным обследований Росстата [2, 3])

Показатели	< ПМ	1–2ПМ	2–3ПМ	3–4ПМ	4–5ПМ	> 5ПМ
Удельный вес в общей численности сельских домохозяйств, %	16,8	41,0	21,8	9,7	5,7	5,0
Численность домохозяйств, млн чел.	2,324	5,674	3,024	1,338	0,794	0,689
Удельный вес в общей численности сельского населения, %	24,0	42,5	19,2	7,4	3,9	2,9
Численность населения, млн чел.	8,926	15,795	7,110	2,753	1,460	1,079
Средний размер домохозяйства, чел.	3,84	2,78	2,35	2,06	1,84	1,57
Возрастная структура, %						
Дети 0–14 лет	40,0	20,0	11,6	5,9	5,4	4,7
Население в трудоспособном возрасте	51,2	49,6	57,5	61,8	60,5	64,2
Пенсионеры по возрасту	8,8	30,4	30,9	32,3	34,2	31,1
Структура экономической активности взрослого (15 лет и старше) населения, %						
Работающие взрослые	46,0	49,2	70,3	80,2	89,0	93,8
Неработающие и не учащиеся взрослые (пенсионеры, безработные, домохозяйки)	48,8	47,4	27,7	17,5	10,4	5,4
Учащиеся 15 лет и старше	5,2	3,4	2,0	2,3	0,6	0,8
Среднедушевой доход, %						
Денежное вознаграждение (оплата труда) по месту основной работы	49,4	50,5	60,5	64,9	66,9	57,7
Доход от предпринимательской деятельности	3,0	2,7	4,5	5,9	9,3	15,3
Доход от реализации продукции собственного производства	1,5	0,8	0,7	0,7	0,2	2,1
Использование продукции собственного производства в домашнем хозяйстве (в стоимостной оценке)	9,8	5,4	3,4	3,0	1,9	1,1
Трансферты (пенсии, детские пособия, компенсации, социальные выплаты)	33,2	38,3	28,1	21,4	20,0	17,9
Прочее	3,1	2,3	2,8	4,1	1,7	5,9

Однако и при взвешенной методике появление детей в семье повышает риск бедности. Так, взвешивание по методике, принятой в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), состоит в приписывании веса 1 только первому взрослому в семье; второму и последующим взрослым приписывается вес 0,5, каждому ребенку – вес 0,3. Экономическое обоснование взвешивания состоит в том, что относительные расходы семей большего размера ниже благодаря экономии на мелкооптовых покупках, а количественный показатель потребления, в том числе и расходов, обеспечивающих потребление, у детей и взрослых разный. Таким образом, цель взвешивания – уменьшение влияния размера и состава семьи на величину среднедушевого дохода [4]. Применение шкалы ОЭСР к анализируемым данным обследования Росстата смягчает зависимость доходов от размера и состава семьи, однако не устраняет ее полностью – по мере роста взвешенных доходов размер семьи и доля в ней детей снижаются. Так, в группе «взвешенной» бедности (определяемой как нижняя децильная группа по взвешенному среднедушевому доходу) размер семьи составляет 2,9; доля детей – 30,3%; в группе повышенного риска бедности (во второй децильной группе) – соответственно 2,57 и 23,0%; в группе богатых (составляющих верхний дециль) – 2,3 и 11,1%.

Подобная картина, при которой взвешивание, хотя и снижает влияние размера семьи и числа детей на бедность, но не устраняет его, обусловлена низкими доходами семей. Действительно, если заработки членов семьи недостаточно высокие, то независимо от способа расчета среднедушевого дохода семьи он приближается к черте бедности и при росте числа детей быстро преодолевает ее.

Отметим другие важные изменения социально-демографической структуры и структуры доходов, происходящие по мере роста благосостояния.

Переход от бедности к «предбедности» (от первой доходной группы ко второй) характеризуется резким снижением доли детей и почти таким же повышением доли пенсионеров. Доли индивидов в трудоспособном возрасте и работающих взрослых меняются слабо – как и логически связанная с ними доля оплаты труда в среднедушевом доходе семьи. На фоне «почти зеркальной замены» детей на пенсионеров в социально-демографической структуре происходит некоторый рост доли трансфертов, указывающий на более высокую значимость пенсий по сравнению с детскими пособиями при формировании семейных доходов. Таким образом, небедность домохозяйств из низкодходной 2-й группы обеспечивается благодаря росту числа пенсионеров с их пенсиями и снижению числа детей. Роль пенсий в преодолении сельской бедности оказывается более значимой, чем роль зарплат, удельный вес которых в семейном доходе, при слабо изменившейся доли работающих, почти не изменился.

Дальнейший рост благосостояния, связанный с переходом от 2-й к 3-й и затем к 4-й доходным группам, характеризуется продолжением сокращения удельного веса детей в семьях (хотя и со снижающимся темпом) и ростом удельного веса трудоспособного населения при относительно стабильной доле пенсионеров. Одновременно с этим происходит значительное увеличение доли работающих взрослых – очевидно не только за счет роста доли трудоспособных, но и за счет роста занятости пенсионеров. Работающие члены домохозяйств обеспечивают повышение удельных весов зарплат и предпринимательского дохода в структуре семейных доходов; при этом снижается удельный вес пенсий.

Переход к 5-й и особенно к 6-й доходной группе характеризуется определенной стабилизацией социально-демографической структуры семей. Значимое отличие от динамики между менее доходными группами состоит в том, что наблюдаемое продолжение роста удельного веса работающих взрослых не приводит к росту удельного веса зарплат в семейных доходах, но приводит к росту удельного веса доходов от предпринимательской деятельности.

Роль ЛПХ в обеспечении семейного потребления, как можно было предполагать, снижается по мере роста доходов. В то же время роль ЛПХ в формировании семейных доходов пренебрежимо мала во всех группах кроме верхней. Это подтверждают данные сельскохозяйственной переписи, согласно которым к настоящему времени произошла сильная дифференциация ЛПХ с выделением немногочисленной, но важной группы высокотоварных и высокодоходных хозяйств [5]. Можно говорить о том, что работа в товарных ЛПХ, будучи составной частью предпринимательской активности сельских семей, может играть заметную роль в преодолении бедности сельского населения.

Таким образом, рост благосостояния определяется не только ростом зарплат на основной работе, но и включением в орбиту занятости практически всех взрослых членов семей. Наличие пенсий для повышения семейных доходов важно для низкодходных групп; по мере роста доходов последовательно снижается удельный вес пенсий в них, которые замещаются зарплатами работающих членов семей и предпринимательским доходом. Роль последнего особенно высока в наиболее богатой группе.

Высокая концентрация детей в малообеспеченных семьях актуализирует вопрос о величине детских пособий и других форм поддержки семей с детьми. Более значительные выплаты, дополнительные пособия могли бы снизить риск попадания семей с детьми в категорию бедных. Однако такой подход не только финансово, но и социально затратный, так как устанавливает режим благоприятствования семьям, чья уязвимость определяется не болезнями, инвалидностью и другими подобными факторами, а низкими зарплатами или отсутствием работы и заработка. В этой связи более эффективными представляются меры, связанные прежде всего со стимулированием занятости, самозанятости, с поддержкой малого бизнеса, освобождения от налогов и т.п.

Прямая массовая финансовая поддержка различных групп населения в принципе не может быть достаточно высокой, гарантирующей от бедности, однако в последние годы государство осуществляет значительную поддержку пенсионеров путем опережающего роста размера пенсий, что подтверждается представленными выше данными. С.В. Киселев отмечает, что поддержка пенсионеров является сознательной политикой государства; это проще,

чем содействовать росту зарплат в отраслях сельской занятости («нельзя же доплачивать работающим»). Нет ничего плохого в поддержке пенсионеров путем повышения пенсий, однако нельзя считать нормальной распространенную в селе ситуацию, при которой работающий человек, особенно в аграрной отрасли, дающей работу около 20% всех сельских занятых, получает меньше, чем пенсионер [6].

К смягчению сельской бедности должны подключаться помимо сельского хозяйства другие отрасли. Несмотря на то, что соответствующие отрасли сельской экономики – строительство, сфера услуг, торговля, доля которых в сельской занятости растет, менее доходны по сравнению с городской, как справедливо отмечает С.В. Киселев, однако диверсификация сельской экономики необходима, и она является одним из важных факторов решения проблемы сельской бедности. Наряду с господдержкой и диверсификацией экономики необходимо стимулирование малого бизнеса, роль которого в повышении благополучия сельского населения традиционно высокая.

Наряду с мерами по снижению сельской бедности, связанными с господдержкой и трансформацией рынка труда, необходимо также принимать и другие меры, непосредственно не относящиеся к социальным или экономическим, – прежде всего инфраструктурные, направленные на повышение качества жизни и обеспечение лучшего учета малоимущих. Среди мер такого рода А.В. Петриков называет улучшение доступа к финансово-кредитным, информационным и другим ресурсам развития, улучшение социальной и инженерной инфраструктуры, расширение практики социального контракта, совершенствование социального обслуживания сельского населения, особенно в отдаленных районах, улучшение учета малоимущих семей, развитие сельского самоуправления [7].

Таким образом, монетарная бедность сельского населения в значительной мере определяется низкими доходами работающего населения и депривациями в сфере занятости, которые связаны с высокой занятостью в отраслях с низким уровнем оплаты труда и заниженными возможностями повышения зарплат, высоким удельным весом неквалифицированного труда, значительным распространением безработицы и нестандартных форм занятости, ограниченными возможностями развития предпринимательства, особенно несельскохозяйственного.

Заключение.

Высокая и устойчивая концентрация бедности в сельской местности обуславливает необходимость ее рассмотрения в качестве самостоятельной проблемы. Динамика социально-демографической структуры сельских домохозяйств при движении по группам доходности свидетельствует об уязвимости семей с детьми, о более надежном и устойчивом положении сельских пенсионеров по сравнению с работающими. При важности господдержки малоимущих преодоление сельской бедности и общий рост сельского благосостояния связаны, прежде всего, с повышением возможностей трудоспособного населения на рынке труда и с активизацией его предпринимательской активности.

Список литературы:

1. Гришина Е.Е. Динамика депривационной бедности в России. // Вектор экономики (электронный научный журнал). – 2019. – № 4 (34). – URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/4/laboureconomics/Grishina.pdf>
2. Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах // Росстат. – URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2018/index.html
3. Обследование бюджетов домашних хозяйств по итогам 2018 г. // Росстат. – URL: <https://obdx.gks.ru>
4. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н.Е. Тихонова [и др.]; под ред. Н.Е. Тихоновой. – М., СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 24–48.
5. Шабанов В.Л. Трансформация ЛПХ как источника занятости и доходов сельского населения // Экономика сельского хозяйства России. – 2018. – № 7. – С. 79–84.

6. Киселев С.В. Проблема сельской бедности и ее особенности в современных условиях // Никоновские чтения 2020. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=QQ9OrT8Dz_s&t=1468s

7. Петриков А.В. Сельская бедность в России и пути ее преодоления // Никоновские чтения 2020. – URL: <http://viapi.ru/download/2020/10/Petrikov.pdf>; https://www.youtube.com/watch?v=QQ9OrT8Dz_s&t=1468s

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СЕМЬИ С ДЕТЬМИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

Вяльшина А.А., к.социол.н., ИАГП РАН

Представлен анализ основных факторов, определяющих особенности благополучия детей в эпоху глобализации. Выявлены экономические, демографические и социокультурные детерминанты, влияющие на воспроизводственные и адаптационные возможности семей с детьми. Проанализированы глобальные тренды усиления экономической независимости женщин и изменение их роли в семье, отражающиеся на детско-родительских отношениях. Сделан вывод о необходимости совершенствования механизмов и инструментов государственной социальной политики с целью устранения негативных проявлений происходящих социально-экономических изменений и повышения уровня и качества жизни семей с детьми.

Ключевые слова: глобализация, сельские территории, семьи с детьми, глобальные тенденции.

GLOBALIZATION AND FAMILIES WITH CHILDREN: BASIC TRENDS AND INFLUENCES

Vyalshina A.A., candidate of sociological sciences, IAGP RAS

The analysis of the main factors that determine the characteristics of children's well-being in the era of globalization is presented. The economic, demographic and socio-cultural determinants that affect the reproductive and adaptive capabilities of families with children are revealed. The global trends in the strengthening of the economic independence of women and the change in their role in the family, which are reflected in parent-child relations, have been analyzed. It is concluded that it is necessary to improve the mechanisms and instruments of state social policy in order to eliminate the negative manifestations of the ongoing socio-economic changes and improve the level and quality of life of families with children.

Key words: globalization, rural areas, families with children, global trends.

Введение.

В настоящее время глобализация является одновременно символом надежд на будущие улучшения и предполагаемой причиной нарастания социальной несправедливости. Наибольшее влияние на семьи оказывает экономическая глобализация, проводимая посредством дерегулирования внутренней экономики, а также быстрый технологический прогресс последних нескольких десятилетий. Не меньшее влияние оказывают такие аспекты глобализации, как интернационализация моделей поведения, различных развлечений и типов потребления, а также всплеск перемещений больших потоков населения (в виде расширения трудовой, образовательной, туристической мобильности). Большинство из этих аспектов глобализации серьезно (напрямую или косвенно) затрагивают благополучие детей, начиная от смены стратегий обеспечения материального благополучия семей с детьми до роста силы влияния женщин в процессе принятия решений в домохозяйстве (или беспрецедентного проникновения Интернета во все сферы жизни детей). Главный вопрос заключается в поиске мер и инструментов, необходимых для содействия положительному влиянию глобализации на будущее поколений и более равномерного распределения ее выгод. Для целей государственной политики ключевым направлением становится необходимость различных институтов и инструментов, компенсирующие убытки от происходящих изменений, связанных с неравномерным (несправедливым) распределением выгод от глобализации.

Цель и методы исследования.

Цель исследования – выявление глобальных тенденций социально-экономического развития общества, затрагивающих развитие и благополучие детей. Основными задачами исследования являлось: 1) обобщение основных тенденций, определяющих предпосылки благополучия детей в эпоху глобализации, относящиеся к разным сферам жизнедеятельности

(экономические, демографические, социокультурные, ценностные факторы); 2) характеристика глобальных закономерностей экономической и социальной эмансипации женщин, анализ изменения моделей их брачного и трудового поведения, определяющих их взаимоотношения с детьми; 3) выявление основных трендов интернетизации детей и подростков, анализ негативных последствий этого процесса. Основными методами исследования являются общетеоретический анализ и синтез на основе системного подхода.

Результаты исследования.

Главными факторами, напрямую определяющими благополучие детей, являются уровень, структура и стабильность доходов домохозяйств; государственные расходы на базовые услуги здравоохранения и образования; структура и стабильность семьи; государственная политика в отношении семьи, детей-сирот и детей, оказавшихся в тяжелых жизненных ситуациях; время, уделяемое родителями детям. Стагнация или, что еще хуже, снижение доходов семьи обуславливает невозможность улучшения благосостояния детей, особенно в сферах здравоохранения, образования, повышая риски бедности и уязвимости. Усиление волатильности экономического роста в стране определяет нестабильность доходов семьи. В отсутствии адекватных систем социальной защиты неустойчивый экономический рост отрицательно сказывается на благополучии детей, которые в периоды рецессии могут оказаться в домохозяйствах с безработными взрослыми. Высокие риски безработицы, невысокий уровень образования родителей, неразвитый сельский рынок труда еще более усугубляют нестабильность уровня доходов семей с детьми, проживающих на селе.

Сельские территории во многих регионах мира находятся в состоянии демографического дисбаланса, который является результатом неблагоприятного миграционного баланса. Гендерный перевес в сторону женщин в сельской местности является лишь примером гендерных различий в возможностях, создаваемых некоторыми факторами (ограниченные рынки труда для женщин, особенно с разным уровнем образования и с разными трудовыми предпочтениями; слабый доступ к ресурсам по уходу за детьми и пожилыми). Старение и высокая доля женщин – это два фактора, которые определяют структуру сельской семьи.

Глобальной демографической тенденцией является рост ожидаемой продолжительности жизни при значительном снижении фертильности. Этот демографический режим, известный как «второй демографический переход», приводит к тому, что старшие поколения живут дольше, поэтому период их жизнедеятельности удлиняется. Этот демографический процесс требует перестройки карты этапов жизни семей. Низкая рождаемость является вторым аспектом «второго демографического перехода», который обуславливает размер новых поколений и напрямую влияет на численный дисбаланс между поколениями. Изменения, связанные с уходом за престарелыми членами семьи, оказывают глубокое влияние на ее организацию. Из-за снижения рождаемости и увеличения возраста женщин, при рождении первого ребенка возникает разрыв преемственности поколений, что отражается на изменении процессов ухода как за детьми, так и за пожилыми членами семьи. В сельских районах уход за последними осуществляется главным образом членами семьи, в первую очередь женщинами. Это вызывает порочный круг депопуляции: меньшая численность населения ведет к сокращению услуг и, следовательно, к перегрузке семьи. Обе ситуации вызывают еще большую депопуляцию.

Параллельно с опустыниванием значительных территорий в части населения, некоторые эксперты считают, что происходит и так называемое «опустынивание с точки зрения услуг» (например, «медицинское опустынивание» [1], отсутствие банковских услуг, некачественный интернет). Сельские районы, локализованные рядом с городскими центрами, втянуты (активно задействованы) в процессах экономического, транспортного и инфраструктурного развития из-за контрурбанизации, трудовой миграции или вторичного проживания. В то время как в отдаленных территориях разрыв между городом и селом превращает многих жителей в своего рода «граждан второго сорта», поскольку его последствия усиливают внутреннее социальное неравенство и усугубляют положение наиболее уязвимых групп населения.

Глобализация напрямую влияет на жизнь семей (домохозяйств) через трансформацию их стратегий жизнеобеспечения и жизнедеятельности. Для укрепления потенциала страны, для которого семья и ее развитие является приоритетом, важно понимать сложную взаимосвязь между глобализацией и проблемами трудовых доходов семей, бедностью домохозяйств, а также социальной изоляцией определенных групп сельского населения.

Глобализация, сопровождаясь перемещением и реструктуризацией рабочих мест, также изменила роль, которую национальные государства играют в поддержке экономического благополучия, доходов и содержания семей. Правительствам во всем мире пришлось скорректировать свои системы социального обеспечения и поддержки семьи из-за их ограниченной способности контролировать денежные потоки. Поскольку глобальная идеология, подчеркивающая приоритет предпринимательства и самообеспеченности, проникает даже в самые отдаленные регионы, концепция системы социальной поддержки быстро распадается. Это явление сопровождается ростом транснациональных корпораций, чья способность в рекордно короткие сроки перемещать целые отрасли промышленности в более «экономически эффективные» места может разрушить жизни регионов, семей и отдельных лиц. Таким образом, глобализация изменила не только роль национальных государств, но и способность семей поддерживать и защищать своих членов. Семьи вынуждены быть более самостоятельными в изменившихся условиях.

Многочисленные критики глобализационных процессов сходятся во мнении, что серьезным недостатком внимания к чисто экономическим последствиям и проблемам глобализации является то, что она игнорирует социальные последствия процесса для семей и сообществ. Последствия глобальной экономической трансформации особенно сильно ощущают лица из социально уязвимых категорий, такие как дети и пожилые люди, живущие в нищете, люди с ограниченными возможностями и маргинализированное население. При этом дети и пожилые люди абсолютно зависят от своих семей, так как именно экономический и социальный капитал семей обеспечивает им качество жизни. При сокращении или устранении программ, влияющих на благополучие семьи, таких как обеспечение питания, охрана здоровья, уход на раннем этапе жизни и возможности получения образования, создаются предпосылки для пролонгированного действия неравенства возможностей в течение всей будущей жизни. С этой точки зрения для благополучия семей более эффективным может стать реализация взаимосвязанного, скоординированного набора универсальных социальных программ, которые доступны для всех членов сообщества. Однако в условиях глобализации многие инструменты социальной политики, непосредственно влияющие на благосостояние семей, разрушаются или ослабевают. Семейная политика должна учитывать сложные условия, в которых люди во всем мире пытаются выжить. В связи с этим требуются новые механизмы социальной защиты для предотвращения маргинализации самых нуждающихся и слабо защищенных социальных групп, а также поддержания семьями своих традиционных функций обеспечения экономического развития и социального обеспечения своих членов [2–4].

По мере того как люди, семьи, сообщества и общества всё больше интегрируются в новые сложные глобализированные системы, их ценности, традиции и отношения меняются. Глобализация распространяет новые представления о гендере, трудовом гражданстве, идентичности, семейных отношениях и правах женщин и детей даже в очень отдаленные места. Однако различные группы не равнозначно реагируют на эти представления и изменения. В некоторых случаях они дают людям и их семьям возможность изменить свою жизнь, а в других – провоцируют семьи на невыгодные и разрушительные ситуации. Глобализация зачастую рассматривается как современная безудержная сила, в то время как концепция семьи подразумевает традиции, ограничения, близость и строгий контроль.

Важным глобальным трендом последних десятилетий, имеющим серьезные последствия для семейной жизни, стал колоссальный приток женщин в формальную и неформальную рабочую силу, а также их растущий уровень образования. Во всем мире наблюдается увеличение доли домохозяйств с двумя доходами и растущее стремление женщин минимизировать свою экономическую зависимость от мужчин как в своих семьях, так и в сообществах. Эти

тенденции сопровождаются растущим числом разводов, более поздним возрастом вступления в брак и возросшей способностью женщин ограничивать деторождение. Возросшие возможности заработка женщин способствуют устойчивому росту их социального статуса и способности принимать решения. Эти решения касаются занятости, миграции, брака, гендерных ролей и семейных обязанностей, особенностей воспитания детей.

Еще одним глобальным трендом, пересекающимся с ростом участия женщин в трудовой деятельности, стало расширение социальной мобильности населения. Миграция чаще всего связана с поиском новых рабочих мест и благоприятных условий проживания. Из-за растущих экономических различий внутри и между обществами большое количество людей переезжает из сельской местности в города и из развивающихся регионов в промышленно развитые страны в поисках возможностей и ресурсов. Во многих странах мира международная миграция привела к появлению нового типа семейных форм, известных как транснациональные семьи, в которых женщины являются мигрантами. Для транснациональных семей характерно сохранение корней в их домашних обществах и одновременное создание новых связей в принимающих их странах.

В процессе миграции многие из этих женщин оставляют свои семьи, в том числе и детей. Это явление обычно называют «транснациональным материнством» («transnational mothering») [5]. Женщины – трудовые мигранты уезжают, чтобы обеспечить лучшую жизнь своим детям и близким. Как правило, они выполняют низкооплачиваемую черную работу, соглашаясь на нее из-за ограниченных возможностей в районах своего проживания. Эти женщины часто подвергаются критике как дома, так и в принимаемом сообществе из-за ощущения, что они «бросают» свои семьи. Усиление экономической независимости женщин трансформировало их брачные установки. Результатом стал глобальный рост разводов и увеличение домохозяйств, возглавляемых женщинами. Поскольку роли женщин меняются, различные семейные структуры становятся всё более распространенными даже в таких местах, как Юго-Восточная Азия и Ближний Восток, где культурные представления о традиционных ролях в семьях играют определяющую роль в сохранении этих обществ.

Кроме того, возросшая социальная мобильность (например, сезонная трудовая или маятниковая миграция) оказывает серьезное влияние на формирование и развитие местной идентичности. Интерпретация мобильности как социальной практики позволяет проанализировать это влияние с точки зрения характера сельско-городских связей. Высокий уровень мобильности между сельскими и городскими районами создает гибридное (транслокальное) состояние индивида. В результате постоянная и повторяющаяся мобильность приводит к исчезновению различий между сельской и городской идентичностью, поскольку субъект включает в себя несколько одновременных принадлежностей.

Важно отметить, что в развитии сельских территорий в эпоху глобализации изменилась взаимосвязь между мобильностью и сельской гибридизацией. Отдельные исследования зафиксировали не только случаи временного перемещения сельских жителей в города, а горожан в сельскую местность, но и примеры двойного проживания семейных групп, чередующихся с проживанием в сельских и городских поселениях [6]. Это исследование предлагает рассмотрение жилой (резидентской) и связанной с работой мобильности как разновидностей семейных стратегий. Данный анализ выявил текучую (изменчивую) природу домохозяйств. Заметно ослабление взаимно-однозначного соответствия между семейной группой и домом. По мере того как используются несколько мест проживания, формы домохозяйств изменяются. Исследователи выделяют в качестве современных семейных форм так называемый конструкт «жизнь то вместе, то раздельно» (Living Apart Together) и случаи, в которых люди чередовали жизнь в расширенной семье с жизнью в нуклеарных домохозяйствах с целью формирования плотной сети заботы и внутрисемейного обмена, основанной на мультирезидентной семейной структуре.

Также можно выделить домохозяйства, которые являются одновременно городскими и сельскими; работников, являющихся одновременно городскими и сельскими жителями; семейные группы, использующие сети как сельского, так и городского взаимодействия. Эмпи-

рически были выявлены примеры, когда жизненные проекты людей чередуются между селом и городом. Эти случаи иллюстрируют гибридную сельскую местность, свидетельствуют о способности мобильности вносить вклад в диверсификацию сельской жизни, а также показывают значение сельско-городской дифференциации в увеличении мобильности. Семейные и жизненные стратегии основываются на использовании различных преимуществ сельских и городских характеристик для формирования стратегий, позволяющих максимизировать выгоды для проживания и работы.

Отдельного внимания заслуживает анализ становления и развития новых поколений в условиях глобализации. Большинство экспертов сходятся во мнении, что грядущие поколения формируются под влиянием новых глобальных ценностей, которые, с одной стороны, сближают страны, континенты и культуры, а с другой – разрушают традиционность, укорененность и социокультурную идентичность. В социологии поколение представляет собой социальную общность людей в определенных возрастных границах, для которой характерны схожие условия социализации и жизнедеятельности, типичные потребности и ценностные ориентации. На рубеже веков в научных исследованиях сложилось отдельное направление, связанное с изучением особенностей так называемых «детей индиго» – новой группы юных, которые значительно отличаются по своему сознанию от предыдущих поколений и поведение которых часто непонятно взрослым – родителям, педагогам и воспитателям. В разных странах стали выходить работы, где описывались привычки и поведение нового поколения. В зарубежных исследованиях эти дети и подростки, получили название «Цифровые аборигены» («Digital Natives, Digital Immigrants»). Термин был придуман по аналогии с английским словом *native*, которое в английском языке означает «коренной житель» («уроженец», «абориген») [7]. Таким образом, цифровой человек это – коренной житель цифрового общества, или Цифрового Века, века цифровых технологий. Некоторые авторы считают, что сегодня мы являемся свидетелями нового цикла развития поколений, в процессе которого будут определены ключевые направления развития человеческого сообщества на следующие 80 лет. Для будущего социального развития общества это означает, что в оценке и вариантах действий в той или иной ситуации разные поколения будут считать правильными разные методы, решения, описывать их разным языком, делать акцент на разных деталях, что может приводить к дискуссиям между ними вплоть до конфликтов [8, 9]. Особое значение данный факт имеет для будущего развития сельских территорий, ведь до недавнего времени сельский социум был синонимом традиционности, укорененности в ценности коллективизма, сплоченности и взаимопомощи, что определяло соответствующее мировосприятие и образ жизни. Мощное проникновение колоссальных медиа-поток, главными акторами которых стали дети и подростки, спровоцировало стремительные трансформации в молодежной среде села. Молодое поколение стало подвержено беспрецедентной глобальной информированности и интериоризации «чуждых» ценностей и моделей поведения. Эти процессы имеют серьезные негативные последствия, начиная от знакомства с глобальными деструктивными процессами (стихийные бедствия, террористические атаки, войны и конфликты) до радикализации поведения подростков. Психологи утверждают, что современные дети глубоко вовлечены в ознакомление с рискованной поведением, что создает предпосылки для проблем с психическим здоровьем (даже появился термин «токсичное детство»).

Заключение.

Таким образом, изменения в политических, экономических и культурных условиях жизнедеятельности, происходящие в эпоху глобализации, меняют повседневную жизнь детей, возможности и ресурсы формирования их человеческого капитала и напрямую определяют их будущее благополучие. Периоды быстрых социальных изменений делают результаты переходного периода развития в детстве и юности менее предсказуемыми. В эти периоды традиционные институты социализации и поддержки детей (такие как семья, сверстники, система образования, система социальной поддержки) сами претерпевают изменения в результате экономических потрясений, политических решений, технического прогресса или других социальных преобразований. В этих условиях важно понять, насколько велико влия-

ние каждого фактора, каковы особенности синергетического эффекта при их сочетанном действии, а главное – каковы возможности нейтрализации негативного воздействия этих процессов. От системы государственной социальной политики требуется реакция, опережающая ситуацию и позволяющая предвидеть грядущие социокультурные изменения. Необходимо разработка и реализация мер и инструментов социальной поддержки материнства и детства, учитывающих потребности и интересы всего многообразия социально незащищенных групп населения с целью повышения уровня и качества жизни семей с детьми. Важно осуществлять анализ их основных адаптационных возможностей для того, чтобы воспользоваться преимуществами глобализационных процессов.

Список литературы:

1. Camarero L., Oliva J. Understanding Rural Change: Mobilities, Diversities, and Hybridizations // *Social Studies*. – 2016. – No 2: 93–112.
2. Кривицкая Н.А. Государственные услуги содействия занятости городского и сельского населения Саратовской области // *Региональные агросистемы: экономика и социология*. – 2020. – № 1. – С. 124–130.
3. Елизаров В.В., Архангельский В.Н., Джанаева Н.Г. Дифференциация оценок значимости мер помощи семьям с детьми // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2019. – №4 (214). – С. 85–96.
4. Молодежный рынок труда: оценка и моделирование межрегиональных различий / под ред. Т.В. Блиновой. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2016. – 177 с.
5. Trask B.S. Globalization and families: Accelerated systemic social change. 2010. – URL: https://www.researchgate.net/publication/287308098_Globalization_and_families_Accelerated_systemic_social_change
6. Camarero L., Cruz F., Oliva J. Rural sustainability, inter-generational support and mobility // *European Urban and Regional Studies*. – 2016. – No 23(4):734–749.
7. Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия / научн. ред. С.Н. Майорова-Щеглова. – М.: РОС, 2017. – 203 с.
8. Шамис Е. Дети, взрослые, образование и Теория поколений: стратегические выборы 2003–2023 годов – URL: <http://rugenerations.ru> (дата обращения: 26.11.2020).
9. Шурбэ В.З. Поколение Хай-тек или «новый конфликт поколений» // *Социологические исследования*. – 2013. – № 4. – С. 100–106.

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ АПК КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ ЖИЗНИ СЕЛА¹

Заикин А.В., к.социол.н., Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС

Рассмотрены характерные черты социально ответственного поведения производственных предприятий сельских территорий. Показаны проблемы ситуативной адаптивности в пространственной локализации деятельности хозяйствующих субъектов, занятых в аграрной сфере. На примерах сюжетных зарисовок выделены типические черты социального портрета хозяйствующих субъектов АПК.

Ключевые слова: социальная ответственность, человеческие ресурсы, производственный потенциал, социальная адаптация, трудовая элита.

SOCIAL RESPONSIBILITY OF ECONOMIC SUBJECTS AS A FACTOR OF VILLAGE LIFE STABILITY

Zaikin A.V., candidate of sociological sciences, Povolzhsky institute of management
named after P.A. Stolypin – branch of The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

The characteristic features of socially responsible behavior of industrial enterprises in rural areas are considered. The problems of situational adaptability in the spatial localization of the activities of economic entities engaged in the agricultural sector are shown. Typical features of the social portrait of agro-industrial complex economic entities are highlighted on the examples of plot sketches.

Key words: social responsibility, human resources, production potential, social adaptation, labor elite.

Введение.

За десятилетия пореформенного времени функционируют все уклады: ЛПХ, фермерский, корпоративно-долевой и сверхкрупный – агрохолдинги. Все они имеют адаптивные стратегии по функционированию производства и поддержке уровня социального благополучия персонала и членов их семей. Можно предположить, что в каждом из укладов заложена различная по степени эффективности и устойчивости платформа для реализации этих целей.

Цель исследования. В исследованиях села и АПК факторы дифференциации масштабов социальной ответственности изучены недостаточно и мы ставим цель восполнить этот пробел.

Методика исследования.

Отечественная теория корпоративной социальной ответственности находится пока на уровне становления, опираясь на стандарты корпоративного социально ответственного поведения, апробированные мировым опытом. Крупные мировые корпорации давно уяснили, что компания становится более привлекательной, если в полной мере реализуются практики корпоративной социальной ответственности. Такой стратегии придерживается индустриальный менеджмент.

Функционирование предприятий в сельских территориях заключается в слитности занятости в них с фактором повседневности, как самоочевидности существования, ситуативности и пространственной локализацией деятельности занятых в аграрной сфере [1].

При изучении деятельности сельхозпредприятий обращено внимание на взаимосвязь социально ответственного поведения субъектов хозяйствования и производственного потенциала организаций. Расширение масштабов производственной деятельности заставляет хозяйства применять более сложное техническое оснащение, повышать качество произво-

¹ Исследование и публикация поддержаны РФФИ. Грант №-18-011-00206.

димой продукции. На определенном этапе становления и развития организации обеспечение квалифицированными трудовыми ресурсами становится ключевым фактором организационного успеха, а урегулирование социально-бытовых проблем работника таким же фактором, как и инновационность применяемых технологических приемов. Мы исходим из представления, что в многообразии переменных, влияющих на повышение производительности труда, моральное состояние коллектива становится еще одним аспектом повышения эффективности хозяйственной деятельности. На социально-психологическое состояние начинает оказывать влияние организационно-управленческие особенности предприятия (специфика организационной структуры, методы принятия управленческого решения, характер коммуникационного процесса в управлении, способы и масштаб делегирования полномочий). Для работника становится важным не только благоприятность физического санитарно-гигиенического окружения на рабочем месте, но и бытовые условия. Детерминируется как прямая, так и обратная зависимость, т.е. эмоциональное состояние работника переносится с производства на быт, происходит и обратное влияние: хорошая бытовая обустроенность его семьи – на пространство труда.

Результаты исследования.

Изучение конкретных практик труда и жизнеустройства сельчан показало, что высшую планку по соразмерности этих областей жизни занимают крупные и средние корпоративно-долевые организации.

Сложные процессы формирования образцов социально ответственного поведения можно увидеть в селе Степное Саратовской области. С помощью качественных методов исследования (опросы экспертов и наблюдения) в нем были выявлены типические черты процессов, характерных для многих сельских поселений в период постсоветской трансформации территорий. Стабильный состав населения села (600 человек) представляется очагом темпорального превосходства в развитии перед рядом расположенными поселениями. Если асфальтированные дороги из районного центра в другие села только начали укладывать, то в Степном уже несколько десятилетий существует отличная трасса с твердым покрытием. Имеется полный комплект отлажено работающей инфраструктуры социально-культурно-бытового назначения: ухоженной территории усадьбы, действующего отремонтированного клуба, медпункта, школы с 80 учениками, постоянно функционирующей библиотеки, построенного за счет хозяйства универсама с изобилием товаров, столовой для своих работников, пекарни и общежития. Возникает ощущение успешности поселения и оптимистичных перспектив в жизни его жителей.

Полная укомплектованность хозяйства современной передовой техникой позволяет работать высокопроизводительно и создает благоприятный режим работы в одну смену. Кроме экономичности, экологичности и надежности тружениками полей особенно выделяется удобство современной техники. Физический комфорт (хорошая шумоизоляция и отсутствие пыли) влияют на общий эмоциональный фон. Позитивное настроение отражается на высоком моральном климате профессиональной группы передовых механизаторов.

В контексте социально ответственного отношения к формированию трудовой элиты села можно отнести установку четких критериев профессионального роста. При этом главное внимание руководство хозяйства обращает на предыдущие заслуги перед организацией. *«Вот молодым давай все и сразу, а чтобы получить новую технику, и чтобы такой же почет был, как у передовиков, нужно не один год голым пузом поползть под сломавшимся старым трактором»* (бригадир передовой полеводческой бригады ООО «Степное», 60 лет). Необходимо было постоянно доказывать не только свой высокий профессионализм, но и лояльность корпоративным ценностям. *«В бригаде все подобрались люди опытные, знающие, проверенные. Почти все техникум механизации закончили, поэтому у нас у каждого техника лучшая, имена. Я на нем вот, на этом «Джундире» (трактор американского производства – примечание авт.) только один работаю. К нему больше никто не подойдет. Я его, конечно же, не перегружаю, берегу. Он у меня работает в оптимальном режиме, но производительность высокая. Самая высокая выработка по району за несколько лет, а иногда и по области. Мы же технику знаем и бережем. У меня, например, на своем американце*

за пять лет не было ни одной крупной поломки» (передовой механизатор). Не менее важно стимулирование за стаж работы. Многолетние трудовые усилия и высокая степень мастерства позволяет рассчитывать на более высокий совокупный доход. «... вспахал поле и за каждый гектар получил 2 кг зерна. На комбайнера приходится до 10 тонн. Все получают кроме зарплаты натуроплату, а в конце года еще стажевые. Если он отработал здесь 15 лет, он получает на всю зарплату еще 25 % доплаты.... работникам мы даем ссуду беспроцентную на два-три года. Машину купить, дом отремонтировать. Приходят, берут ссуду как в банке, только без процентов, без залогов. Сейчас многие стали ремонтировать свои дома, заборчики ставить или там колодец выкопать» (руководитель хозяйства ООО «Степное»). Новое прочтение смыслов среды обитания актуализирует идею благополучия и достижения успешности именно в родном селе.

По оценкам руководителей хозяйств и сельских жителей стратегии поведения по социальным обязательствам перед сельским сообществом крупных фермеров и акционерных обществ схожи. В то же время средние и мелкие фермеры (имеющие от 150 до 500 га) зачастую игнорируют вопросы благоустройства поселений. Из-за невысокого ресурсного потенциала они с трудом реализуют свои хозяйственные задачи, что подталкивает их уклоняться как от решения общепоселенческих проблем, так и экономить на налогах фонда оплаты труда, нанимая работников на сезон. Однако и мелкие фермеры интегрированы в социально-территориальное сообщество и вынуждены реагировать на крайне необходимые запросы населения: помогать деньгами (например, оплата операции одного из членов семьи жителя села), техникой (почистить дорогу на кладбище, когда в этом есть необходимость) и т. п.

По мере укрепления финансового положения фермерские хозяйства всё больше инвестируют в человеческий ресурс, а не только в производственные составляющие (новая и импортная техника, складские помещения и мастерские, перерабатывающее зерновое производство). Профессиональный работник начинает рассматриваться как кадровое ядро будущего организационного развития и у него появляются большие возможности быть успешным. И здесь главным критерием отбора механизатора в бригаду является высокий профессионализм и следование жестким принципам трудовой дисциплины. «У меня 2 тыс. гектар земли, осталось от отца. Весь набор техники есть. Производство зерновое – пшеница, рожь, ячмень, подсолнечник. Отработали сезон, технику ремонтируем и на консервацию до весны. Бригада постоянно работающих у меня – 10 человек. Все проверены, притерлись друг к другу. Понимаем друг друга с полуслова. Конечно они старше меня, еще с отцом работали, частенько мне подсказывают. Зарплату хорошую установил. Я им по 400 тыс. в год плачу. Мы собрались и договорились как кому удобно, чтобы я платил. Кому раз в полгода, кому поквартально, кому помесечно плачу. А зимой им делать нечего, вот они кто чем занимаются. В основном телят держит, кто свиней на откорм берет. Зимой подрачивают, а весной мясо на базар. В целом, неплохо у них получается. (Фермер, 30 лет. Ртищевский район Саратовской области). Однако такие позитивные факты недостаточно распространены. Проходя непростой путь определения своего вклада в развитие сельского сообщества, многие «некрепкие» фермеры остаются на низшем уровне своего этического роста, так как заботятся, прежде всего, об эффективности хозяйствования. Для них сохранение производственного потенциала является стартовой основой успехов в будущем.

Обещанное рыночное благополучие, затянувшееся на десятилетия, привело к дифференциации не только среди хозяев основных ресурсов, но и рядовых членов сельских сообществ. Одна часть, включающая предпринимателей-фермеров, берет курс на улучшение своей бизнес-позиции и повышение устойчивости своего дела. В его рамках, как правило, реализуется стратегия социального благополучия жителей сел, в которых они обитают.

Другая часть, включающая глав крупных форм фермерских хозяйств, показывает обширные возможности благоустройства жизненного пространства сельских территорий. Примером тому является балашовский фермер Юрий Викторович Глухов. На возделывание 2,7 тыс. га пахотной площади привлекается 23 человека наемного персонала. Инженерное образование (Саратовский институт механизации сельского хозяйства) помогает разбираться в новинках техники – построен мехток, где установлены современные немецкие машины,

новый сушильный комплекс производительностью 20 т в час. Перспективным человеческим активом фермер считает молодые кадры. На ярмарке вакансий в СГАУ им. Н.И. Вавилова Глухов заинтересовал и привлек к работе в своем хозяйстве выпускника вуза, по специальности агронома. *«К приезду специалиста дом построил для молодой семьи, помог с обустройством, машину Нива купил для работы... И поставил задачу: не только добиваться хороших урожаев, но и серьезно заниматься защитой растений, работать с современными информационными технологиями. Словом, дерзать и быть в своей работе настоящим профи»* [2]. Масштабы аграрного производства позволяют дополнительно заниматься предпринимательской деятельностью. Закуплена автодорожная техника и оформлена лицензия на транспортные перевозки. Социально ответственное поведение Глухова проявляется в организации автобусного сообщения до города Балашова. Купил автобус, оформил маршрут и два раза в день автобус курсирует между с. Львовкой и Балашовом. Он так объясняет мотивы своего поведения: *«...кому в больницу (во многих селах давно медпункты закрыты), кому оформить нужные документы в райцентре или просто съездить в супермаркет за покупками. Деньги от пассажирских перевозок небольшие, но для людей такая помощь – хорошее дело»* [2]. Фермер взял на себя ответственность за перевозки детей с ограниченными возможностями, приобрел для этого автобус, оборудовал его по всем требованиям безопасности. Помогает содержать школьный автобус для детей из соседних сел. Силами К(Ф)Х произведена замена старого водопровода в селе. Этот факт демонстрирует тот факт, что и при относительно небольших формах хозяйствования фермер может многое сделать для людей. К сожалению, рыночный порядок жизни не включает этические ценности в качестве условий для поддержки личности в его хозяйственной деятельности. Однако одобрение поведения фермера в сельском сообществе имеет немаловажное значение. Прежде всего, для него самого, ведь жизненные цели человека меняются и возможны ситуации, когда социальная ответственность становится главным козырем дальнейших успехов.

Заключение.

Привлекая качественные методы исследования (наблюдение, опросы экспертов, анкетирование и беседы), можно уловить как множество ситуационных оттенков в меняющейся палитре жизнеустройства села, так и их устойчивые типические черты. К настоящему времени можно наблюдать сложившуюся мозаику неоднородного аграрного пространства: пустеющие, заброшенные районы; территории с относительно сносными для жизни условиями и вполне успешные поселения. Особенности внешней среды отражаются и на фермерстве, которое демонстрирует различное поведение, стратегии и обыденные практики. Часть из них, имея властно-организационные преимущества на старте, демонстрируют дальнейшее аккумулирование ресурсов своей организации. Актуализация целей и ценностей различных групп сельских жителей имеет общие и специфические черты. Для среднестатистического сельского жителя наиважнейшим является благополучие семьи и перспективы для развития детей; для сельскохозяйственного предприятия важен производственный результат. Но обе составляющие сельской жизни связаны и зависят друг от друга, что является хорошей предпосылкой повышения взаимопонимания и настройки жизненного пространства села с обнадеживающими перспективами существования.

Список литературы:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знаний. – М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. – 323 с.
2. Барсукова Н. Крестьянское дело Юрия Глухова. – МК в Саратове. – 2017. – №21 (1030).
3. Сокращение населения России достигнет максимума за 14 лет. – URL: https://www.rbc.ru/economics/01/09/2020/5f4cca209a794742cc5d7b74?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop